

ШЕРСТЕННИКО

ДРУГО
ЗЕРКАЛ
РЕАЛЬНОС

Николай Шерстенников
Другое зеркало реальности

«Автор»

2025

Шерстенников Н. И.

Другое зеркало реальности / Н. И. Шерстенников — «Автор»,
2025

Главные герои книги - священник, бандит, Доктор из параллельной реальности и героиня древней Руси - мистическая женщина Звента. Их судьбы невероятным образом переплелись в удивительных приключениях. Волею свыше их память была заблокирована, стёрты даже малейшие воспоминания. Они переживают невероятное, необъяснимое. Но жизнь продолжается, и герои вспоминают приключения, обретают фантастические способности, с помощью которых противостоят неведомой тьме... Роман не претендует на историческую точность. Описанные в нём события позволяют провести аналогии с нашим временем, увидеть закономерное в случайном...

© Шерстенников Н. И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Книга первая Щель миров	5
Пролог	5
Часть первая «Встречи»	9
Замок в лесу	9
Доктор	13
Священник	15
Странник	18
Борьба за себя	19
Разговор у костра	22
На краю бездны	25
Во глубине себя...	28
В темноте	32
...Радость...	32
Подземелье	32
Противоречащий?	36
Свиток	39
Изба	41
Черные ночи в Ойе	43
Мир за порогом...	46
Ступень слабости	47
Где ты, Странник?	51
На гребне стены	53
Водовороты мощи	55
Эпидемия силы	57
Шаг из прежней жизни...	59
Среди мудрых	64
Дверь к служению...	65
Воссоединение	70
Часть вторая «Испытания»	73
Вперед, в прошлое...	74
Тайное и явное	80
Тоска	85
Знать и хотеть	88
Часть третья «Родичи»	91
Сквозь время	91
Знакомство	95
Почитайте своим	96
Порча	98
Исцеление	101
Принятый родом	105
Ящерка на угольях	107
Урок вежливости	110
В гостях у франка	111
Спасение от нави	113
Частица силы	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Николай Шерстенников

Другое зеркало реальности

Книга первая Щель миров

Пролог

Звонок разбудил Лену рано утром. Был он требовательным и настойчивым. Так звонят только официальные представители, которым плевать на предутренние сны граждан.

Она проснулась и резко села. Сердце трепыхалось в горле. Она не могла сообразить, что случилось, а звонок снова и снова вспарывал сонную тишину квартиры. Лена накинула халатик и побежала в прихожую.

– Кто там? – хриплым со сна голосом спросила она...

– Вам телеграмма, распишитесь...

Лена посмотрела в глазок. На площадке стояла женщина с какими-то бумажками в руках. Лена приоткрыла дверь. В щель просунулась рука с квитанцией, бланком и карандашом. Она автоматически чиркнула в квитанции и прикрыла дверь... Сердце вновь тревожно забилося. От кого такая срочная депеша? Какие неприятности сулит ей сложенный пополам листок бумаги?

Медленно она развернула бланк телеграммы, вчиталась в строчки текста... Потом прочитала еще раз и ничего не поняла. Но вздохнула с облегчением – слава Богу, никто не умер, все родные живы и здоровы. Текст телеграммы был непонятен ей. «Такого-то в полдень жди телефонного звонка. Надеемся на разговор.» И ничего не объясняющая подпись: «СНЮД».

Знакомых с таким именем у Лены не было. Да и само имя казалось странным. В Африке еще туда-сюда, а у нас, в России... Нет, решительно никаких знакомых с таким именем, кличкой или шутилым прозвищем она не помнила.

Лена подошла к детской кроватке. Митяйка спал безмятежно, разбросав ручонки в стороны. Утренний звонок его не потревожил. Она взглянула на часы – начало пятого...

– Идиотизм какой-то, – с чувством произнесла женщина. Она снова забралась под одеяло, но сон, как отрезало. В голову полезли мысли, ненужные воспоминания. Сначала она пыталась сообразить кто из знакомых мог так пошутить. Но скоро отказалась от этой затеи. После рождения сына друзей почти не осталось. Один только Димка и забегает иногда поведать. А звонят по телефону всегда только родные, чаще других – мама.

Незаметно всплыли воспоминания, которые она всегда старалась упрятать как можно глубже, запретить их себе. Но... Вспомнился тот, трехлетней давности турпоход. Медвяный запах трав, свежесть лесного вечера, пляшущий жар костра на лице. Чудесная недельная прогулка с институтскими друзьями. Никакого намека на последующие странные события... Что же случилось тогда? Здесь и начинались загадки, которые оставались непонятными, прежде всего ей самой...

На институтских дискотеках парни опасались знакомиться с ней. Было в ее глазах нечто такое, что останавливало кавалеров, держало на дистанции. Да и язык у Лены подвешен так, что могла отбрызнуть потенциального ухажера вежливо, но так едко, что у него пропадала всякая охота развивать отношения. Однажды местные хулиганы пытались обломать строптивую девицу силой, но, наткнувшись на холодный, до озноба взгляд девушки, трое здоровых и наглых бугаев, неожиданно для себя расступились перед ней, освобождая проход...

Вообще, она с детства была девочкой серьезной и самостоятельной. За свою недолгую жизнь она целовалась только раз – в школе на выпускном. Да и поцелуем это не назовешь.

Ткнулись носами друг в друга и разбежались в радостном волнении... Ни о чем большем она даже думать не хотела... Так что же случилось? Эта загадка ей самой не давала покоя. Она не знала и не помнила ничего! Она была уверена в том, что ни с кем и НИЧЕГО у нее не было... Но... Из похода она вернулась беременной.

Конечно, это обнаружилось много позже, когда делать что-либо было поздно. Да и не стала бы она ничего предпринимать. Она чувствовала уверенность, что ее будущий ребенок – это дитя любви, а не плод случайной глупости. Но когда все произошло, и кто был отец, она не знала. Помнила все, кроме этого...

Когда мама выпрашивала ее об обстоятельствах, она рассказала все как помнила... А точнее – что ничего и ни с кем у нее не было...

– Ну, значит ветром надуло, – расплакалась мать.

Лена хотела огрызнуться, но неожиданно для себя заплакала тоже. Проплакав с мамой чуть не час, она почувствовала близость, какой раньше не было.

Потом во время беременности, в институте парни многозначительно переглядывались, девчонки в глаза сочувствовали, а за спиной шипели:

– Доигралась, недотрога...

А потом – закономерное событие – роды. Тогда она что-то вспомнила. Боль приоткрыла тайные уголки в памяти, и она ощутила себя совсем другой – могучей и знающей... И еще она вспомнила отца ребенка... Вернее не его, а ощущения, которые остались в памяти. Она чувствовала его запах, мощное тело, мягкий шелк волос... И еще такую нежность и любовь к ней, какой даже представить себе не могла. И чувствовала, как отзывается в ней огромное, прекрасное, сияющее... Но кто он, когда они встретились... Нет, тут словно занавес падал и память закрывалась.

Два года Митяйке, она уже смирилась со статусом мамы-одиночки, даже находила в нем некоторые преимущества...

Она ни от кого не зависела, на внимательные мужские взгляды не реагировала, оставаясь верной мимолетному всплеску памяти...

После родов Лена чуть пополнела и ее сильное, точеное тело обрело необычайную притягательность,лучилось теплом, нежностью и... ожиданием. Часто мужчины принимали ее ожидание за призыв и получали по носу так, что зарекались приближаться к этой странной молодке.

Из старых друзей отношения остались только со школьным приятелем Димкой. Он забегал изредка, играл со своим маленьким тезкой, смотрел странным взглядом, но не спрашивал ни о чем... Они болтали о пустяках, подолгу пили чай. Митяйка ластился к нему, называл дядей Димой... В такие минуты Лене казалось: – а может он? Но вспоминала ощущения, слушала сердце – оно молчало. Нет, не он... Мать, конечно, намекала, мол, смотри какой мужик... А ты! Но Лена однажды жестко отрезала:

– Мы – друзья, больше ничего не будет!

Хотя сомнение эти разговоры в ней посеяли... Быть может она и решилась бы на что-то, но... Пришла эта странная, непонятная, глупая утренняя телеграмма... Однако Лена чувствовала, что с официального клочка бумаги для нее начинается новый этап в жизни...

Она готовилась к звонку с утра, но все же частая трель междугородного вызова заставила ее вздрогнуть. Сердце заколотилось, ладони взмокли. Она непослушной рукой сняла трубку:

– Алло, я слушаю...

Сначала в трубке шуршало, потом профессионально-равнодушный голос телефонистки назвал ее номер и сказал:

– Елену Сергеевну вызывает...

Она не расслышала название города. В трубке кто-то задышал и зазвучал глубокий голос. Он что-то произнес на незнакомом певучем языке.

– Я вас не понимаю, говорите по-русски

На том конце помолчали, затем тот же голос заговорил:

– Здравствуй, это я. Мы вернулись... Я так ждал, любая моя!

Лена поняла, что сейчас с ней говорит тот, память о ком жила в ней... Но кто, кто? Где он? Лена, едва дыша прошептала:

– Кто вы?

– Неужто не помнишь? Любая, ты меня забыла? Это же я, милая! Я здесь, я вернулся, я исполнил... Мы все исполнили и вернулись, ты меня понимаешь?

– Нет, я ничего не понимаю, кто вы?

– Священника, Доктора, Бирюка неужели не помнишь?

В трубке зазвучал другой голос, мягкий и сильный:

– Лена, это я... Вспомнишь все, скоро вспомнишь... Мы увидимся через несколько дней... Жди. Мы скоро будем у тебя...

В комнату забежал малыш. Он уверенно спросил:

– Это папа, да?

Что-то всколыхнулось внутри и появилась уверенность, глубинная сила... Она улыбнулась Митяйке глазами и ответила:

– Да, маленький, это наш папа нашелся...

Три дня минуло после того разговора по телефону. И поздно ночью снова раздался залистый звонок. Лена сдернула трубку с аппарата и услышала глубокий и родной голос:

– Мы приехали... Через час будем у тебя...

А потом шаги на лестнице, гулкие в пустом подъезде разговоры, и резкий звонок в дверь... Она шла в прихожую и, казалось, сейчас упадет от волнения. Но открыв дверь, увидела... Увидела и вспомнила. Вспомнила этих людей. Память еще не раскрылась полностью, но она уже знала, что перед ней ее давние и надежные друзья и он – единственный ее мужчина, который по прихоти неведомых обстоятельств исчез из ее воспоминаний на долгие три года.

Митяйка следом за ней выскочил в коридор. Увидев гостей, он сначала замер, а потом решительно подбежал к огромному молодому мужчине и спросил:

– Ты мой папа?

Тот смотрел на мальчика сияющими глазами и ничего не говорил. Только русая борода на его лице подрагивала, словно скрывала улыбку. А малец, больше не сомневаясь, ловко взобрался бородачу на руки, обнял за шею и сказал:

– Папка, ты больше не теряйся, я устал тебя ждать...

Лена прислонилась к стенке. Ей казалась – еще немного и она не выдержит... То, что происходило сейчас, было похоже на странный сон наяву...

Потом они сидели на кухне и пили чай. Гости наскоро перекусили своими припасами, а затем с удовольствием пили ароматный золотистый чай. Лена слушала себя и не понимала, что происходит. Она видела этих людей и раньше, знала их очень хорошо, но кто они? Даже отца Митяйки она знала и не знала одновременно. Ни имени его, ни всего остального она не помнила. Твердо была уверена только в том, что эти люди – ее преданные друзья, а дальше воспоминания обрывались...

Старший, одетый в длинную черную одежду, какую носят монахи, да священники, наконец сказал:

– Ну, пора и честь знать. Юра, Доктор, давайте-ка на боковую. Молодым покалякать о жизни надо. Видите ведь, каково хозяйшке нашей. Смотрит и ничего не понимает... Гости без слов поднялись и вышли из кухни. На пороге священник обернулся и сказал:

– Лен, ты не суешься, мы сами устроимся, а тебе с Приходом о многом надобно поговорить...

И это необычное, странное имя – Приход – всколыхнуло в ней новую волну эмоций. Казалось, что изнутри что-то рвется, стремится распахнуть заблокированную память, да не получается ничего.

Они остались вдвоем и тот, кого называли Приходом, взял ее за руки и ласково посмотрел в глаза:

– Ты ничего не помнишь, милая?

Лена только помотала головой, но рук не отняла. Его прикосновение было необыкновенно приятным и хотелось, чтобы он подольше не отпускал ее. А Приход смотрел прямо в глаза, и она почувствовала, что голова плывет, взгляд туманится и она проваливается в радужный туман забытья. И сквозь туман звучал его голос:

– Помнишь ли наше убежище?

– Да, еле слышно прошептала она и едва только ответила, как в воображении возникло видение: зеленый луг, где среди густых медвяных трав желтеют незнакомые цветы. На дальней оконечности луга синееет лес, сквозь траву вьется натоптанная стежка. Она идет по этой тропинке следом за молодым, статным мужчиной. Идет уверенно и свободно. Потом небольшая избушка на солнечной полянке среди берез. Пляшущий свет солнца проникает в горенку и зайчиками бегают по деревянному полу. Он берет ее за руку и называет имя... Она не слышит имени, только видит, как шевелятся губы. Но она понимает, что услышать имя для нее сейчас важнее всего... Она напрягает слух, глаза, чтобы по губам угадать звук, но имя ускользает... И вдруг... Он говорит ласковым шепотом:

– Звента, любая моя, аль не видишь, что по тебе иссох весь...

Звента! Это имя, как взрыв разметало остатки барьеров, ограждавших память и она вспомнила. Вспомнила все, разом!

Часть первая «Встречи»

Замок в лесу

Со смотровой площадки башни зелень леса казалась плотной и однородной. Только приглядевшись, можно было различить просветы между деревьями в тех местах, где были поляны. От ворот замка в сумрачную чашу уходила утоптанная, пыльная дорога. Почти сразу же за наружным оборонительным валом дорога ныряла под своды деревьев и пропадала в зеленой чаще. Потом она вновь выныривала из зелени на вершине далекого холма и виделась уже ровной желтоватой лентой. Там на холме и кончались замковые владения. Последние годы никто не решался забираться так далеко в лес. Смутные слухи, больше похожие на легенды и страшные сказки, удерживали мужчин от дальних походов. Не то, чтобы боялись этих рассказов, но после того, как трое ушли на холм за добычей и не вернулись, люди предпочитали охотиться в окрестностях замка и не забираться в чашу. Никого особо не интересовало, куда пропали охотники. Ушли и не вернулись – это было знакомо и понятно. Может быть, страшные чащобные огни заманили их в свои зеленые норы, может быть, задрали звери. Но могло быть и так, что люди перешагнули за границу земель и ушли навсегда. Все знали, что граница владений – это и граница жизни. Кто перешагнет ее уходит навсегда. Куда, как, почему? Вопросы если и возникали в головах, то скоро забывались, вытесненные насущными заботами. Поэтому исчезновение троих в замке восприняли без особой печали. Ушли люди и пропали – значит так надо было. Кому? Пусть над этим думают мудрые. Они сидят под крышей, мы кормим их, поим и все для того, чтобы они думали. Вот пусть и думают. Все знали, что в мире, кроме их замка есть еще несколько деревень, откуда приносят еду и пиво. Знали, что, если идти на закат, придешь на поляну. А на ней дом. В полнолуние там происходят странные вещи, и тогда дом опасен. А в другое время в нем можно отдыхать, ночевать и даже жить во время охоты.

Время шло, а жизнь в замке оставалась все той же: наполненной трудами, заботами о добыче и пропитании. Иногда, мудрые собирали всех живущих в замке и говорили о непонятном. Их слушали внимательно, украдкой зевали, клевали носами, ничего не понимали из сказанного, но, как было заведено, окончание речей встречали одобряющими возгласами и соглашались. Еще бы, мудрые живут так давно, что никто не помнит их начала. Мудрые знают такое, что никому неизвестно в этом мире и оттого они – главная ценность замка.

По традиции на смотровую площадку главной башни замка регулярно поднималась стража. Сняв тяжелые и неудобные доспехи, стражники развлекались, как могли, спали, ели. На лес и дорогу никто не смотрел. Все знали, что оттуда может выскочить зверь, вылететь птица или могут вернуться охотники (если они утром уходили в лес). А больше ничего не должно было происходить. Стража на башне считалась приятным времяпрепровождением. Освобожденные от всех работ стражники забирались на башню, брали с собой еду, пиво и отдыхали от дел, лениво поглядывая сверху на окрестности.

Все знали: стража должна каждое утро подниматься на башню, сменять предыдущих и проводить там день и ночь. Для чего? Так надо! Мудрые говорили, что нужно очень внимательно смотреть вдаль и добавляли еще непонятное слово “анализировать” ... Стражники давно решили, что “анализировать” – это развлекаться и передавали это соображение всем, кто менял их на посту. Никто не спрашивал: для чего нужна стража? Так надо! Это был основной закон жизни в замке. Ходили слухи о том, что в лесных деревнях люди живут по-другому, но что с них возьмешь, когда они и не люди даже, а так, подобие жителей замка и потому живут в лесу. Они должны были растить еду и приносить ее в замок. А за это им позволялось побыть целый день во внутреннем дворе. После этого они становились как будто сильнее, здоровее и

вечером уходили в свои деревни. Где находятся деревни знали лишь те, кто принимал обозы. Остальных это не интересовало.

Утром, как и предписывали правила, стражники поднялась на башню. Сняв доспехи и тяжелые шлемы, они расположились на каменном полу смотровой площадки, достали еду и пиво и начали закусывать. Никто не посмотрел вдаль. Там ничего не могло измениться. Это твердо знали все.

Им предстояло провести день на теплом солнышке и ночь проспать, закутавшись в теплые плащи. Плохо, что нельзя было взять с собой женщину и дать ей согреть расслабленное тело. Но правила строго запрещали женщинам подниматься на вершину башни.

Никто не знал почему, но верили, что так надо. Вообще весь свод правил замковой жизни опирался на главную аксиому: «Так надо». Кому, для чего, какие цели преследовались этим «так надо» людей не интересовало. С детства и до смерти все, что с ними происходило в жизни нужно было для их же блага. Мудрые заботились обо всем и думали за всех. Остальные подчинялись главному правилу и выполняли предписания. Жизнь была светла и радостна, без забот, и каждый занимал свое место, не желая, и не стремясь в простой системе отношений подняться выше.

Трое стражников собирались провести солнечное время на отполированных до блеска камнях дозорной площадки. Днем там было тепло, уютно. А ночью стража безмятежно спала внутри башни. Они сняли доспехи, надетые перед заступлением на пост, расстелили большую кожу и разложили на ней припасы. Один из стражников взял с собой большой кусок вареного мяса, обернутого в мясистые листья хлебной травы. У другого было много пива, а третий приготовил ягоды и пряные корни. Пировать мужчины собирались целый день и предвкушали этот маленький праздник...

Когда нож вонзился в мякоть хлебного листа, снизу, вдруг, донесся странный звук. Увлеченные приготовлениями к пиру, они не обратили на него внимания. Но на шероховатой стенке парапета башни, захлопав крыльями, возник сокол. Он внимательно посмотрел на стражу, повернул голову, глянул вниз и гортанно сказал:

– Открывайте ворота, пустите гостя.

Стража обмерла. В их мире птицы не умели разговаривать. Это было странно. Еще более странным было то, что появился гость. Охотники приходили и уходили, не спрашивая позволения стражи. Люди из лесных деревень появлялись в определенные дни и тоже никого не спрашивали – просто привозили еду и заходили внутрь замка. А ворота никогда не закрывались. Стражники даже не знали, как это делается. Огромные тяжелые створки стояли распахнутыми столько, сколько жители помнили себя, и, кажется, даже проросли мхом.

После замешательства все трое кинулись к парапету, чтобы схватить сокола, но тот сорвался с каменного ограждения и повис в нескольких метрах от башни.

– Ворота отворите, – скрипуче повторил он.

Стражники посмотрели вниз: тяжеленные створки, поросшие лишайниками, оказались закрытыми, а на площадке перед воротами стоял оборванный старик и смотрел вверх. Такого не могли вспомнить и самые старые стражники, и даже мудрые не рассказывали о том, что кто-то неизвестный может прийти из леса.

– Это ворота закрывались, – неожиданно сказал один из стражи. Остальные сначала не поняли, о чем он говорит, но скоро сообразили, что странный шум снизу шел от скрипа закрывающихся створок.

Стражники молча и долго переглядывались между собой. Они не помнили ни одного подходящего к случаю наставления мудрых. Никто не говорил, что из леса может выйти незнакомец, и ворота перед ним закроются. Стражники вообще не знали для чего они дежурят на башне. Так было надо...

Наконец один из них прокашлялся и хрипло спросил:

– Ты кто?

Ответ незнакомца поразил их. Он назвался именем человека, который ночевал в доме на поляне в полнолуние. Он вернулся оттуда слегка тронутым. Во всяком случае, все считали, что он от виденного рехнулся, а мудрые долго расспрашивали его. Они ничего не объяснили, отпустили охотника с наказом больше не лезть в опасное время в дом на поляне. Женщины расспрашивали охотника о том, что он увидел в доме, но тот отмалчивался. А потом охотник пропал... Решили, что сгинул в лесу.

Стражники кинулись по лестнице вниз к воротам. Черные от времени створки плотно сошлись и были изнутри заперты толстенным засовом. Стражники попытались отодвинуть его, но железная полоса даже не шелохнулась.

– Это кто же так запер, а? Знать не наши, у наших бы сил не хватило такой засов подвинуть...

– Нет, это не наши. Это, наверное, лесные люди приходили...

– А куда они ушли? И никогда ведь не закрывали ворота, чего же сейчас закрыли?

Они еще раз попытались сдвинуть засов, но безуспешно и тогда решили:

– Надо пойти к мудрым. Они все знают и откроют ворота.

Внутри замка дорогу к мудрым знал только привратник. Он стоял на пороге, сложив руки на животе и важно смотрел, как куры разгребают пыль на земле. Стражники подошли и вежливо поклонились. Привратник был старше их всех и занимал особое положение, так как имел доступ внутрь замка. Остальных туда не пускали. Люди жили в службах... Привратник выслушал путанный рассказ стражи и лениво ответил:

– Померещилось вам с пива, должно быть... Нету никого в лесу. Охотники дома сегодня сидят, бабы с ребятишками еду перебирают. Ее вчера лесные люди привезли. Нету там никого за воротами, да и кому там быть? Все дома сегодня... А чтобы кто-то пришел из леса, если из замка не выходил, такого еще не было... Вот чтобы уходили и больше не приходили – такое было. Да, вот, хоть те трое ушли на холм и не вернулись. Ясное дело, они через границу перешагнули, их туда и утащили. А чтобы обратно кто пришел – такого я не знаю... И нечего ходить и мудрым рассказывать. Они там нашу жизнь устраивают, а вы придумали чего-то... а может померещилось... Чего я им скажу?

Стражники засомневались, поглядели друг на друга: может и вправду привиделось им. Такого странного они не видели, и никто не рассказывал еще... Чтобы ворота закрылись сами по себе... Это против правил. Ворота всегда открыты бывают, а тут они закрылись, и что делать? Ведь если они закрытыми будут, то лесные люди еду не привезут, а охотники в лес не смогут выйти...

Привратник настроился на долгий неспешный и обстоятельный разговор, который мог бы украсить целый день. Его можно было бы его пересказывать долго и подробно.

Но в этот момент гулкий удар в створки упругой, вибрирующей волной выкатился из-под свода ворот и заполнил пространство внутреннего двора. Потом еще один удар, еще... Стражники вздрогнув, снова посмотрели на привратника. Тот, казалось, утратил невозмутимость, однако, скоро оправился и велел стражникам:

– На башню идите, на башню... Некому там стучать, это все вам с пива привиделось. Скажите там, кто стучит, чтобы перестал он стучать. Не может его быть здесь, потому что наши охотники все дома, а бабы с ребятишками еду перебирают...

Стражники поднялись на дозорную площадку и оттуда посмотрели вниз. Оборванный старик палкой колотил в тяжелые створки. Сокол висел у его плеча.

– Эй, – крикнул стражник сверху.

– Не стучи больше. Наши все дома, а тебя не может быть! Потому, что наши все дома, и никто сегодня из замка не выходил.

Старик удивленно вскинул голову вверх и хрипло крикнул в ответ:

– А я кто тогда?

– Не знаю. Привратник говорит, что ты привиделся нам с пива... Наверное, так и есть. Забавно разговаривать с тем, кого нет. Ты сразу не исчезай, поговори с нами еще, нам скучно стоять на башне целый день...

– Отоприте ворота, ведь я же... – закричал было старик, но стражник прервал его:

– Я бы тебе открыл, и пустил, живи с нами, ведь еды тебе не надо. Ты же только привиделся и не можешь есть ничего. Ворота не открываются, понимаешь. Кто-то закрыл их, а кто – не знаем. И открыть не можем. Они всегда раньше были открытыми, а сейчас кто-то закрыл их так, что мы даже засов отодвинуть не смогли. Наверное, это нам тоже привиделось, как и ты. Только ты не уходи сразу, поговори с нами еще. Мы позабудемся, а ты больше не стучи, все равно ворота не открываются...

– Скажите мудрым, что я пришел к ним сказать важное...

– Привратник не велел беспокоить мудрых. Они о нашей жизни думают, а ты нам привиделся. Мы не станем их тревожить...

Старик внизу отбросил палку и сел скорчившись, у подножия башни. Сокол медленно поднялся вверх, повис парашюта дозорной площадки и спросил:

– Ворота не откроете?

– А чего открывать, когда ты привидение? – сказал стражник и вздрогнул. Такого слова не было, и никто его не знал. А он сказал сейчас что-то, всем понятное, но не существующее. Другие стражники сначала не обратили внимания на его слова, но потом и они поняли, что услышали новое слово, которого нет в их языке. Они с удивлением переглянулись и снова загалдели на сокола.

– Не откроем мы ворот тебе, потому что тебя нет. Вот видишь, он даже слово для тебя придумал “привидение” – это потому, что ты нам привиделся... А так тебя нет, и привратник нам это же говорит.

Сокол странно клёкнул и сказал:

– Вы меня к воротам пропустите, я их открою. Не бойтесь, мы вам зла не сделаем...

– Мы ворота не открыли, а ты отопрешь? Этого не бывает, как это ты – привидение – откроешь такие ворота... Так не бывает...

Однако стражникам самим было интересно посмотреть, как это птица, которой нет, откроет ворота. Такого развлечения они больше нигде и никогда не смогли бы пережить. А если сейчас увидят такое, то потом смогут всю жизнь рассказывать всем, и их будут слушать, и уважать, и давать самые хорошие хлебные листья...

– Лети и открывай...

– Пропустите меня, – попросил сокол

– Так тебе никто не мешает, лети и открывай, чего же, если хочешь открыть – открывай...

– Встаньте так, чтобы дверь внутрь башни была открытой...

– Ты разве по лестнице вниз полетишь? Ты же птица и привидение. Мог бы и так опуститься...

– Пропустите в дверь, – скрипуче повторил сокол.

Стражники расступились, и птица медленно проплыла между ними в открытую дверь. Им показалось, что волна холода прошла сквозь них. Но стражники не обратили на это внимания и устремились вниз по лестнице за соколом. Они очень хотели увидеть новое и необычное...

Сокол вылетел на площадку под сводами ворот и завис около тяжелого железного засова. Потом коротко тукнул клювом, и засов исчез. Как будто его никогда и не было.

– Отворяйте ворота, – сказал он стражникам.

– Нам привратник не велел... – начал было один, но сокол уже ухватился клювом за створку и неожиданно легко потянул тяжелую воротину... Та со скрипом подалась, и в щель

между створками под своды сторожевой башни шагнул оборванный старик. Стражники с любопытством смотрели на него, и только тот, который произнес новое слово – «привидение» – с немым страхом глядел на пришлого. Стражник увидел, как в открывшуюся щель следом за стариком потянулась свора полупрозрачных теней. Никто, видимо, не замечал странной свиты. А когда стражник хотел спросить у старика, кто входит в замок вместе с ним, одна из теней метнулась к нему и припечатала холодной конечностью рот. Стражник изумленно смотрел на облако теней, которое в сумраке едва заметно поблескивало.

Старик вышел на залитый солнцем двор замка, и тени вокруг него растворились в свете дня. Стражник хотел еще раз увидеть мерцающее облако, но так ничего и не разглядел. А старик приблизился к привратнику и попросил:

– Позовите мудрых...

Доктор

Мягкая теплая ночь укрыла город, заботливо подоткнула темное покрывало со всех сторон и погасила последние искорки заката. В центре города вспыхнули рекламные огни и фонари на улицах. А на окраине, в глубине садов, где стояли уютные дома состоятельных людей, дорожки освещались плавающими светляками. Это новшество появилось в городе недавно, хотя в столице плавающие светляки висели даже над центральными улицами. Но здесь, в провинции, все нововведения появлялись намного позже, и жители города пользовались привычными, давно известными сияющими шарами на столбах.

Невысокая ажурная ограда отделяла дом доктора от тротуара. За домом был ухоженный сад, из которого сейчас в тихом ночном воздухе наплывали нежные ароматы цветов. Сам доктор сидел на освещенной веранде и просматривал последние журналы. Жесткие диски мягко скользили в приемную щель, и в пространстве над журнальным столиком конденсировалось облачко-объем, внутри которого появлялись картинки, графики и схемы, и происходили какое-то действия. Ничего нового, судя по всему, доктор для себя не находил и смотрел журналы только для того, чтобы выполнить данное самому себе задание. Жена укатила в соседний город и обещала вернуться только к полуночи, вся работа на сегодня была сделана, и доктор скучал.

Сначала раздался писк сторожа, а потом в ворота забарабанили. Кто-то кричал:

– Господин доктор! Господин доктор! Скорее, скорее.

Хозяин включил переговорное устройство и на экране возникло встревоженное лицо незнакомца... Он услышал сигнал приема и напряженно глядя в экран проговорил:

– Господин доктор, на егерском кордоне беда. Медведь напал на лесника. Тот еще жив, но нужна ваша помощь.

– Далеко это?

– Нет, двадцать верст в сторону Визима, а там в лес еще полторы версты. Побыстрее, прошу вас, руку почти оторвал и позвоночник сломан...

Доктор поднялся, сказал домашнему информатору несколько слов для жены и отправился в гараж.

Из ворот на улицу выехал обтекаемый, похожий на стремительную каплю ртути «Руссо-Балт». Доктор открыл дверцу и жестом позвал ночного посетителя. Тот прыгнул на переднее сидение и машина, тихо фыркнув, растворилась в воздухе. Через мгновение она возникла на перекрестке дорог возле Визима и понеслась по гладкой поверхности к повороту в лес.

Еще через несколько минут доктор уже входил в домик егерского кордона. Там сидела встревоженная женщина, а на постели, обмотанный окровавленными тряпками стонал лесник.

– Ему хуже, – сказала женщина.

– Просил мертвой земли, но я пока не дала. Это всегда успеется.

– Правильно, это в последнюю очередь. Снимите с него обвязки, посмотрим.

Раны казались страшными. Рука висела на сухожилиях, а спина была неестественно сгорбленной. Доктор удивился:

– Кто же его так? Наши медведи на людей не нападают. Да и не смогут они сломать человека, тем более лесника. Он же умеет говорить с ними...

– Он-то умеет, да это не наш медведь, пришлый. Откуда он взялся – не знаем. Он двоих лесных задрал и когда лесник начал с ним говорить, напал на него и сразу лапой по спине. Вот сын видел, – кивнула женщина на парня, приехавшего вместе с доктором.

Тот кивнул. Потом добавил:

– Тот медведь гораздо крупнее и не понимает, когда с ним говорят. По-моему, даже злится от того, что кто-то к нему в ум заглядывает.

Доктор коснулся руки раненого и сосредоточенно замер. Жена и сын раненого стояли рядом и смотрели на доктора. Они умели лечить небольшие раны, но работу профессионала видели впервые.

Руки доктора напряглись, по ним пробежало голубое свечение, а на кончиках пальцев вспыхнули желтые огоньки. В комнате запахло свежестью. Доктор закинул голову назад, закрыл глаза. Лицо стало отрешенным, бесстрастным. Потом, вокруг головы возникло свечение, оно волной прокатилось по рукам и вошло в тело лесника. Раненый глухо застонал, дернулся и затих. Рана начала затягиваться прямо на глазах. Перестала пульсировать обнаженная артерия, под слоями плоти исчезала кость. Прошло несколько минут и вместо ужасной, кровоточащей раны, на плече остался только небольшой след, похожий на молодую розовую кожу.

– А теперь посмотрим позвоночник. Переверните его, только осторожно...

Когда раненого перевернули на живот и вспороли на спине рубаху, то стало видно, как из-под кожи выпирают сломанные ребра и горб сломанного позвоночника. Доктор покачал головой: такие повреждения, а он еще живой! Мог ведь и не выдержать...

Сияние вокруг его головы усилилось, и по рукам снова потекли голубые потоки. На правой руке они сгустились, стекая с кончиков пальцев, превратились в широкое светящееся лезвие. Доктор легонько коснулся им поврежденной спины, кожа расступилась и открылись переломанные кости и порванные мышцы. Медленно двигая руками, доктор раздвигал кости, вправлял их обратно, сращивал порванные волокна мышц. Руки его светились то интенсивно голубым, то желтым, то искрились зеленоватыми огоньками. В тишине дома, казалось, звенела сила, исходившая от него.

Когда все было закончено, доктор попросил жену лесника:

– А теперь давайте мертвой земли. Быстрее дело пойдет.

Женщина выскочила в ночь и скоро вернулась с тряпкой, в которой перекачивалось что-то бесформенное. Доктор развязал тряпицу и оторвал кусочек от студенистой темной массы.

– Этого хватит, остальное отнесите обратно в болото.

Огненными ладонями он раскатал кусочек в тонкий слой, посыпал его сверху каким-то порошком и быстро приложил лепешку на спину. Больной снова дернулся и застонал. А блин мертвой земли зашипел и начал стремительно впитываться в кожу. Скоро на спине осталась только грязная пленка, лесник перестал стонать и затих...

– Умер? – спросил доктор

– Нет еще, но уже отходит ответил сын. Он склонился к лицу раненого и наблюдал за тем, как оно расслабляется, становится спокойным и умиротворенным. Наконец последний вдох приподнял грудь, и лесник затих. Тело расслабилось... Доктор смотрел на часы и быстро говорил:

– Серый порошок – по шепотке на глаза, синий на грудь, посыпайте кругами. Вот эту нить кладите на шею, этой обматывайте голову...

Потом он наклонился над мертвым, протянул к нему руки и пропустил сквозь себя сияющий ступор силы. Лесник дернулся, порошок на глазах и груди задымился и вспыхнул бесцветным огнем, нити вокруг головы и шеи раскалились и пропали. Раненый вздохнул, вытянулся и перевернулся на бок. Пробормотав что-то, он сладко почмокал губами и засопел...

Священник

Храм был очень старый. Лет триста, наверное, простоял он на крутом берегу. Те березы, что посадили прихожане в день освящения храма, уже давно сгнили и рожица в церковном дворике состояла из молодых белоствольных красавиц. Там же, среди берез покоился прах священников, некогда служивших здесь. Летом зеленый шум берез веселил и радовал прихожан, и даже скорбное место упокоения излучало живительную силу. Зимой девственно белые сугробы заматали храм, и к дверям вела только узенькая тропинка. Церковный двор, огороженный старинной кованой решеткой, порос густой ровной травкой. Стайки окрестных ребятишек собирались поиграть на травке, но при появлении священника пугливо скрывались на задах, за дровяным сараем. Настоятель церкви приехал сюда лет двадцать назад молодым выпускником семинарии, поначалу думал прослужить недолго, но привык к размеренной провинциальной жизни, отстроил и расширил церковный домик и стал править службу в старинном храме уже с основательностью постоянного и бессменного хозяина. И все было бы ладно, да не задалась личная жизнь у отца Никодима. Был он прост в общении, ласков и улыбочив, а вот матушка его – Ефросиния – как на грех, оказался бабой прижимистой, жадноватой и скандальной. Прожили они первые годы в ладу и согласии, а когда появился какой-никакой доход, тут Ефросинию словно подменили. Откуда что взялось... Увещевал ее отец Никодим, стыдил, совестил, ссылался на божественные примеры и поучительные наставления священного писания – не помогало. И тогда решил священник, что дана ему эта женщина во испытание и искупление своих грехов через каждодневный духовный труд по усмирению гордыни. Так и повелось в их жизни. Коли матушка с утра не в духе поднимется, то непременно накричит на мужа, заставит его делать какую-то ненужную работу, а то и попреками доведет до того, что отец Никодим, не сдержавшись, огрызнется. Тут уж Ефросинья полный карт бланш в руки давался. Со странным злорадством напускалась она на своего мужа и поедом ела его за слова, супротив сказанные.

– Где твоя святость, поп окаянный, упек меня в эту глухомань и хочешь, чтобы я тут всю жизнь прозябала, – А дальше следовали и вовсе безумные упреки в том, чего Никодим в жизни не делал и даже подумать о том боялся... Прожили, точнее промучились они так несколько лет, а потом отец Никодим собрался с духом, помолился ранним утром, да и сказал своей матушке:

– Ты, Ефросинья, видать решила меня живьем загрызть, так лучше от греха поезжай ко обратно в большой город. Там у тебя подруги остались, родители, светская жизнь. Видать по ней скучаешь. Так лучше уезжай от греха, и не гневи себя, и меня во искушение не вводи. Разводов у нас не одобряют, так я тебе заранее все прощаю, живи как совесть велит, а нам с тобой от совместного жития – одни несчастья.

Ефросинья в слезы и упрекать по старой привычке начала, да только отец Никодим решительно на своем стоял: так лучше будет для обоих. Сочтешь возможным вернуться – приму, а если поймешь, что жизнь в обществе для тебя важнее – оставайся там. Как-нибудь и развод исхлопочем.

Когда первые амбиции успокоились, Ефросинья пришла к выводу, что муж – отец Никодим – дает ей бесценную возможность. Оставаясь вроде как в браке и, соответственно, имея полную возможность на правах законной жены требовать для себя что положено, она получает свободу действий и индульгенцию на возможные проступки... Здравомыслием, она согласилась с Никодимом и отправилась к родителям в далекий областной центр. А батюшка так и

остался настоятелем в своем приходе. Прихожане его любили, почитали и в случае чего могли встать на защиту священника всем миром.

Словом, вот уж почти восемь лет жил отец Никодим один в церковном домике, содержал немудреное хозяйство, правил службу в храме, и для каждого прихожанина был первым советчиком в делах духовных, и в житейских. Безбожное время словно бы стороной обошло крохотный райцентр, церковь там не закрывали и православные традиции остались неприкосновенными.

Все было бы хорошо, да только временами в Ойе (так назывался этот райцентр) бывало нечисто. Что-то странное, мистически непонятное творилось иногда в поселке и люди приезжие удивлялись рассказам местных жителей о невероятных историях, случавшихся в этой глухомани.

Традиции народного сказительства о потусторонних явлениях жили в Ойе, как и везде, но здесь они получали еще и практическое подтверждение. То вдруг среди улицы подгулявшие парни столкнулись с убитым в прошлом году местным хулиганом Федькой, который в погребальной одежде нахально стоял на проезжей части и не собирался таять как привидение. Коли один бы его видел – посудачили, да и забыли. А так целая ватага и не шибко пьяных парней разом видели покойника и не сговариваясь рассказывали, как усопший Федька постоял, поглядел на них, как-то странно гукнул и побрел мимо парней в сторону городского кладбища.

В другой раз подгулявшего мужика по пьянке занесла нелегкая вместо дома на окраину. Дальше уже начинались поля, темень была кромешная, и мужик, пробираясь наощупь по перелуку, то и дело натыкался на какие-то углы и заборы. Материл при этом виртуозно всех чертей и их присных. Вдруг руки его уткнулись во что-то мохнатое и скрипучий голос произнес:

– Не ругайся, слушать не можно..

Мужичок, не разбираясь покрыл и сам голос, и его хозяина отборным матом. Что произошло дальше он вспоминал со страхом. Чьи-то волосатые лапы схватили мужика за руки и легко подняли в воздух. Он почувствовал, что взлетает, и заорал было, но лапа вонючей тряпкой заткнула фонтан матерного красноречия. Мужичка несли по воздуху недолго, потом он снова услышал скрипучий голос:

– Еще будешь материться, да нас обругивать – пропадешь...

– С этими словами железная хватка волосатых лап ослабла, и мужик полетел вниз. Несли его невысоко, и упал он мягко. Куда попал, в какие места, понять не мог, только услышал, как от него удаляются чавкающие шаги. Со страху мужичок обессилел и провалился в беспамятство. Когда очнулся – уже рассвело. Он огляделся и ужаснулся еще больше. В нескольких верстах от поселка, в глухом лесу было непроходимое болото, а посреди его – островок. Попасть туда можно было только в засушливое лето, пройдя около версты по колено в воде. Сейчас стоял дождливый сентябрь, болото вспухло и наполнилось гнилой водой, а он сидел на островке в самом центре трясины и не мог взять в толк как туда попал.

Каким-то чудом ему все-таки удалось выбраться на твердое место и до самого поселка мужичок бежал быстрее быстрого. Явился домой грязный, перепуганный, и не отвечая на расспросы взволнованной жены, упал на колени перед образами и долго молился, поминутно кладя поклоны. Потом пошел к отцу Никодиму и рассказал батюшке свою страшную историю. Священник внимательно выслушал, успокоил как мог, прочитал над страдальцем нужные молитвы, а сам смекнул: в городке нечисто. Сила недобрая и враждебная людям обосновалась в окрестностях и мешала жить... Скоро он сам стал свидетелем похожего кошмара...

Дом, в котором жил отец Никодим, был в два, точнее, полтора этажа. В полуподвале располагались службы: кухня, кладовки... Окна были лишь немного приподняты над землей. А на верхнем этаже - жилое помещение. Согласно местным легендам, дом был нечистым. Происшествия, которые время от времени случались в нем, лишь добавляли досужих разговоров и слухов. Когда в нем поселился батюшка, жители с облегчением вздохнули: уж он-то с нечистью

справится. Неподалеку от храма было местное кладбище, и отцу Никодиму поневоле приходилось бывать свидетелем некоторых странностей. Но пока он считал, что все происходившее в городке больше связано с суевериями людскими, и даже рассказы очевидцев относил к тому, что люди видят то, что хотят увидеть.

А надо сказать, что отец Никодим был не только церковным служителем, но обладал большим мистическим опытом. Его прадед, дед, отец служили священниками в глухих сельских приходах, по сути дела, являлись и исповедниками, и отправителями служб. Сельский священник в те времена был единственный проверенный борец с заговорами и колдовскими чарами, а также психолог, и врач, и прочее. Сельский батюшка обязан уметь и знать все: святое писание и предание, приемы первой медицинской помощи, методы борьбы со злыми силами и т.д. Отец Никодим органично перенимал весь огромный опыт практического православия, которым были наполнены отношения в семье. Многому научил его дед, отец, еще больше почерпнул он у старца, жившего в монастыре. Старец тот с особой любовью и вниманием относился к пытливому юноше и не раз предрекал ему большой духовный взлет.

После того, как матушка Ефросиния укатила в дальний город, отец Никодим начал читать литературу по психологии. Ему очень хотелось понять скрытые пружины поведения матушки и как-то восстановить мир и покой в семье, да чего уж там – и саму семью. Познания его возрастали, а постоянное общение с прихожанами позволяло проверять знания на практике. Как-то раз попала ему в руки книга по исследованию подсознательных реакций человека и особенностей его поведения. Тогда отец Никодим и пришел к выводу, что множественные страшные истории, которые в городке рассказывали со вкусом, в большинстве случаев есть проявления непознанных бессознательных закономерностей в людях. Так бы оставался он на этой позиции, когда б не случай, свидетелем которого он стал.

После отъезда Ефросинии отец Никодим помыкался в соломенных вдовцах, да и пригласил вести хозяйство чету старичков: мужа и жену. В тот вечер бабушка хлопотала на кухне, окна которой располагались чуть выше уровня земли. Вдруг она почувствовала на себе взгляд. Когда подняла голову, то увидела, что на нее сквозь окно смотрит недавно усопшая колдунья бабка Настя. Стоит, упершись руками в оконный переплет, и заглядывает в кухню. На сельском погосте, который располагался неподалеку от церкви, хоронили всех крещеных без разбора. Недавно была похоронена колдунья, которая пользовалась тайным знанием, но при этом была крещеной и исправно посещала храм.

Как раз в этот момент отец Никодим спустился в кухню из комнаты и остолбенел под тяжелым невидящим взглядом мертвых глаз колдуньи. Он осенил себя крестом, но видение не пропало, только колдунья Настя сморщила мертвое лицо в страшную гримасу. Но более всего удивило отца Никодима поведение старичков. Бабушка спокойно увещевала покойницу:

– Ну чего ты пришла, Настя? Чего тебе не лежит-то?

А сама в это время продолжала хлопотать по хозяйству, как будто разговаривать с deceased покойниками для нее такое же привычное дело, как варить щи... В кухню вошел дед и, увидев мертвую в окне, укоризненно сказал батюшке:

– Говорил я, что не надо хоронить на кладбище, ведь колдовка она! Вот видишь – приперлась...

Дед взял деревянный совок, бросил на него угольки из печки. Сверху положил на угли несколько листиков какой-то травы и пошел прогонять покойницу.

На улице он не кричал, а уговаривал:

– Иди, иди. Уж похоронили, так чего ж ты шляешься... Иди на место и лежи там...

Странно повела себя усопшая. В клубах дыма она как-то обмякла и послушно двинулась к кладбищу. Дед проводил ее до ворот погоста и вернулся обратно. Был он спокоен, деловит и с порога сказал своей старухе:

– Слей-ко мне на руки, чтобы пакость кака не пристала ...

Старушка наполнила водой ковш, сыпнула в него соли и золы из печки и полила старику на руки. Все это время отец Никодим стоял словно окаменевший. Он никак не мог поверить случившемуся. Недавно отпевал он эту бабку, а вот теперь видел ее своими глазами. Одно дело – слушать рассказы обывателей о призраках, другое дело – самому столкнуться с ними.

– Эко батюшку разобрало. Видать впервой ему... Старый, помоги...

Супруги взяли отца Никодима под руки и посадили на табуретку. Дед приговаривал:

– У нас тут много всякой нечисти шляется, так вы уж, батюшка, привыкайте. Еще не то повстречаете...

– А эта, мертвая, как? – заикаясь спросил священник

– А чего, пошла на место. Довел я ее до ворот погоста, указал дорогу. Она, видать, заблудилась и на свет пришла. Колдовка она, вот и не может успокоиться. Ей надо место указать, иначе будет сорок ден мотаться и людей пугать. Так я и показал дорогу-то... Нужно довести покойника до кладбища, да нельзя смотреть, как он укладывается обратно в могилу. Иначе беда будет...

Странник

Костерок на опушке леса едва теплился. Слабые языки догорающего пламени чуть высвечивали человека, прикорнувшего у огня. Он спал, сжавшись калачиком. Ноги в старых стоптанных башмаках, протянуты к костру, а голова, закутанная серой тряпкой, лежала на небольшой кочке. Спал человек чутко и давно уже слышал шум мотора и шорох травы под колесами автомобиля. Машина подъехала вплотную к костру. Это был один из тех заграничных монстров, которые заплонили русские дороги. Большие колеса, полированные борта, никелированные клыки на бампере показывали, что владелец авточудища – человек состоятельный и даже машиной подчеркивает свое влияние в этом мире.

Из кабины выпрыгнули двое здоровенных парней и подошли к спящему:

– Мертвый, что ли? – спросил один

– Да не пойму, вроде дышит... Эй, мужик! Вставай, чего разлегся?

Спящий пошевелился, стянул с головы тряпку и посмотрел на парней мутными со сна глазами. Он давно слышал их, чувствовал настроение и намерения, но решил сыграть только что пробудившегося.

– Ты чего тут делаешь? – спросил один из приехавших

– Дак сплю – пробормотал мужичок.

– Тут ведь никого не было, а я иду, и смерклось уже, дай, думаю, заночую в чистом поле, тепло ведь...

– А чего в котомке?

– Дак хлеб, да тряпки свои...

– А ну-ка, дай проверим, – с угрозой в голосе сказал один. Мужичок спокойно протянул ему свою котомку и медленно встал. Среди богатырей он казался заморышем и сейчас смиренно потупил голову, сложив руки на животе...

Парни распотрошили всю его котомку, но ничего там не нашли.

– Ну что с ним будем делать? – спросил один. Нельзя ведь оставлять-то. Грохнуть его, что ли?

– А чего его мочить? Ты его не видел, он тебя... Его менты допрашивать не будут...

– Ты давай, мотай отсюда. Тут наше место и тебе здесь делать нечего...

– Дали бы доспать, устал я нынче, – пробормотал мужичок и парни удивленно посмотрели на него.

– Ты чо, не понял?! Мотай, пока жив... – хрипло засипел один, но, вдруг, странно хрюкнув, упал на колени, схватился за живот, потом завалился набок и заскреб ногами по земле.

Второй кинулся к нему и, словно наткнувшись на невидимый кулак, махом откинулся назад и ткнулся безжизненной головой в мягкую землю. Странник стоял не шевелясь, и только глаза его сверкали жутким мертвенно-голубым светом.

Он подошел к автомобилю, открыл заднюю дверцу и вытащил на землю спеленатый веревками куль. Раздался тихий стон. Странник нагнулся над кулем и прошептал:

– Живой еще...

Он провел рукой над веревками, и те лопнули, словно их перерезали. Человек, освобожденный от тугих пут, слабо хрипел и постанывал. Странник щелкнул пальцами и на ладони зажегся маленький светящийся шарик. Призрачное сияние осветило покрытое ссадинами лицо, приоткрытый рот, из которого с хрипом вырывалось дыхание. Мужичок коснулся пальцами точки на лбу, и пленник с облегчением вздохнул, вытянулся и затих.

Ночной ветер разогнал тучи, и луна облила небо мягким светом. Ее сияние освещало землю, и было видно, как от опушки к догоравшему костру приближаются темные, бесформенные тени. Странник выпрямился, запрокинул голову вверх, прокричал в лунное небо что-то странное и страшное одновременно. Это не был человеческий язык, и звуки, которые раздавались больше походили на вой. Но в то же время – это была речь, призыв... Тени приблизились, осели на землю и поползли по ней черным туманом. Странник указал на лежавшего человека, и тени подхватили его, приподняли над травой и понесли к лесу. Со стороны могло показаться, что тело плывет над землей само по себе.

Парни зашевелились. Оба они ничего не помнили, только трясли головами. Им казалось, что кто-то очень сильно и ловко ударил каждого по затылку. Сейчас там пульсировала боль. Они поднялись на дрожащих ногах, тупо смотрели друг на друга, а Странника, казалось, не замечали вовсе. Тот подошел к здоровякам и прошептал в пространство между ними:

– Память отсохни, сгинь, пропади, норов оставь, а печаль убери.

С последними словами он бросил пригоршню листьев им под ноги. Оба парня застыли с тупыми каменными улыбками. Луна осветила их бессмысленные глаза и лица, потерявшие человеческие черты. Это были ничего не выражавшие пустые маски.

Странник пошел вслед за тенью к опушке леса и уже достиг первых кустов, когда сзади раздался смех. Смеялись недавние его противники. Смеялись заливисто, с причитаниями. Смех сотрясал их могучие тела, стигал пополам, заставлял вставать на колени и падать на землю. Странник из кустов посмотрел на них и прошептал:

– Вот так-то лучше. К утру обсмеются до беспамятства, а потом очнутся.

Луна снова скрылась за тучами, и на земле все потонуло в ночном сумраке. Странник медленно и осторожно пробирался между кустами. А на опушке заходились в хохоте двое здоровенных парней....

Борьба за себя

Веки, казалось, стали многопудовыми и не могли подняться, а где-то внутри (то ли в груди, то ли в голове – не поймешь...) суетилось и с каждым мгновением усиливалось нетерпение. Нетерпеливое желание остановить расслабление, встать, бежать, что-то делать... Но мышцы жили своей жизнью: расслабление проникало все глубже в ткани, открывало границы клеток, проникало в ядра, молекулы, атомы... Не было внутри силы, способной противостоять ему. И даже нетерпение, суeta мысли и бесконечное прокручивание повседневных забот, не влияли на глубокую релаксацию.

Однако внутри личности был и еще кто-то, кто бесстрастно отмечал, что суетность мысли и мышечная релаксация вступают в противоречие; мысли пока не в силах преодолеть стремительное расслабление...

А еще глубже был и четвертый, кто отмечал присутствие самого наблюдателя. А глубже него... Словом, цепочка казалась бесконечной и пройти по ней было не так-то просто.

Сергей попытался представить всю длину цепочки внутренних наблюдателей и те уровни, которые могут открыться в путешествии по ней. Однако, вскоре понял, что оценивает происходящее внутри еще с какой-то неожиданной точки наблюдения. Кто и кого наблюдает? Попытки понять это казались безуспешными, и всякая новая точка только добавляла непонимания...

– Тогда что происходит с телом? Я начал путешествие в себя, отслеживание возможных уровней наблюдения, а в итоге перестал чувствовать тело. Где оно?

Он мысленным взором обшаривал закоулки внутреннего пространства, пытаясь понять, где находится. Странное ощущение. Темно или светло, поди разбери, когда вокруг густая чернь, а видно все, как днем. И сама чернота не мертвая и пустая, но живая и чувствующая его присутствие. Ее жизнь была непонятна и непостижима для него. Ее бытие нельзя было обозначить ни одним из известных состояний. Чернота, пронизанная светом. Она отторгала его и одновременно любила. Эту любовь он чувствовал, как нечто совершенно особенное. Он понимал, что его любят не за какие-то доблести или достижения. Его любят за то, что он есть. И любовь облаком окружала со всех сторон и наполняла уверенностью. А чернота – она тревожила? Скорее нет, она была просто фоном, на котором разворачивалась драма внутренних переживаний. Черное не было абсолютным, но и не было прозрачным. Черное не проявляло своей враждебности, но и любовь исходила не от него, а откуда-то из глубины, которой он не мог объяснить.

И там же рождался страх. Это не был страх перед внешними обстоятельствами. Он не имел причины. Как ни пытался он понять источник страха – не находил. Страх, ползучей плесенью растекающийся внутри, не имел оснований, но с каждым мгновением становился интенсивнее. Если вначале было просто тревожно, то сейчас страх давил и держал в напряжении. Страшно было оттого, что он есть, а еще страшнее было то, что его может не стать. Страшным казался свет, истекающий ниоткуда, но еще более ужасным казалось остаться без него. Страх подавлял и перерастал в беспричинный ужас от самого факта бытия и осознания себя.

Тела он давно уже не чувствовал, да и не помогло бы ему тренированное могучее тело. Оно могло противостоять внешним влияниям, а внутри, там, где он оказался сейчас, шла борьба, в которой мышцы не играли никакой роли.

Он взмолился, обращаясь неизвестно к кому. Почувствовал, как из глубин страха рвется его мысленный вопль-призыв о помощи. Кого он просил – не знал, да и не хотел сейчас думать. Он понимал, что спасение от тугих удушливых объятий ужаса рядом, в нем самом, но определить место не мог. Он кричал мыслями, разумом, душой... Он молил о помощи и верил, что она придет... А над безмолвной драмой существовал еще один бесстрастно наблюдающий за тем, как страх душит его, и он же вопиет о помощи, и ждет ее...

Но даже этот, стоящий выше внутренней коллизии, не был проявлением его личности, которое он ассоциировал бы с собой. Какая-то его часть отстраненно наблюдала за происходящим...

– Остановись! – прорвалась наконец мысль – приказ. – Вернись, ты уже многое видел!

Он волевым усилием, вырвал себя из затягивающего страха, напряг мышцы ожившего тела, и резко открыл глаза. Сквозь пелену медитативного тумана комната казалось дрожащей и неясной, однако зрение быстро восстанавливалось, и очертания предметов, стен, мебели прояснялись. Тело работало. Он проверил, напрягая каждую мышцу. Глаза видели, мозг анализировал.

– Куда это меня занесло? – лениво подумалось ему, но усталость навалилась и придавила веки. Он снова расслабился, хотел заснуть, но изнутри опять потек страх. Беспричинный страх, от которого невозможно укрыться и спрятаться, потому что он – страх самого себя. Ужас перед темным провалом бессознательного, откуда – он это чувствовал – нет возврата.

Он открыл глаза, встал и потянулся. Страх не отпускал. Липкими паучьими лапками он касался сердца, опутывал его паутиной тревожного ожидания и давил, сгибал, сминал и уничтожал волю...

Он сделал несколько упражнений, но страх не ушел. Наоборот, он стал навязчивее, и, казалось, что окружает со всех сторон как облако. И вырваться из него хотелось нестерпимо, а выхода, похоже, не было.

Страшным становилось все: свет, шелест листьев за окном, любой звук...

– Стоп! Вот так и сходят с ума. Мне осталось чуть-чуть до того, чтобы окончательно рехнуться. Неужели – это завершение Пути?

Какое-то внутреннее ощущение подсказывало, что сегодня он начал новый этап, но развитие событий зависит от него. Поддаться ужасу или победить его, бороться с собой в одиночку, или же уповать на помощь... Он понимал, что помощь тоже в нем, но это не он, не его изошренное сознание, а Нечто, неизмеримое и непознаваемое, которое лишь коснулось его своим отношением – любовью за то, что он есть на белом свете. Разве может человек любить так легко и просто? Он всегда хочет от любви чего-то. А здесь любовь была всепроникающая и бескорыстная. Она не требовала ничего. Он понимал, что его любили за самоценность личности... Только в этой любви было спасение. Он чувствовал это и в то же время не понимал: как обратиться к скрытому в себе... Страх одолевал, забирался все глубже в разум и сковывал его волю. Страх вкрадчиво шептал ему: «Оставь свои жалкие попытки... Ты беспомощен передо мной... Я всесилен, ибо мне подвластны инстинкты и сама жизнь. Оставь свои метания...» Змеиное шипение раздавалось в его разуме, словно страх там свил свое гнездо и оттуда опутывал человека липкими щупальцами.

А у него не было сил встряхнуться. Апатия и безысходность сковывали желания и стремления. Мир перед глазами потускнел и перестал искриться. Все казалось бессмысленным. Люди за окнами спешили по своим делам, птицы в ветвях щебетали, солнце пробивалось сквозь листву и пятнами падало на чистый пол в комнате. Он устало отмечал все это и думал о том, насколько пуста и бессмысленна жизнь. Все чего-то хотят, а в итоге смерть, уход и пустота. Для чего, когда страх смерти все нивелирует и уничтожает? Он один по-настоящему управляет жизнью, ибо он внутри и от него невозможно скрыться, даже если все время бежать. От себя не уйдешь... Пустота... Может быть ускорить ее наступление. Зачем страдать годы, когда итог один? Смерть не привлекала его призрачным покоем. Нет, он боялся ее, но страх жизни был еще сильнее.

– Пропал, – понял он. – Сейчас все кончится, и я перестану быть...

Мысль сверкнула как молния и мгновенно озарила все внутри. На просторах сознания черной плесенью лежал страх. Он захватывал все больше активного творческого пространства. Вместе со вспышкой понимания он почувствовал внутри голос. Ровный, бесконечно спокойный и глубокий, голос тихий и неощутимый. В нем не было эмоций или сострадания. Голос говорил так, как будто озвучивал его мысли: «Страх – это слабость твоей жизненной позиции! Твой страх устойчив и многообразен. Это значит, что много слабых внутренних позиций. Ты не хочешь признаться себе в своих слабостях. Ты ищешь страх как забвение, ты стремишься к нему, ибо обитание в нем позволяет тебе бездельничать и предаваться унынию. Твой страх – это, твое убежище, норка, в которой ты прячешься от ответственности. Спрятавшись за страх, ты сторонись многого и проигрываешь себе. Но скоро страх из убежища превратится в тюрьму, из которой нет выхода. Ты в страхе жаждешь и ищешь одного – покоя. Но страх – его противоположность. Покой придет в решимости. А страх будет создавать нерешительность, пустоту и тупость жизни. К ним ты уже подошел и нашел ли их нужными себе?»

– Я – спятил, – неожиданно спокойно осознал он.

– Как все просто, однако! Был нормальным и вот уже клиент психушки... Постой... Если я осознаю, что сошел с ума, то, наверное, все не так плохо?

Он, как за спасительную соломинку, ухватился за эту мысль и начал медленно вытягивать сознание из темной бездны. Что-то внутри напрягалось, рождало силовой импульс, и этот импульс понемногу выталкивал его из темноты страха. Было чувство, что ему помогают, дают небольшой толчок и он усиливает его своей волей и стремлением...

Это продолжалось целую вечность. Время оцепенело, и он полз по пространству, как муравей, медленно, неуверенно, но все-таки полз! С тихим звоном лопались нити паутины, и страх неохотно отпускал его.

– Слабость моей жизненной позиции... Слабость позиции. Шиш вам, слабость. Я не слабый, я вам докажу... – кричал он мысленно... Но никто не слышал его безмолвных воплей. Тишина внутреннего мира окружала его. И постепенно покой и умиротворение появились внутри. Страх, как побитый пес уползал в глубины, готовый, однако, немедленно вернуться.

– Что со мной? – первый вопрос, который он задал себе вслух, после того как открыл глаза и убедился, что давящего ужаса больше нет. И сам же себе ответил:

– Доигрался... Медитатор. Отвезут в психушку и все дела... И никому твоя молодая дурная башка не будет нужна...

Он вспомнил знакомого, который тоже увлекся медитациями, начал устанавливать мысленный контакт с НЛЮ и вскоре свихнулся. Ходил по городу, на негнувшихся ногах, с прямой спиной, говорил отрывистыми рубленными фразами, подражая роботам из видеофильмов, и говорил всем, что его тарелка потерпела аварию и ему нужно в Москву, на центральное телевидение, чтобы с экрана сделать запрос на родную планету...

Разговор у костра

Лесная ночь полна звуков. Шумят на ветру деревья, скрипят старые, высохшие стволы, потрескивают сучки под лапами ночных зверей. Но то звуки привычные, родные для леса, как стук сердца в жизни человека. Чужими в лесу звучат романтические песни под гитару, да умные разговоры... Хотя обстановка располагает, и туристы, впервые ночующие на полянках, считают своим долгом спеть какой-нибудь походный шлягер, а когда наступит ночь, глядя в огонь костра, нарочито уравновешенными голосами поговорить о смысле жизни.

Эта компания не составляла исключения. Те же песни под гитару, те же разговоры о непонятных, но очень умных вещах. Парни расправляли плечи всякий раз, когда в лесной темноте, за кругом света от костра раздавались неясные звуки и девчонки кокетливо пугались.

Человек беззвучно шагнул из темноты, постоял на границе света и тьмы и подошел к компании.

– Добрый вечер, господа туристы! – приветливо произнес он. Компания испуганно оглянулась, никто не слышал, как человек приблизился к ним.

– Вы кто? – пискнула маленькая девица, придвигаясь к плечистому молодцу. Человек усмехнулся, оглядел кружок юнцов и ответил:

– Никто, странник я, путник обыкновенный.

– Куда ж вы идете? Мы сюда целый день топали, думали, что никого вокруг нет...

– Никого и нет, я один верст на двадцать в округе... А иду я... Иду по своим делам, вижу костер ваш, вот и решил попросить приюта. «Не откажете путнику?» — спросил он приветливо, и туристам стало стыдно. Видно же, что человек хороший, добрый, чего уж там...

– Садитесь рядом с нами, чаю хотите?

Путнику налили кружку ароматного чая, попытались было расспрашивать его, да он ловко вопросов избежал, сказал несколько общих слов и так повернул разговор, что все о нем как бы и забыли...

– Так вот, я и говорю, что мистическое осознание мира не может быть поставлено в один ряд с научным познанием. Там, где наука собирает по крупицам факты и на их основании

строит свои теории, мистики видят разом всю картину в целом за счет духовного просветления и внутреннего озарения... – говорил благообразный, прилизанный парень с бородкой и фальшиво-смирненным выражением на лице.

– По-твоему весь научный поиск сводится к систематизации фактов и построению ошибочных теорий? А почему твои мистики так и не смогли сказать ничего внятного о непознаваемых явлениях? – сварливо возразил патлатый парень. Они удивительным образом представляли два расхожих стереотипа: ученого и священника. Казалось, что они здесь специально и нарочито затеяли спор, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к разным направлениям общественной мысли. – Почему они не расскажут тупой науке об НЛЮ, например?

– А их никто не спрашивает, – неожиданно вмешался в разговор путник. – Вы вот тут спорите, молодые люди, а сами не подозреваете, что сидите рядом с колдовским местом, где с незапамятных времен совершаются обряды и ритуалы лесных людей...

Вся компания замолкла и с любопытством смотрела на своего гостя. Он вроде был серьезным, однако из-под косматых бровей блестела хитринка в глазах, и потому туристы облегченно вздохнули, завозились и стали похихикивать.

– Какие лесные люди? – спросила давешняя пигалица, – Те, что в лесу живут, охотники, или племена таежные?

– Где это вы, барышня, племена таежные видели? Их даже в сказках не осталось... Нет, лесные люди – это те, что рядом с вами живут, а вы и знать не знаете... Это соседи ваши, – усмехнулся незнакомец. – Вон, на той полянке, за кустами, их изба стоит, а через нее можно и дальше пройти...

– А мистика-то здесь при чем? – удивился прилизанный – Мы ведь о ней говорили...

– А при том, молодой человек, что лесные люди и есть настоящая мистика, а то, что вы тут обсуждаете – пустая болтовня. Вы предмета не знаете, а судите... Но если вы боитесь, то пожалуйста, я не настаиваю...

Конечно, прием был простенький и незамысловатый. Кто из парней сознается в робости, когда на них с ожиданием смотрят несколько пар девчачьих глаз... Юноши резво поднялись, выражая готовность немедленно познакомиться с лесными людьми. Ночной гость усмехнулся:

– Вы не торопитесь, время еще не пришло, но если вы так решительны, то через пару часов отправимся в гости. Пока подумайте...

Два часа мелькнули незаметно и когда пришло время отправляться к таинственным лесным людям, уже девчонки начали отговаривать парней от рискованной затеи. Но это только добавило им решимости.

Гость компании все время просидел молча и не отвечал на вопросы туристов. Он смотрел в огонь и, казалось, не слышал вопросов. Наконец поднялся, отошел в сторону от костра и долго смотрел в ночное небо.

– Ну что, готовы? Пошли! – сосредоточенно и деловито бросил он.

Парни поднялись и кучкой двинулись следом за странным гостем. А тот уверенно шагал к кустам на дальней оконечности поляны и скоро скрылся за темной порослью.

– Идите сюда, – позвал он и парни пошли на голос. Один за другим скрывались они за кустами...

– Ой, девочки! – вдруг тихо пискнула маленькая. – Мне показалось...

– И мне показалось... – шепотом подхватила подружка. Две других только молча кивали, соглашаясь.

– А что показалось-то? – тоже шепотом спросила третья.

– Как будто кто-то стонет там, за кустами. Может с мальчишками что-то случилось?

– Да что там с ними делается, ведь только что ушли...

– Мне страшно, девочки... Пойдемте, посмотрим...

Девчонки молча переглядывались, потом сбились в кучку и осторожно пошли в сторону кустов. Когда они продрались сквозь цепкие ветви, то увидели странную, жутковатую картину: на небольшой полянке стояла старая, вросшая в землю, изба. Полная луна мягким светом заливала полянку, и в призрачном сиянии контуры избы казались зыбкими, дрожащими, как марево горячего воздуха над раскаленным асфальтом. В проеме открытой двери что-то зашевелилось, и раздался сдавленный, тягучий стон. Девчонки с визгом кинулись врассыпную ...

Стон повторился и через порог бесформенным кулем перевалился человек. Он медленно пополз по мокрой траве, оставляя за собой темный след.

Девчонки стремительно бежали, забыв обо всем. Но скоро ветви деревьев, хлеставшие по лицам, привели их в чувство. Страх отступил, и они, оглядевшись поняли, что забежали невесть куда и не знают обратной дороги. У них хватило ума больше не бегать, а остановиться и просто кричать. Голоса глухим эхом отскакивали от деревьев, метались между стволами и гасли в ветвях. Никто не отзывался, только таинственный, темный и страшный лес равнодушно шумел вокруг. Ему не было дела до девочек.

Рассвет сизыми струями протек между ветвями. Беглянки оживились и начали было кричать, но маленькая сказала:

– А кому мы кричим? Мальчишки ушли в избу, а мы все здесь... Нас никто не ищет!

– Вот что, девки, надо выбираться самим. Хотя бы до поляны дойти, а там что-нибудь придумаем... Да и парни наши вернулись, наверное, – решительно заговорила одна из подружек – Лена. Все тут же согласились, им очень хотелось, чтобы мальчишки вернулись к костру, увидели, что девочек нет и пошли их искать, и наконец нашли, и радости было бы ... Однако не было слышно ни голосов, ни окликов. Только шумел загадочный и темный лес.

Девушки шли без направления как подсказывало им глубинное женское чутье, которое у горожанок обостряется в минуты нервного напряжения. Они шагали, казалось, наобум, но скоро вышли к знакомой поляне... Вон и палатки стоят: мальчишечья и женская... Костер еле дымит ... Но вокруг никого! Парней не было. А в росистой траве от кустов к кострищу тянулся темный след, словно протащили мешок и сбили росу. Девочки замерли на краю поляны, не решаясь подойти к костру. Хотя солнце уже поднялось, осветило лес и пригревало, они стояли настороженные и все еще испуганные, будто в знакомых палатках кто-то прятался. Наконец, решились. Медленно, осторожно девушки двинулись к палаткам, почему-то боясь даже шумнуть ненароком.

Возле девичьей палатки они увидели человека. Тот был одет странно, в какие-то необычные лохмотья, лежал ничком и не шевелился.

Решительная Лена осторожно протянула руку и тронула человека за плечо:

– Эй, вы кто? – шепотом спросила она. – Вы живы?

Человек застонал и попытался приподняться, упираясь руками в землю. Он бормотал на каком-то тарабарском языке. Девчонки с визгом отпрыгнули в стороны, а человек снова упал лицом в землю и лежал, тихо постанывая.

– Девочки, ему помочь надо, давайте вместе поднимем его...

Они опасливо приблизились к незнакомцу и попытались приподнять его, но человек дернулся, снова забормотал непонятное и вдруг явственно, по-русски сказал: “Нет, не буду, не дожидетесь...” Девчонки осмелели и начали переворачивать его на спину. Тот не сопротивлялся. Видно силы кончились и он мягко, как мешок с тряпками, перевалился на спину. Девушки опешили. На траве лежал Димка. Их товарищ, с которым расстались несколько часов назад. Но это был другой Димка. Тот, что ушел ночью в избу – крепкий, холеный, благополучный... А сейчас: изможденный, оборванный, с седой щетиной на лице и сбитыми в кровь ногами человек, только походил на их приятеля.

– Димочка, это ты?! – со страхом и удивлением спросила маленькая. Во вчерашней жизни, оставшейся за порогом прошлой ночи, Дима был ее парнем, они вместе проводили

время, говорили друг другу нежные слова и, кажется, она даже немножко любила его. А сейчас ей стало страшно. Она боялась притронуться к этому парню. Да и не парень это был, а мужчина, много повидавший и переживший, измученный и давно не кормленный.

Оцепенение длилось недолго. Девчонки разом склонились над Димкой. Одна сдирала с него лохмотья, другая своим платком вытирала лицо, третья отирала мокрой травой окровавленные ноги. Только маленькая Катя встала возле головы друга на колени и плакала.

– Хватит ныть! – крикнула Лена. – Принеси воды, согрей. Человеку помочь надо!

На краю бездны

Приемная была обставлена дорогой, но неброской мебелью. Оценить ее надежность и качество могли только люди, знающие толк. На них и рассчитывалась обстановка. Секретарша за необъятным столом тоже, на первый взгляд, выглядела обычно. Но, присмотревшись, можно было разглядеть изящные холеные руки, значительное лицо и мерцающие женской загадкой глаза. Словом, все в этом кабинете было очень добротно.

Дверь, отделанная мореным дубом, вела в кабинет шефа. Для абсолютного большинства он был удачливый предприниматель, валютный миллионер, глава крупной финансово-промышленной компании, которая поднялась в начале эпохи рынка и сейчас успешно строила деловые отношения с партнерами в России, и с зарубежными деловыми людьми. Немногие знали о теневой жизни шефа. А она заслуживала внимания.

В городе знали Юрия Ивановича, финансиста, промышленника, магната, мецената, спонсора и прочая, и прочая... А между тем, Юрий Иванович в свои пятьдесят имел за плечами бурную жизнь. Его биография началась в шестнадцать лет, когда с компанией уличных лоботрясов он ограбил склад обкомовской столовой. Попали туда ребята случайно. Из озорства забрались они на чердак неприметного домика позади монументального здания обкома партии. Само здание было единственной достопримечательностью небольшого городка, который по странной прихоти московских властей вдруг сделали областным центром. Но, как и всякий монумент, обком постепенно пришел в упадок, рядом с ним появились современные красивые дома, и здание потерялось между ними. А потом исчезла руководящая и направляющая сила. Однако, в далекой юности Юрия Ивановича, когда он был еще просто Юркой, обком светился среди одноэтажных домишек, как дорогой камень в оправе, внушал почтение и священный трепет жителям городка.

Парни и не думали о краже, когда лезли на чердак склада обкомовской столовой. Так, ради бузы, чтобы выплеснуть молодецкую удадь, да адреналином встряхнуть себя. Однако на чердаке они обнаружили незапертый люк, открыли его и спустились в царство невиданного изобилия. В большом помещении стояли ящики с водкой “Колос”, массандровскими винами, какими-то импортными напитками, про которые никто из пацанов даже не слышал. Тут же на полках были банки с куриным паштетом, сгущенкой, консервированными фруктами. В холодильнике нашли копченые колбасы, икру и много всякой вкусноты, о которой лишь слышали в разговорах взрослых... При виде изобилия осторожность исчезла. Они начали хватать все, что попадалось под руку. Вылезли из склада с мешком, полным продуктов и напитков. Еле дотащили поклажу до укромного места в лесопарке, где всегда собирались покурить, выпить дрянного вермута, одним словом – побалдеть. Пили невиданные водки и вина, заедали их шоколадом и колбасой и похвалялись друг перед другом своей изобретательностью и смекалкой. Каждый доказывал, что это именно ему пришла в голову идея забраться на чердак... Потом, на суде, все они валили вину на остальных, выгораживая себя. А Юрка, неожиданно, сказал, что это он уговорил всех на кражу и взвалил на себя роль зачинщика.

Надо отдать должное, обком не стал из рядового уголовного дела раздувать политический процесс, и пацанам дали как за обычную кражу: по два-три года «... с учетом личностей подсудимых и их искренним раскаянием...»

Юрка попал на малолетку, отсидел там свои два, а оставшийся год досиживал уже на взрослой зоне. Там и началось его становление, как авторитета. Первое, что он понял – больше садиться нельзя. Это пустая трата времени и сил. Жизнь проходит стороной, и эки, как никто другой, остро чувствуют это. Вскоре после освобождения, его призвали в армию и определили в стройбат, куда отправляли с судимостью. Зоновская закалка очень пригодилась ему в армии, потому что порядки в стройбате мало, чем отличались от лагерных, а порой бывало и похуже. Юрка держался, близко ни с кем не сходил, был замкнутым и жестким. Все знали – этого лучше не трогать, себе дороже будет. Но вот напасть, увидел он однажды, как ихний сержант со строительства жилого дома продает сантехнику жильцам соседних новостроек. Промолчал бы, забыл, да сержант старослужащий начал куражиться. Дескать, ты, салага, молчи и знай, что если я захочу, то тебя в бетон зарюют. Юрка знал, что сержант этот как-то связан с местными блатными, проворачивают вместе темные дела. Но не сдержался и послал обидчика куда подальше. Тот ухмыльнулся и промолчал. А ночью со своими годками накинули на голову Юрке одеяла и стали бить его по оголенным ягодицам пряжкой солдатского ремня. В Юркином понимании что-то повернулось, и он решил, что его хотели опустить, как это делалось на зонах. Он мог стерпеть многое, но только не это. От природы он был парнем крепким, в зоне не жрал чифир и “колеса”, а таскал тяжести, упражнялся кирпичами, работал на стройке с ломиком и постепенно руки у него стали железные. Он как пружина развернулся под кучей одеял, выбрался из свалки, схватил табурет и с размаху шарахнул им сержанта по голове. Ножками табурета двинул по зубам второго, третьего пнул так, что тот, даже не охнув, упал в проход между койками. Остальные попытались заломать молодого, но тот швырнул в них табуретом и грозно сказал:

Не подходи. Убью! – нападавшие поняли, что он не шутит...

А утром выяснилось, что у сержанта сотрясение мозга, у другого сломана челюсть, а третий практически лишился своего мужского достоинства. Их отправили в госпиталь, а Юрку – на губу. Потом военный трибунал и... С учетом прошлой судимости впаили ему пятерик...

Таким было начало биографии Юрия Ивановича. А дальше зоновские университеты сделали из него профессионала. Больше он не сидел, но среди братвы был в большом авторитете. Своей хваткой, умом, смекалкой и ловкостью создал себе имидж. А теперь, когда все стало можно, он легализовался и стал уважаемым предпринимателем. Так проще было решать житейские и криминальные проблемы, оставаться на плаву и поддерживать теплые отношения с властью.

За дверями послышался шум, шаги и невнятный говорок. Дверь распахнулась и в приемную ввалились несколько человек. Трое держали за руки двоих, которые странно подергивались и вдруг начинали хохотать, а потом так же резко обрывали смех и глядели вокруг непонимающими глазами. Секретарша строго взглянула на вошедших и сказала:

– Юрий Иванович просил не беспокоить, он занят...

Один из посетителей огрызнулся было, но секретарша снова очень вежливо произнесла:

– Он занят! Просил его не тревожить! Вам понятно?

В ее голосе прозвучала холодная угроза и посетители, схватив хохотунов, выскользнули из приемной. Они-то знали, чем может обернуться холодный угрожающий тон секретарши...

А Юрий Иванович в это время сидел в кабинете один и тупо смотрел на матовую поверхность стола. Что с ним происходит? Все, о чем мечталось в юности, достигнуто: положение, сила, власть явная и тайная сосредоточены в его руках. Денег было столько, что он уже и радоваться новым прибылям перестал. А они все шли и шли. Казалось, и усилий Юрий Иванович больше никаких не прилагал, а деньги все равно капали, а кое-где и ручейками бежали

в его казну. Даже расходы на поддержку различных официальных проектов и “подогрев зон” не опустошали его кошелька, а, казалось, наоборот – добавляли в него... Томило его что-то непонятное. Время от времени из глубин сознания черным комком выныривала вязкая липкая тоска и пеленой депрессии опутывала мозг. В такие минуты Юрий Иванович старался исчезнуть, спрятаться, чтобы никто из его приближенных, а тем паче мелких шестерок, не видел его в таком состоянии. Шеф всегда оставался шефом и право судить и миловать поддерживал жесткими решениями и нестигаемой позицией в криминальном мире. Но себе он мог признаться в том, что нет больше прежнего решительного и жестокого Юрки-Бирюка. Что-то надломилось в душе респектабельного разбойника и начал он задумываться о жизни. Это оказалось очень трудно – быть честным с собой. Раньше он оправдывал себя тем, что вокруг была несправедливость властей предрежащих. Он жил в мире, где каждый был силен стоящей за ним кодлой, где одиночка мог рассчитывать на успех только в том случае, если он рвал всех зубами, давил и ежеминутно доказывал всем, что он яростный, опасный и сильный зверь. Эти качества давно уже стали настоящей натурой Юрия Ивановича, и он представить себе не мог, что вдруг появятся какие-то сомнения. Нерешительность, ненужную осторожность, щепетильность и боязнь причинить вред другим он всегда считал сдюжностью и уделом слабых, тех, кто работал за оклад и ежегодный отпуск. Сам он никогда и нигде не работал по-настоящему. На воле – потому, что все свои силы направлял на то, чтобы прожить за счет общества. На зоне – из принципа, чтобы не обвиняли в сотрудничестве с властью. Романтика воровской жизни, лагерных отношений даже после двух “ходов” оставалась его внутренней идеологией. Многого добился он в жизни: стал криминальным авторитетом. Потом, когда понял, что можно богато легально подняться и как авторитет официальный. И вот, когда все в жизни устроилось и можно было спокойно приумножать капитал, силу и власть, сомнения поселились в душе Юрия Ивановича...

Началось все с того дня, когда он проездом был в небольшом райцентре, и побывал в местной церкви. Не любопытства ради и не с верой пришел он в храм, а чтобы посмотреть своими глазами на древнюю икону, которую его ребяташки обнаружили. Они по заданию шефа рыскали по глубинке, отыскивая старину, антиквариат и все, что могло принести значительный доход. В Ойе нашли икону, привезли знающего человека, и выяснили, что цена иконы выражается пятизначной цифрой в долларах. Потом доложили шефу, и он сам решил размяться: прокатился в райцентр, чтобы посмотреть на икону.

В храме к нему подошел священник и спросил:

– Вас что-то интересует?

– Вот эта икона...

– Это очень старая икона. Говорят, что она здесь со времени открытия храма. А это уж лет триста будет. И никогда она не покидала стен церкви. После войны пытались ее снять для реставрации, но произошло странное что-то. Ходили, ходили по храму, а икону не могли найти. И староста церковный тогда тоже потерял ее. Уехали реставраторы, а она снова на прежнем месте объявилась. Господь глаза отвел людям, чтобы не трогали святыню...

Юрий Иванович выслушал рассказ и хмыкнул. Уж он-то знал, что чудес на свете не бывает... И когда подумал про ловко спрятанную икону и легенду, придуманную попом, ему показалось, что кто-то внимательно посмотрел на него. Это чувство внимательного взгляда было ему знакомо. Не раз приходилось ощущать на себе такие взгляды. И как правило ничего хорошего это не предвещало. Юрий Иванович оглянулся, но рядом, кроме священника никого не было. И все-таки он чувствовал взгляд. Он крутил головой, пытаясь увидеть источник своего беспокойства и, вдруг, наткнулся глазами на икону. Именно наткнулся... С темной доски на него смотрели скорбные, плачущие глаза Богородицы. И как смотрели. Они проникали в сердце, открывали в нем такое, о чем Юрий Иванович даже не догадывался. Он оцепенел перед

образом и не мог ответить на какой-то вопрос священника. А тот, видно, понял, что происходит с человеком и тихо отошел в сторонку.

В голове авторитета творилось странное, он словно разговаривал с кем-то. Бесплотный голос, звучал в нем. И голос этот спрашивал:

– Ты хочешь украсть образ?

– Я хочу украсть образ, – мысленно повторил Юрий Иванович. Он не понимал почему, но не мог лгать этому голосу.

– Это будет твоей главной ошибкой. Остановись, еще не поздно...

– Я не хочу останавливаться... Кто ты, чтобы приказывать мне?

– Я – это ты... Но ты, который скрыт и вечно следует с тобой. Я – это зеркало твоей совести. И сейчас ты смотришься в него... Посмотри на себя внимательно – ты перестал быть человеком. Ты – хищник!

После таких слов вряд ли человек долго протянул бы на этом свете. Но кого было винить сейчас авторитету? Звучал голос, что-то показалось... Чепуха все это, сопли розовые. А он мужик жесткий и хваткий. Поэтому сделает то, что решил.

А голос внутри лишь усмехнулся этим мыслям и произнес:

– Твоя гордыня либо поднимет тебя и возвысит, либо низвергнет в грязь. Остановись пока не поздно. Ты на краю пропасти и следующий шаг будет в никуда...

Из церкви Юрий Иванович вышел в состоянии апатии и отрешенности. Уселся в свой лимузин и, подняв облако пыли, укатил восвояси. Однако, с того времени и начались в нем перемены...

Во глубине себя...

Тот прошлый глубинный страх, что топил его в своем черном омуте, отступил, исчез, растворился. Еще с минуту он приходил в себя и вдруг с пронзительной ясностью понял, что его безмолвные вопли-призывы о помощи дошли... Их услышали, им вняли и помогли... Кто? Если бы он знал, то верно, смог бы ответить себе на многие другие вопросы, которые каждый день всплывали из глубин сознания. Сергей понимал, что все его попытки как-то ответить себе с помощью привычных понятий, оказываются не просто безуспешными, но и вредными. Всякий ответ уводил его в сторону от истинного знания. Он чувствовал это...

Утром, когда он анализировал вчерашние события, ему пришло в голову, что все происшедшие перемены имеют в основе своей единый корень. В чем он? Их Учитель в школе единоборств говорит, что только сам человек может быть творцом судьбы. Старухи, которые приходят в гости к его бабушке, частенько, охая повторяли: “На все воля Божья...” Лично он... А лично он болтался как флюгер на ветру и не было у него точного понимания, не было внутренней уверенности и в зависимости от мнения собеседника, он становился то фаталистом и сторонником Высшей Воли, то исповедовал самостоятельность и безграничные личные возможности... А где же правда?

Нельзя сказать, чтобы он так уж всерьез задумывался о глубинном смысле бытия. Учитель советовал тренировать не только мышцы и кулаки. Это-то у него получалось здорово... Рукой запросто мог толстенную доску сломать.

– Концентрируй свою волю, сжимай ее в тугий узел, сделай ее крепче любой стали и тогда перед тобой не будет преград. Твоя воля поможет тебе выйти из бесконечного вращения колеса сансары, оборвать череду реинкарнаций и достичь Нирваны...

Конечно, Учителю было легко говорить о том, что он уже превзошел. Никто же из соратников по школе, так и не сумел сконцентрировать себя по-настоящему. Часами смотрели на огонь свечи, рисовали на стене точки и медленно, переводя взгляд с одной на другую, впадали в состояние полного отрешения от действительности, но пока это не давало видимых резуль-

татов. Никто еще не смог, как Учитель, мгновенно переместиться в другой конец зала. Просто исчезнуть в одном месте и появиться в другом. Когда они пристали к нему с просьбой объяснить, как это делается, тот только усмехался и говорил: «Надо быть внимательным...»

И вот сейчас, когда он попытался расслабиться и окунуться в поток внутренней жизни, с ним произошел такой казус: “Это, наверное, сумасшествие начиналось...”

Мысль показалась ему не просто спасительной, но объясняющей все. Никто толком не мог объяснить почему люди сходят с ума, но все знали, что от усиленных занятий медитациями можно свихнуться... Он с удовольствием ухватился за эту мысль и, казалось, сразу нашел объяснение своим проблемам. Показалось даже, что кто-то внутри радостно хихикает и потирает ладошки. Однако, из глубин психики просачивались недовольство и тревожный туман. Усилием воли он отогнал сомнения и заставил себя широко улыбнуться. Вспомнил, как Учитель говорил им:

Начинайте утро с улыбки и тогда весь день будете радоваться. Улыбайся, даже если тебе этого не хочется...

Когда он попробовал насильственно растянуть губы в улыбке, сначала возник протест, а потом, действительно стало легче. Клубок злости в груди растаял, голова прояснилась...

Птицы за окном пели звонкими утренними голосами, первые машины пробегали по асфальту, а город с утра умытый и свежий, казался радушным хозяином, раскрывшим перед близкими улицы и переулки. Было что-то необъяснимо притягательное в утренней чистоте пустых улиц. Он каждое утро бегал по ним к парку и наслаждался ощущением чистоты и бодрости.

Среди старых деревьев парка несколько пенсионеров занимались физкультурой. Они с уважением смотрели на него, и ему нравилось видеть в их глазах огоньки восхищения.

Сергей выбежал на знакомую лужайку и встал так, чтобы пенсионерам было видно, как он выполняет комплекс разминочных упражнений. Отточенная пластика движений, медленные и плавные развороты могучего тела, стремительные нырки и уходы, короткие, резкие удары руками – завораживали.словно танец он исполнял связки упражнений, не забывая уголком глаза ловить восхищенные взгляды...

Неожиданно он увидел нового человека. Одет тот был неказисто, в старом обтрепанном костюме, стоптанных башмаках и казался обыкновенным бомжем, который ночевал в парке. Он стоял на кромке лужайки и с интересом наблюдал за боевым танцем. Это добавило уверенности в движениях, и Сергей стал делать упражнения явно на показ, чтобы невольный зритель мог любоваться игрой мышц под загорелой кожей... Но что-то не ладилось в выверенном кружеве движений. То нога странно подгибалась, то рука не слушалась... Он встряхнулся и начал снова, но отработанного рисунка действий не получалось, как будто кто подталкивал его в ключевом повороте или наклоне, и получалось неуклюже, как у новичка... Он посмотрел на нового зрителя и увидел, что у того в глазах искрится странный голубой огонь. На мгновение их глаза встретились, и бродяга погасил огонек в глазах, опустил голову и побрел прочь. Однако, стоило бомжу отвернуться, как сковывающее чувство прошло, руки снова начали вязь движений, ноги задвигались легко и уверенно. Тело выполняло привычные действия, а он соображал: неужели этот мужик так его спеленал... Вот это да! Он слышал о таких методах борьбы, но считал рассказы легендами...

Ему было уже не до занятий. Он бегом бросился за бомжем и за поворотом аллеи столкнулся с ним нос к носу.

– Это, вы там на меня смотрели...

– Ну и что? – удивился мужичок. – Разве смотреть запрещается? Вы так ловко все проделывали, вот я и любовался...

– Нет, это... Я хотел спросить, что вы там со мной делали?

– Что я делал? – удивился бомж. – Я и не умею ничего... Показалось вам, молодой человек, показалось... Куда уж мне против вас... Вы вон какой, Илья Муромец!

В последних словах явно прозвучала издевка, но придаться было не к чему. И боец, опустив голову, пробурчал:

– Извините, ошибся я.

– Ошиблись юноша, ошиблись... Бомж хихикнул и неторопливо пошел в глубь парка. А Сергей молча переваривал обиду. Да, мужичок обидел его. Не словами, нет, но тоном, голосом, взглядом. А он проглотил обиду и смолчал. Другому бы немедленно влепил затрещину, после которой обидчик неделю в себя приходил, а здесь что-то держало его, Непонятное и странное чувство скованности снова опутало тело, и он мог только молча слушать, да лепетать невнятно...

В спортзале, где они тренировались, было светло. Сквозь открытые окна тянул солнечный сквозняк, он выветрил плотный запах пота, тяжелой физической работы. Этим запахом пропитаны все спортзалы. А сегодня пахло свежестью, и настроение у бойцов перед тренировкой было умиротворенным.

Вошел Учитель и сразу же резко рванул всех голосом.

– Бегом, по кругу, быстро! Напор, скорость! Сергей, подойди ко мне!

Он подошел и увидел в глазах Учителя что-то такое, чего и сам испугался.

– Что сегодня с тобой произошло?

– Ничего, Мастер!

– Не лги! Я вижу, что в тебе что-то меняется. Ты тренируешься помимо нас?

– Нет, Мастер! Я... Нет, Мастер! У меня и в мыслях не было работать с кем-то еще. – Он твердо решил об утренней встрече не рассказывать ничего. Да и не мог он рассказать внятно. Что-то показалось, увидел бомжа... Ребята на смех поднимут...

А Учитель внимательно посмотрел ему в глаза и вдруг в нарушение всех заведенных в школе правил, крикнул:

– Поединок... Сергей против всех...

Сигнал сразу разбил команду на две неравные части: семь против одного. И раньше такие поединки практиковались, но только после основательного разогрева, отработки техники, как бы в заключение занятия. Один отбивался от всех. Отбивался всерьез, а они нападали, как собаки на обложенного зверя. Но всегда эти поединки были игрой, и все знали, что после тренировки вместе пойдут домой и расстанутся на остановке друзьями и снова встретятся в зале через день...

А здесь резкий, как выстрел выкрик Учителя был полон странного чувства. Он словно разорвал дружескую связь между бойцами. Они все, разом, поняли, что поединок будет всерьез. В головах еще не укладывалось, как это они будут лупить Серегу в полный контакт, но уже понимали, что будут это делать...

В подтверждение их мыслей Учитель громко крикнул:

– Полный контакт, без ограничений...

Сергей остолбенел. Почему именно он стал мальчиком для битья... Почему Учитель вдруг так рассержен на него, ведь он даже в мыслях ничего не делал.

Первый удар пришелся в плечо. Это была разведка. Противники окружили его со всех сторон, умело маневрировали, держали дистанцию, не мешали друг другу. Это в кино многочисленные компании бьют кого-то. На самом деле в толпе только путаешься под ногами приятелей. Бойцы предпочитают быть один на один с противником, чтобы чувствовать его и прогнозировать поведение. В этом поединке никто не мешал своему соседу. Цель была – достать общего для всех противника, достать всерьез и для этого надо было держать дистанцию, ловить момент поворота, наносить упреждающие удары...

Сергей напряжился. Мышцы налились злой силой. Он себя не подставит. Пусть попробуют его взять, он ...

Додумать не успел, мощный удар сбоку оборвал дыхание, и пол закружился в глазах. Он упал на колено и почувствовал, как в голову забарабанили короткие удары. Показалось, будто хрустнуло что-то, и темнота поглотила его...

* * *

...Он стоял на коленях перед темными от времени образами и о чем-то молил иконы. Он понимал, что просит что-то, обращаясь к непонятной для него силе, просит истово и искренне. Он верит, и его вера проникает сквозь невидимые преграды и достигает цели... Его мольбу слышат...

* * *

Одновременно он чувствовал себя сидящим в странной машине. Вместо привычного руля был штурвал, отдаленно напоминавший самолетный. Зеленью мерцали в темноте кабины невиданные приборы, тихо звучала незнакомая музыка и механический голос произнес на русском, но со странным, непривычным акцентом:

– Двести метров до точки перехода...

Он хорошо запомнил эту фразу, но понять ее смысл не мог, хотя и осознал, что это обычная фраза...

* * *

Следующим видением было холодное каменное подземелье, где при свете факелов он увидел седого старика, который разгребал испревшую солому и шептал что-то. Он не узнавал слов, но смысл понимал. Старик разгреб кучу и поднял тяжелое ржавое кольцо, закрепленное в каменной плите. Потянул за него, и плита неожиданно легко отъехала в сторону...

* * *

...Элегантный, мужчина в салоне дорогого заграничного автомобиля. Он видел его со стороны и был им самым одновременно. Он чувствовал злобу и решимость добиться своего любой ценой. Он знал, что люди, сидящие рядом с ним боятся его гнева и сжались, чтобы невзначай не задеть его...

* * *

А потом пришла тьма. Та самая, которую он уже видел и ощущал вчера. Тьма, полная жизни. И снова где-то в глубинах ее возник страх, удушливый, беспросветный, парализующий волю...

А сбоку, из темноты появилось лицо утреннего бомжа. Только глаза у него светились жутким мертвенно голубым светом. Он усмехнулся и заглянул сверкающими глазами в самую глубину его – Сергея – сознания.

– Видишь, – прозвучало у него в уме, – ты все-таки не смог отказаться от моей силы! Тебе очень хотелось обладать ею. Ты страдаешь, но сила будет тебе дана... И тогда ты станешь непобедимым. Реши, что ты хочешь? Просто прийти в себя и вернуться домой, или же получить мою силу и стать победителем?

Где-то в глубинах психики звучало слабенькое: «Откажись... откажись...» А желание превосходства громко кричало: «Дай силу, проси силу!»

– Сомневаешься, ну ничего, скоро созреешь, – хихикнул бомж и пропал. И чернота начала отступать. Он тяжело заворочался на полу и поднялся на четвереньки. Ноги и руки дрожали, голова бессильно падала. Он услышал голос Учителя:

– Все по местам. Работайте между собой...

Потом он почувствовал мягкие прикосновения пальцев мастера. Голова немного прояснилась, ему помогли сесть. Разбитыми губами он прошептал:

– За что, Мастер?

– Я проверял тебя, – неожиданно мягко ответил тот. – Мне показалось, что сегодня в тебе родилось зло... Но, к счастью, я ошибся!

В темноте

Когда машина вывернула с лесной дороги на трассу, доктор включил автопилот и расслабился. Бортовой анализатор считал импульсы настроения водителя и включил подходящую музыку. Колеса шуршали по дороге. По обеим сторонам от нее в лучах света фар мелькала стена леса. Автопилот объявил: “двести метров до точки перехода...” И тут что-то случилось. Доктор почувствовал неожиданную резкую боль в боку, обожгло губы, голова наполнилась странным звоном и сознание провалилось в туман. Он попытался вырваться из этого состояния, но ему почудилось, что кто-то сильно ударил его по затылку и сознание окончательно погасло. Он провалился в темноту...

...Радость...

Каждый вечер священник приходил в храм – проверить все ли в порядке. Он привык сумерничать в церкви и неспешно думать о своей жизни. А сегодня ему хотелось просто молиться. Перед темным, суровым ликом Богородицы пал он на колени и, перекрестившись, начал читать молитву. Но знакомые слова не выговаривались, словно что-то мешало произносить привычные фразы. Вместо слов в сердце родился жар. Он разливался по всему телу, потом стал пронизывающим, струящимся и, казалось, растворил в себе тело. А слова, новые, неожиданные как бы сами собой лились из сердца и обращены они были к Божьей Матери – той, чей лик скорбными глазами смотрел на него с иконы.

Он ощущал себя раздвоенным. Тело жило своей жизнью, а душа пела от ощущения близкого счастья. Тело чувствовало боль в голове, боку, казалось какая-то сила перехватывает дыхание, но душа была словно невидимым барьером отгорожена от тела и продолжала молиться. Неопишуемая радость нисходила на священника, растворяла в себе и рождала чувство всепоглощающего счастья. Он понял, что все вокруг него – живое, пронизанное радостью бытия. И живой мир излучал любовь, направленную на него. Он понимал и осознавал ее и отзывался сердцем... Не слова рождались в его груди, а песня без слов, песня восторга и экстатического подъема. Он молил только об одном, чтобы озарение счастья не кончалось...

Но все оборвалось также неожиданно, как и возникло. И только скорбные глаза с иконы смотрели на него и в их глубине ему чудились искорки любви и понимания. А в голове звучало колоколом: “Твое время не пришло!”

Он не сразу понял, что слышит в своем уме ответ на невысказанную мольбу. О чем же он просил, о чем? Ах, да! Он мучился своим неопределенным положением и просил дать силу, понимание, волю, чтобы выстоять... А потом как-то незаметно для себя взмолился, чтобы помогли уйти из этой суеты, стать схимником, или затворником...

Тело напомнило о себе свинцовой тяжестью в руках и ногах. Болел бок, губы, дыхание тяжелое и сиплое с трудом прорывалось в легкие. Он чувствовал себя избитым, хотя уже много лет ни в каких потасовках не участвовал. Он хотел посмотреть, отчего такая боль появилась в боку, повернул голову и в этот момент что-то темное обрушилось на него и священник в беспмятстве упал на каменный пол храма...

Подземелье

Когда стражники провели оборванного старика к привратнику, тот важно посмотрел он на странного гостя и спросил:

– Кого это вы тут привели к нам? Надо было не сюда его вести, а вон туда – на кухню. Пусть там просит еду, а здесь ему делать нечего, здесь к мудрым вход и еды тут нету...

– Дак это, он к мудрым и просится. Пришел говорит к ним, а перед ним ворота возьми и закройся, будто специально. Никто ведь их не закрывал, а они сами вот взяли и закрылись, да еще и на засов задвинулись. А с ним вместе птица была, так она этот засов клювом и открыла...

– Ты чего мелешь-то? Засов клювом... Эвон как тебя с пива разморило... У меня в комнате деревянная задвижка, дак я ее рукой не могу ...

Гость оборвал их разгорающийся спор. Он крикнул громко, так, чтобы его слышали все:

– Я пришел к мудрым с поручением. Они захотят выслушать мою весть...

Привратник посмотрел на старика, потом с сожалением поджал губы и медленно протянул:

– Мудрые сами зовут тех, кого хотят, а тебя не звали, и ты стой здесь, а если есть хочешь, иди на кухню, бабы еду перебирают и тебе дадут чего-нибудь...

Старик, казалось, даже подскочил на месте. Он заорал слабым голосом:

– Ты, дубина, понимаешь, что я пришел с поручением к мудрым. Я должен передать им это...

Привратник словно и не слышал крика. Он только поудобнее устроился в проеме двери и подпер плечом каменный косяк:

– За дальним холмом лес кончается и дальше нету ничего. Я в молодости там был, на самой меже, дальше мне отец не велел ходить. За межей, говорит, другая земля, где люди не живут и сразу дохнут, как мухи осенью. А отец у меня знал, что говорил... Значит не мог ты быть за межей, там люди не живут...

Старик покраснел, затрясся, но сказать ничего не успел. Привратника отодвинули изнутри и на пороге появился высокий худой человек в длинной белой рубахе до колен. Стражники попятились. Мудрые не любили, когда нарушали правила, и потому могли снять их с караула и отправить на грязную работу, убирать за домашними животными...

– Кто ты? – спокойно спросил мудрый, – Что ты хочешь нам сказать и кто тебя прислал?

Гость слегка поклонился и ответил:

– Я пришел из-за межи, что пролегла на гребне холма. Эта межа делит наш мир и тот, что в большом лесу...

– Оставь, мы знаем... Что ты должен был сказать нам?

– Меня прислал Странник. Он скоро приведет сюда людей из большого мира.

– Мы не слышали вести! Почему ты пришел без знака?

– Тот, кто отправили меня сюда, не мог дать знак. Его украли огни из чаши. Ты знаешь, что они не возвращают краденое... Но Странник сказал мне другое: он назвал место, где скрыт свиток. Я приведу вас к нему...

– Мы могли бы не верить тебе, но ты сказал про свиток. Войди в наш дом...

Привратник отступил в сторону, и оборванный старик поднялся по ступенькам в прохладный полумрак замка. Стражник увидел, как следом за ним потянулось искрящееся облачко, но перед входом вдруг остановилось, словно наткнулось на преграду... Радужными переливами оно растеклось по стене и медленно сползло на землю... Стражник не выдержал и заговорил:

– Гляньте – вон оно по стенке вниз ползет...

– Кто? – разом повернулись к нему другие стражники и привратник.

– Да вон, как будто солнышко после дождя играет... Оно по стенке ползет...

Привратник внимательно посмотрел в указанную сторону.

– Нет там ничего, вон только ящерка пробежала...

Стражник промолчал. Он не смог бы внятно объяснить то, что видел...

А в замковых покаях мудрый и старик шагали по наклонному коридору вниз. Они подошли к тяжелой кованой двери, на которой был выбит какой-то орнамент. Мудрый присмотрелся, потом быстрым движением коснулся какой-то завитушки на двери, и та медленно отъехала в сторону.

– Входи, путник. Здесь покои, где мы ищем свиток. Покажи его нам...

– Странник дал мне в дорогу говорящего сокола, он должен был подсказать путь...

– Сокола нет и никогда не было. Это твой ум видел его и заставил стражников поверить в птицу. Странник хотел войти в твой ум и прийти с тобой к нам. Но мы знаем его уловки и потому оставили твои видения во дворе. Странник нам здесь не нужен... Веди... Ты взял вместе с видением сокола и знание пути. Вспомни!

Мудрый протянул руку и пальцем указал на точку посреди лба старика. От пальца отделился желтый сияющий шарик, прилепился к голове гостя и всосался внутрь.

– Теперь ты вспомнишь все. Вспомнишь и отведешь нас к свитку. Предшественники спрятали его так, что мы уже много времени не можем найти. Веди...

Старик качнулся, закрыл глаза и тяжело привалился к стене. Потом встряхнулся и посмотрел на мудрого. Морщины лица разгладились, из глаз струился желтый свет... Он шагнул в открытую дверь. Следом за ним вошел и мудрый. Они оказались в темном сводчатом зале. В самом центре стояла опорная колонна, на которую давили низкие мрачные своды. Старик подошел к колонне и внимательно огляделся. Потом решительно направился в дальний угол. Мудрый взял со стены факел и освещал путь своему гостю. А тот подошел к куче прелой соломы, разгреб ее и поднял ржавое кольцо, прикрепленное к каменной плите. Потом что-то прошептал и потянул кольцо. Тяжелая плита неожиданно легко отошла в сторону и открылся вход в тайник. Мудрый спокойно стоял рядом и наблюдал за стариком.

– Мы знаем этот тайник, предшественники оставили его описание...

– Здесь в стене секретный камень. Если его толкнуть сверху вниз, а потом назад, то ... Договорить старик не успел. Мудрый спрыгнул в каменную яму тайника и указал на не приметный камень в углу.

– Да, но ты забыл одно условие... Произнеси звук...

Мудрый сосредоточился и вдруг пропел высоким, сильным и чистым голосом ... Кажется само пространство завибрировало от звука. Вокруг человека в белой рубаше заплескали языки холодного пламени, собрались в облако и вытянулись указующим лучом. Огненная шпага впилась в камень и тот, вспыхнув, исчез. Мудрый подошел к отверстию, сунул туда руку и вытащил серый цилиндр с вязью символов на боку.

– Мы знали об этом. Мы держали этот цилиндр в руках, но так и не смогли понять, что он заключает в себе. Мы считаем, что это один из двенадцати великих камней, на которых стоит наш мир. Потому и убрали его снова. Ты ничего не открыл нам, старик! А потому ступай во двор. Можешь остаться среди людей в замке, а можешь уйти... Нам ты не нужен, сам распорядись своей судьбой. Но если ты уйдешь, Странник не оставит тебя в покое. Мой тебе совет – оставайся в замке. Мудрый хотел вернуть цилиндр на место, но старик закричал:

– Постой! Я смогу прочитать надпись и тогда свиток откроется....

– Откуда ты знаешь то, что неизвестно нам – прямым последователям предшественников?

– Знаю! Странник провел меня по своим мирам, и я многому научился. Я знаю тот язык, которым написано в свитке...

Мудрый недоверчиво посмотрел на старика и выбрался из ямы.

– Пойдем, ты должен все рассказать братьям...

– Нет, слово прозвучит здесь, иначе мои знания потеряют силу. Так сказал Странник.

Мудрый согласно кивнул и сделал в воздухе жест открытой ладонью. Тьма вокруг засверкала вспышками света и раздался громкий голос, идущий, казалось, отовсюду:

– Брат, мы слышим и видим тебя. Это посланец Странника?

– Да! Странник послал его к нам, чтобы узнать наши тайны.

Голос в темноте расхохотался. Смех был громкий, гулкий, но добродушный. Казалось, что человек искренне потешается над кем-то.

– Пусть смотрит. Нам нечего прятать от него. Он сам выбрал свой жребий и теперь хочет вернуться в дом, но его место уже занято... Открывай свиток, старик! – Голос громыхал в подземном зале и мнилось, что стены звенят.

Гость мудрых взял цилиндр в руки, склонился над ним и в прыгающем свете факела попытался прочесть символы. Он долго шевелил губами, и, наконец быстро проговорил длинное слово. Ничего не произошло. Все оставалось по-прежнему и мудрый скривился:

– Ты забыл слово власти над свитком?

– Над свитком нет власти. Он сам – власть! Именно это я должен был передать вам. Так сказал Странник. А свиток – вот он! Старик снял с цилиндра крышку. Из-под нее торчал кусочек белого, похожего на бумагу материала. Мудрый взял пенал в руки и молча пошел к двери. Старик поспешил за ним. Он знал, что, если мудрый уйдет, его сила пропадет и он навсегда останется в темном подземном зале.

На рубеже неведомого

Автопилот почувствовал неладное и остановил машину на обочине. Включились системы реанимации. Невидимые потоки энергии пронизали скрюченного человека, расслабили спазмированные мышцы, уняли боль в теле. Доктор сел и потянулся. Боль все еще пульсировала в боку и в голове, но она уже не подавляла, а, скорее, просто присутствовала. Она не мешала, но ощущалась.

Он с удивлением прислушался к себе: “Что случилось со мной?” Он – лекарь высших посвящений находится под особой охраной Наставников, и вдруг с ним произошло такое, чего в принципе не могло случиться с лекарем, даже более низкого уровня. Он еще раз вслушался в свое состояние. Саморегуляция тела работала безукоризненно. Он чувствовал, как в клетках идет невидимая напряженная работа. Восстанавливаются нарушенные связи, перераспределяются энергетические потенциалы, обменные процессы приходят в равновесие, внешние энергетические поля, смятые могучим ударом из ниоткуда, выправляются и снова становятся гладкой радужной оболочкой. Вот она – помощь Наставников. Что бы он делал без их вмешательства?

Доктор посидел еще какое-то время и окончательно пришел в себя. Он тронул машину с места и в точке перехода сверкающая капля “Руссо-Балт” растаяла, чтобы через мгновение возникнуть в версте от дома.

На развилке дорог доктор остановился. Он раздумывал: ехать домой и завершить восстановление там или поехать к священнику и вознести небесным покровителям свою благодарность? Выбрал он второе и плавно тронулся в сторону холма, на вершине которого стояло похожее на ветвь параболы здание храма. Верхняя его точка устремилась в небо, а нижняя упиралась в землю. Соединяла верх и низ изогнутая дуга галереи. Доктор подъехал к храму и в маленьком домике у его подножия нашел священника. Тот уже спал, но проснулся быстро и без лишних вопросов поднялся. Он открыл массивные ворота и впустил доктора в длинный, уходящий в бесконечность коридор.

– Вы останетесь в одиночестве?

– Да, мне так будет лучше...

Когда дверь за священником закрылась, доктор нашел на полу точку преломления сил и встал на колени. Стены коридора начали пульсировать желтоватым светом и с каждым мгновением свечение разгоралось все ярче. Наконец по сияющим стенам вдаль, в бесконечность побежали волны света. Исчезло чувство замкнутого пространства. Он летел с огромной скоростью навстречу раскрывающейся бесконечности. Переливы света, потоки, реки и моря различной плотности света сполохами играли вокруг и границы реальности растворялись в них.

Тело все еще напоминало о себе, но скоро и оно растворилось в нежном, живом сиянии. И наступило освобождение. Сковывающие пути исчезли, доктор избавился от своего тела и мог сейчас разглядывать его со стороны. В сознании прозвучал ровный, глубокий голос. Так с ним разговаривали Наставники. Голос спросил:

– Ты встревожен, что тебя испугало?

– То, что произошло со мной. Кто-то напал на меня? Я удивлен. Это сила, которая может быть равна вашей.

– Здесь нет такой силы, но есть другие миры, и они неподвластны нам. Ты сегодня столкнулся с одним из них. Этот мир внутри тебя и вовне. Он везде, и его нет нигде в пространстве бытия...

– Что вы говорите, Наставники? Разве может быть что-то неподвластное вам?

– Много есть такого, о чем ты и не подозреваешь... Но помни, ты оказался на пути движения и можешь только идти, или свернуть. Ты не можешь оставаться наблюдателем. Движение сомнет тебя...

– Неужели вы не поможете мне? В ваших силах защитить и меня, и всех нас...

– Вправе ли мы спасти тебя от тебя самого? Ты ощутил толчок изнутри и потому не можешь отказаться от того, что пришло. Мы следим за тобой, но теперь ты сам должен принять решение и понять, что случилось в тебе... Мы поможем, но прожить свою жизнь ты должен сам... Помни это – прожить ты должен сам...

Свет начал меркнуть, тускнеть, голос затих, и доктор снова очутился на полу в храме. Он мало что понял из сказанного Наставниками, но получил заряд силы и бодрости. Усталость, слабость, бессилие отступили и тело снова наполнилось жизненным соком. Энергия клочкотала в нем, и он мог, кажется, свернуть горы. Мысли бежали в привычном русле: завтра сложные больные, двое усопших ждут его решения в хранилище, нужно работать с мертвой землей и с воскрешающими эликсирами... И как бы в ответ на эти обыденные мысли в голове прозвучал голос Наставника:

– Оставь заботы и суету... Ты на пути движения, не забывай! Отрешись и пойми... Пойми...

Этот внутренний голос остановил поток силы, струящейся из верхней точки храма. Доктор чувствовал себя превосходно, однако какое-то смущение появилось в нем. Не было прежнего глубинного покоя внутри. Его наполнило ожидание. Он ждал, но чего или кого? Может быть, каких-то событий и перемен? Может быть! Он ждал внутренних всплесков и боялся их. Неведомое распахнуло манящие просторы внутри него, и он стоял на границе не в силах сделать первый шаг к познанию нового. Слишком хорошо знакомо былое: там все уютно и устроено. Трудно отказаться, разорвать привычные связи со своим миром, окунуться в неизведанное. Он должен принять решение... Это он помнил.

Противоречащий?

Юрий Иванович по возвращении в свой офис, наконец-то, решил разобраться в том, что случилось с его людьми. Оба они по-прежнему ничего не соображали, только глупо хихикали, а в перерыве между приступами смеха впадали в мрачную депрессию. Как они очутились в городе, куда делась машина, выполнили они задание или нет, никто объяснить не мог.

Юрий Иванович недолго рассматривал хохочущих парней и приказал:

– Уберите их на дачу, пока... Когда очухаются – быстро ко мне!

Операция, которая была поручена этим двум амбалам, была особо важной и тайной. Они выкрали главаря конкурирующей группировки, порасспросили его с пристрастием и должны были ликвидировать пленника в лесу. Там же и закопать, чтобы не оставалось никаких следов.

И вот надо же такому случиться: судьба пленника – неизвестна, сами они стали ненормальными, и что случилось в лесу (были они там или нет) – все в тумане.

Юрий Иванович понимал, что если пленник жив и здоров, то скоро в городе начнется бойня. Схлестнутся две криминальные силы и разборка будет жестокой. Может случиться и так, что ему самому придется туго. Одно дело, когда противник без головы и не может собраться в кулак для мощного удара. Другое, когда появится их шеф с жадной мстительностью в душе и тогда общими словами и угрозами не отделаться. Придется платить по счетам... Человек сорок бойцов у него есть! На команду рассчитывать не приходится, некоторые даже пистолета в руках не держали. Вон Витя – компьютерщик – любую электронную защиту вскрыет, а человека даже пальцем ткнуть не посмеет. Какой из него боец! Словом, мысли у Юрия Ивановича были не веселые, но пока он ничего не мог придумать. Да и как придумаешь, когда нет ясности...

Он приехал на дачу, где держали двух “хохотунчиков”. Так их прозвали дружки.

– Приведите Леху, – приказал Юрий Иванович и устроился поудобнее в кресле. Ввели одного из парней. Тот взглянул на шефа и хихикнул.

– Леша, ты можешь говорить?

– Могу, – вдруг неожиданно ровно и трезво ответил тот. Юрий Иванович только моргнул и в комнате никого не осталось. Они остались вдвоем.

– Леша, что с вами случилось? Вы завалили Косю?

– Так вот вы чего хотели, суки?! Смерти моей! Хрен вам, падлы, – заорал Леха. А Юрий Иванович с ужасом увидел, как лицо парня корчится судорогами и превращается в физиономию врага, которого и должны были похоронить в лесу. Через мгновение и в кресле напротив сидел босс конкурентов и нагло рассматривал Юрия Ивановича. На нем был Лехин костюм, но лицо, голос, фигура – все стало вдруг Косиным.

– Ты что же, Юрчик, кончить меня решил? Один хочешь бабки хавать? А кол тебе вгрызло! Подавишься, понял! Я скоро вернусь, вы у меня все кровью умоетесь!

– Кося, ты... – только и сумел выдавить Юрий Иванович. Но суровая школа жизни сделала свое: он продолжал играть дурака, а рука медленно, почти незаметно тянулась к ножу для фруктов, который лежал на сервировочном столике, рядом с креслом. Нож оказался в руке Юрия Ивановича, Кося вскочил и сразу наткнулся на лезвие. Блестящая сталь легко вошла в живот и повернулась там. Кося хрюкнул, взгляд его остекленел, и он рухнул к ногам противника. Юрий Иванович бросил нож и перевернул тело на спину. Он почувствовал, что волосы у него на голове шевелятся. Он убивал и давно уже не испытывал душевного смятения от этого, но тут перепугался всерьез. Лицо покойника странно дергалось, искажалось и скоро превратилось в лицо Лехи. Тот куклой валялся у ног своего шефа, а из распоротого живота вытекала жидкая гадость...

Юрий Иванович крикнул, и охранники, вбежавшие в комнату, словно споткнулись на пороге. Лехин труп произвел на них впечатление. Они нерешительно топтались у входа.

– Уберите его... Он меня хотел грохнуть, я защищался... – неожиданно объяснил он охране. Вообще-то никто бы никогда не посмел спросить у шефа, почему он замочил Леху. И его откровение напугало охрану еще больше. Они суетливо схватили труп и утащили из комнаты.

– Давайте второго!

В комнату затолкали Дубину. Этот был похож на большую птицу. Крючковатый нос, немигающие глазки, маленькая голова и покатые плечи. Он также, как и Леха хихикал сквозь зубы и смотрел на шефа безмятежно, по-детски доверчиво...

– Оставьте нас, – приказал Юрий Иванович. – Дубина, расскажи, как все было... Хватить косить, говори, а то и тебя замочу, падла!... – начал заводиться бандит.

А Дубина смотрел спокойно, как будто до него не доходил смысл вопроса. И вдруг его лицо задергалось, он хрипло кашлянул и сказал:

– Ты, Юрчик, правильно замочил Леху. Зачем тебе этот придурок был. Рехнулся он. И этот тоже чирикнутый...

– Кто? – ошарашено спросил Юрий Иванович

– Ну этот, Дубина...

– А ты кто?

– Да какая тебе разница? Ты слушай, что я тебе говорить буду. Если хочешь вверх подняться, то меня слушай, а всех остальных гони от себя с ихними советами.

Не прост, ох не прост был бандит Юрий Иванович по кличке Бирюк. Он в своей жизни немало повидал и делал такое, что любой суд не сомневаясь определил бы ему высшую меру. Но не было суда в городе, который бы рискнул связаться с Бирюком. Братва знала: кто его обидит, тот двух дней не проживет. А новый городской голова, попытавшийся окоротить группировку, присмирел после того, как в подъезде его дома рванула бомба, а потом вкрадчивый голос по телефону пообещал, что в другой раз бомба взорвется прямо в квартире мэра. Чиновник поверил сразу, потому что из докладов милиции знал: Бирюк может все и перед кровью городского головы не остановится. Потому и решил Бирюк с Дубиной до отказа разобраться. Снова он крикнул, и верная охрана ворвалась в комнату.

– Свяжите его, – Юрий Иванович кивнул на Дубину. – И утюг мне принесите... Поговорим...

Пока Дубину стягивали крепкими веревками и нагревали утюг, Юрий Иванович курил у окна. А потом выгнал всех и приступил с раскаленным утюгом к парню

– Сейчас я тебе рожу поглажу, чтобы морщин поменьше было... Говори, сука, чего придуряешься!

– Ох, Юрчик, дурак ты, дурак. Ну не видишь разве, что Дубина ни при чем? – парень развязно хмыкнул. – Ну искалечишь ты его, а проку что? Ты его оставь, потому, как в нем я теперь буду. И когда надо, тебе присоветую, когда надо, подскажу... А там, глядишь и поднимемся... Не веришь мне? Так смотри... – Дубина легко пошевелил связанными руками и путы упали на пол. Потом дернул ногами и веревки на них лопнули. Руками он небрежно взял раскаленный утюг и плюнул на него. Тот громко зашипел, хлопнул и покрылся инеем. – Тебе еще чего доказывать надо, или успокоишься?

– У-ус-п-по-коюсь...-выдавил Юрий Иванович. – Кто ты?

– Это другой разговор. Зови пока Странником. Кто я, что, зачем... это тебя не касается. Знай только, что меня ты не возьмешь никакими силами. Людей покалечишь, а я все невредим буду. Лучше тебе со мной дружить. Согласен?

– Как же я с тобой дружить стану, когда не знаю, чего ты хочешь?

– Вот, правильный человек. Понимает, что дружба всегда на интересе строится... А у меня интерес простой. Я тебе так помогу, что ты главным станешь и все у тебя будет. А ты мне людишек своих, когда надо подпишешь, ну там еще кой чего...

– Ты – черт! – утвердительно сказал Бирюк

– Да что ты, что ты? Начитался сказок. Какие черты в нынешние-то времена? Да и на что мне души ваши? Что я с ними делать буду?

– Я не знаю кто ты и не могу быть откровенным...

– А и не надо. Я и так знаю, что в твоём котелке варится. Ты вот сейчас думаешь про своего знакомого экстрасенса. Привлечешь его и он тебе все объяснит, так? Только ты не делай этого. Приятель твой человек безобидный. А если он влезет в наши с тобой дела – не выдержит: или рехнется или с собой покончит... Ты лучше мне доверься, все равно выхода у тебя нет. Я ведь так просто от тебя не отстану. Очень ты человек для меня подходящий.

– Это чем же я тебе приглянулся?

– А бандит ты, и потому вне законов стоишь... Нет, ты не про те законы сейчас подумал. Я о ваших писанных законах не говорю. Есть и другие, которые никто не писал, но соблюдают. А кто не блюдет их, тот вроде тебя становится. Одним словом, выпадает из общего движения...

– Чего ты мелешь! – возмутился Юрий Иванович.

– Да я ничего. Ты подумай на досуге. И обижаться не на что. Бандит ты, Юрчик, бандит. Это самое для тебя подходящее имя. Только ведь и бандиты разные бывают... Ты не радуйся. В душе вишь как вострепелся! Иной на диване всю жизнь просидит и время, которое ему отпущено, проведет у телевизора. Так он бандит худший, чем ты. Он убивает дар бесценный, то, что ему дано. А ты хоть и зло творишь, но делаешь что-то. Не пустое ты место, а что-то из себя представляешь...

Юрий Иванович с удивлением слушал эту философию и думал о том, как ловко этот неведомо кто подводит обоснование под его дела. Так можно и к простой мысли прийти: все от Бога и им предрешиено...

– Только ты, Юрчик, не думай, что судьба твоя Богом определена и ты исполняешь его волю. Ты сам выбор сделал, а уж потом все пошло так, как ты решил. Ты ведь только начальный толчок дал, а дальше жизнь выстроилась так, как ты ее определил. Свыше тебе ситуации давались, частные случаи, когда ты должен был какое-то решение принимать...

– Ты – сатана! – убежденно проговорил Бирюк. И сам удивился своей уверенности. Страха у него не было, а только тоска вдруг зашевелилась в сердце, ледяным дунуло в него и холод тот нечеловеческий потек по рукам и ногам.

– А что, сатана – только имя, да и то не настоящее. Ты хоть смысл слова этого знаешь? Это значит «противоречащий». Так рассуждать и ты таков! Ты ведь своими делами всем противоречишь. Да только я не то, что ты думаешь. Ты все по привычным полочкам раскладываешь: добро, зло. А между ними что – не знаешь! Вот об этом подумай, Юрчик. Может до чего и дойдешь. Ну, а пока прощай. Ты Дубину-то не бросай. Он для меня подходящий, в нем удобно. А ежели его кончишь, так я к тебе в другом обличье приду. А будешь дальше противиться, я тебя потесню и в тебе поселюсь. Вот тогда повеселимся, – хихикнул голос...

Юрий Иванович потряс головой, словно отгоняя наваждение и когда открыл глаза, то увидел бессмысленный, тупой взгляд и безмятежное лицо Дубины...

– Эй, ты где? – спросил он. Но Дубина глупо улыбался и молчал...

Свиток

В коридоре первого этажа мудрый подошел к нише, встал в нее и мгновенно исчез. Старик поспешил за ним и тоже вошел в нишу. Что-то сверкнуло, рвануло вверх и он вышел из такой же ниши в светлом сводчатом зале. Из окон было видно зелень леса, которая отсюда казалась плотным ковром. Судя по всему, зал был где-то на верхних этажах замка.

В центре стоял каменный постамент, на ровной поверхности его покоился странного вида ларец. Крышка откинута и из глубины ларца медленными клубами подымался почти прозрачный дым. Нежный волнующий аромат растекался вокруг и люди, которые сидели вокруг ларца с закрытыми глазами, медленно покачивались в такт колебаниям слоев дыма.

Мудрый присоединился к сидевшим, казалось, забыв о старике и свитке. Он жадно втянул ноздрями запах, сел и встроился в общий ритм покачивания. Старик попытался было тоже покачаться со всеми, но ничего не вышло. Дым был приятен, но никак не влиял на гостя.

Хозяева качались долго. Они пребывали в каком-то особом состоянии, которое старику было непонятно. Но вот крышка ларца сама собой захлопнулась, люди начали приходить в себя. Они открывали глаза и оглядывались, словно узнавая окружающее заново. Видно было, что они путешествовали где-то очень далеко...

Наконец все повернулись к старику. Его спутник заговорил:

– Это гость, посланный Странником. Мы знали, что так будет, но не предпринимали ничего. И вот он здесь. Он открыл нам пенал со свитком. Вы знаете тот тайник в нижнем зале, где хранился свиток. Мы не могли извлечь его. И вот теперь он перед нами. Что в свитке? То, что мы искали, или нечто иное...

– Прочти, брат, – сказал один, по-видимому, старший.

– Я не смогу. Здесь написано тем же языком, что и на оболочке. Пусть нам прочтает старик. А вы следите за его мыслями, чтобы он не напутал..., читай, гость. Мы слушаем тебя...

Старик взял плотный, похожий на бумагу рулон, развернул его и увидел знакомые символы, которые складывались в слова древнего языка. Он знал этот язык. Странник тогда, в лесной чаще, обучил его многому. И вот он читает заветные строки тем, кого так ненавидит и любит пославший его сюда.

«Слово к тем, кто идет за нами. Вы нашли послание, а значит готовы понять его. Примите то, что сказано. Не спешите в мыслях и делах, но трудитесь душой и тогда откроется вам.

Все в этой жизни строится по восьми законам, каждый из которых есть уровень жизни, или слой вашего восприятия. Можно пройти все восемь уровней, а можно бесконечно топтаться на одном. Это выбор каждого!

Первый уровень дает возможность воспринимать мир, в котором вы возникли, чувствовать его, дышать и слышать аромат. Он возносит от состояния животной тупости и растительной безмятежности к ощущениям высокого порядка. Для ищущих он дает возможность научиться отдавать то небольшое, что у них есть. Отдавать другим во имя высоких целей. Отдавший малое получает право войти ...

Во второй уровень и возвыситься над всеми, кто смотрит на звезды... Но войдя в него – будешь низвергнут в пучину страстей. Во втором уровне кипят ярость и боль. В нем жизнь обретает крайние формы, в нем унижение сопутствует смелости и наоборот. В нем каждый противостоит другим и приобретает либо волю и решимость, либо трусость и пустоту. Вторым уровнем – это дверь в никуда или в Свет. И всякий, проходящий сквозь него, неминуемо уходит либо в Свет, либо падает вниз. Этот уровень сортирует души. Меньшинство поднимает выше, в Свет, большинство оставляет кипеть в котле страстей, либо низвергает в глубины духовного хаоса.

Люди первого уровня забывают свою первобытную любовь и доброту, и со страхом и надеждой окунаются в новый для них мир второго уровня. Многие не выдерживают этого испытания и всецело отдаются страстям. И лишь немногие проносят через горнило страстей свою любовь нетронутой. Они идут дальше и зовут за собой многих. Но люди часто не слышат их. Глухота оборачивается бедой для зовущих, и для тех, кто не внимлет зову.

Часто над человеком возобладают страсти: плотской любви, лести, власти, силы! Но все тлен в понимании тех, кто поднялся выше. Вторым слоем – это страх и страсть. Это мысль в конуре догм и поклонение идолам, воинствующее незнание и знающее безразличие. Это мир, подмявший человека и сделавший его своим рабом. Это погоня за призраком гордыни и значительности...

А достигший третьего уровня возвращается в мир любви и гармонии. Он начинает видеть природу, ощущать жизнь в ее данности и многообразии. Первые шаги здесь становятся открытиями, но не каждый воспринимает их так, как надо. Многие в погоне за внешней святостью незаметно опускаются на второй уровень. А те, кто смиренно и спокойно следуют дальше, находят сокровищницы знания. Но то лишь начало уровня. А в конце его путников ждет распад мира. Он рассыплется на множество и вновь станет непонятным и закрытым. И в том испытание, ибо кто-то остановится, понимая природу и довольствуется этим. А тот, кто, увидев распад мира, пытается собрать его, поймет, что ему уготовано и проникнет в тайну жизни!

Но собирая мир, каждый будет ошибаться. И эти ошибки помогут человеку, ибо через них он увидит свои заблуждения и получит неоценимую возможность прикоснуться к единственно верному решению. И тогда перейдет...

На четвертый уровень. Он поймет единство всего сущего в мире. И каждому придется выбирать между добром и злом. Ибо силу, собранную каждым, можно употребить как во благо – для движения и очищения, так и во зло, для наказания тех, кого сочтет виновным. Он получит власть над людьми и миром, но власть будет дана во искушение и испытание. Ибо всяк, кто уподобит себя Высшему Судие – будет бит многократно, и будет судим людьми, и сам начнет судить, и здесь остановится и скатится в котел страстей второго уровня.

Однако останутся малые, кто пройдет испытания властью и силой. Они будут изгнаны и удалены, чтобы в тишине и пустоте, открывшейся перед ними, осознать свое изгнание и унижение, как ступени познания и принять их с радостью.

Они и войдут в пятый уровень, где познают тайну тайн – Путь к источнику Всеобщего Света и приобщатся к Самому Источнику. Здесь идущие, испив из источника, увидят Путь в новые выси. Они узнают, что Свет – промежуток между крайними состояниями мира – материальным и «ничто». Это знание даст силу концентрации мысли. Ею можно изменять мир, но кто примет на себя ответственность за такие перемены? Каждый достигший, одною только волей своей способен создавать миры и вершить их судьбы. Но созданные однажды, миры будут жить своей жизнью, ибо создателям свойственно забывать о своих творениях. И потому все достигшие этого уровня благо видят в ОТРЕШЕНИИ.

Отрешившись от могучей концентрации мысли, очистите дух свой от множества образов, которые возникают помимо воли и за хрустальными очертаниями прячут Истину!

Только отрешенные войдут в шестой уровень бытия. Им будет дана возможность встать над потоками Света, Времени, Жизни. Истинно отрешенный становится всем и все становится им... Жертвуя часть себя – он прибавляет себе, ибо он – это все – и невозможно отнять от всего часть, которая не осталась бы в новом качестве Всеобщего...

– Остановка, отрешение, тишина – суть шестого уровня. Он дает понимание отрешения и само отрешение. Истинно отрешенные – незаметны, они живут обычной жизнью и с виду полны эмоций. Но в том проявляется жизнь тела. Дух же очищен и в глубоком покое, исследует мир возможностями своего тела.»

Старик остановился и перевел дух. Мудрые сидели притихшие и когда голос чтеца замолк, зашевелились. Один медленно сказал:

– Принимаем ли мы, братья, эту мудрость предшественников? Я не могу воспринять ее сразу и безоговорочно. Я вижу много такого, что не согласуется с описанными законами...

– Брат, ты спешишь... Не торопи свой разум, ибо он еще не осознал всей глубины сказанного нам...

– Предшественники оставили нам свое послание, но уверены ли мы, что это послание от них?

Спор неторопливо разгорался, и старик чувствовал себя чужим в этом зале. Мудрые забыли о нем. Его словно и не было никогда, а ведь только что они с благоговением внимали ему.

Изба

Девочки, изнеженные городские создания, которые и в поход-то отправились только для того, чтобы покрасоваться перед парнями с своих новых, якобы туристических нарядах, неожиданно ощутили в себе опыт и навыки мудрых женщин. Измученного, ободранного Димку раздели, обмыли, перевязали чем смогли и уложили на охапку свежей травы, которую нежными ручками надрали прямо тут же – на поляне. А теперь вот сидели у костра, неспешно перегова-

ривались и каждая ощущала в себе упрямое в глубины бессознательного, а теперь проснувшееся знание заботливой боевой подруги, которая омоет раны, накормит, успокоит... Только маленькая Катя хныкала и куксилась. Она испугалась и не смогла перебороть свой страх...

– Девочки, надо сходить в эту избу и все выяснить, – решительно сказала Лена. Была в ней внутренняя сила и к ее словам прислушивались все. Девчонки отреагировали по-разному... Кто-то готов был хоть сейчас идти на соседнюю поляну и выяснять что там случилось. А кто-то – это было видно – старался скрыть глубинную тревогу за напускным безразличием. Только маленькая сразу заявила:

– Я боюсь и никуда не пойду...

– Тогда иди обратно, в город.

– Я и обратно боюсь идти... Девочки, не бросайте меня здесь...-заплакала она.

– Хватит нюнить... Сиди с раненым, мы сами сходим, следи за костром, мы скоро...

Трое девчонок поднялись и пошли к кустам на границе поляны. Когда они продрались сквозь тугие заросли, изба показалась покосившейся еще больше. И не было в ней ни движения, ни шума – ничего... Оробевшие девочки подобрались к дверям и заглянули в проем. Внутри было пусто. Сгнившие половицы провалились, сквозь дыры в полу проросла трава. Бревна стен позеленели от времени. В дальнем углу стоял полусгнивший стол, покрытый каким-то зеленым налетом. Сквозь дыры в крыше виднелось небо. Что же тут произошло? Куда подевались их спутники?

– Наверное, они ушли куда-то в лес и там столкнулись со зверями... А Димка успел отбиться и убежать... – предположила одна. И это объяснение всем понравилось. Ну, в самом деле, что еще можно было придумать?

Лена шагнула на порог, поскользнулась на плесени и чуть не упала внутрь избушки. В глазах на миг потемнело и она почувствовала незнакомый и странный запах. Но темнота в глазах тут же прошла, и она повернулась к порогу. Подружки стояли на солнышке и удивленно смотрели на нее:

– Чего это вы так уставились?

– Ты где была?

– Как это где, здесь... Я на пороге стояла.

Девчонки переглянулись и попятились.

– Эй, вы чего?! Я же здесь... Лена рванулась за порог и снова в глазах у нее потемнело, на мгновение в нос ударил странный запах... Она стояла возле избенки, ноги утопали в траве, жужжали шмели, щебетали птицы, ленивый жаркий ветерок покачивал ветви и все в мире казалось безмятежным и мирным. Только подружки улепетывали от нее. Их спины мелькали среди кустов. Лена кинулась следом и почувствовала, что бежать трудно. Она посмотрела на свои ноги и остановилась. Вместо привычных джинсиков и кроссовок, на ней были какие-то странные короткие штаны, подпоясанные веревкой. На ногах тяжелые башмаки с загнутыми вверх узкими носами. Легкая футболка с надписью «Reebok» исчезла. Вместо нее тело обтянула холщовая рубаша, а поверх был надет грубый кожаный жилет на шнурках. Лену разобрав страх. Она, уже не думая, стремительно понеслась подальше от избы, проломилась сквозь кусты и вылетела к палаткам.

Девчонки стояли полукругом, вооружившись кто чем. Даже маленькая Катя схватила какой-то сучок и стояла, плача от страха...

– Вы чего, дуры...-Заорала Лена. – Очумели совсем! Это же я...

Девчонки нерешительно переглянулись и снова повернулись к Лене:

– Ты откуда?

– Из избы. Да вы что тут с ума посходили!?! Я это, я – Лена!

Девчонки опустили свое оружие и настороженно ждали. Лена медленно подошла к ним и притронулась к ближней. Та ойкнула, но руку не отдернула. А Лена трогала своими

руками подруг и те вроде избавлялись от наваждения, трясли головами, недоуменно моргали. Когда все успокоились и вернулись к костру, Лена спросила:

– Что случилось, чего вы так испугались?

– Ты, когда в избу шагнула – исчезла... Только что была и нет тебя... И не было минут пятнадцать. Мы перепугались, хотели уже бежать, а из избы твой голос и потом ты сама появилась, только какая-то странная. Это новая одежда нас смутила... Ты где ее нашла? Класс, как в кино про старину...

– Подождите, подруги. Я никакой одежды не одевала. Вошла и вышла, а эти тряпки на мне откуда – я не знаю...

Девчонки завозились и отодвинулись от нее. – Ой, Ленка, ты нас не пугай!

Долго старались понять они друг друга и наконец выяснили:

Лена шагнула за порог и исчезла. Подружки решили, что она скрылась за стеной и ищет что-то там. Прошло четверть часа и когда они уже забеспокоились и хотели сами заглянуть в избу и посмотреть, что там случилось, Лена вдруг возникла на пороге, одетая в это странное платье. Да и в ней произошла неуловимая перемена, которую можно только почувствовать. И перемена эта вызвала у девушек страх. А когда Лена снова шагнула на порог и пропала, девчонки не выдержали и побежали к своим палаткам. Там хоть все было понятно и потому казалось безопасным. Скоро они услышали позади крик Лены и припустили еще быстрее.

Когда Лена услышала о том, что с ней происходило, то сначала и слова не могла сказать. Она сопоставила происшедшее с тем, что пережила сама и смутное знание шевельнулось внутри. Ничего конкретного, только странное ощущение, что она сейчас вспомнит очень важное. Оно капризной мыслью выныривало в сознании и, вильнув хвостиком, исчезало. Каждому, наверное, знакомо это чувство, когда понимаешь и хочешь что-то сказать, а слов для этого нет – забыл.

Черные ночи в Ойе

После происшествия с мертвой колдуньей отец Никодим сна лишился. Все думал и молился. Но мысли лезли в голову несуразные, а молитва оставалась неслышанной. А в городке творилось страшное. Каждую ночь по улицам шлялись мертвяки, пугали редких прохожих, наводили морок на обывателей и дело дошло до того, что люди перестали выходить на улицы. Раньше летними вечерами парни с девушками устраивали настоящие праздники в городском садике. Пели, плясали, потихоньку выпивали в кустах. Даже дрались между собой. По чахлым аллеям степенно прогуливались люди постарше. В закатных сумерках население любило пообщаться. Сидели на крылечках домов, компаниями собирались на заваulinках. Мужики играли в домино, в карты, а бабы судачили о своем, о женском, и в эти мирные тихие вечера рождалось особое ощущение устойчивого покоя, который струился по улицам поселка. И вдруг эта нечисть! Сначала один – два случая, а потом, как будто плотину прорвало.

Горожане обращались к местной власти, но городской голова только руками разводил. Он и сам жил в Ойе и был свидетелем происходящего. В область жаловаться он даже не пытался. Поднимут на смех, скажут, спятил там совсем и снимут с должности, как пить дать – снимут! После того, как местная милиция пыталась гоняться за покойниками по улицам, выяснилось, что те в руки не даются, а если кому и удалось дотронуться до них, то потом на руках вздувались страшные волдыри и долго воняло мертвечиной. Так что стражи порядка старались не обращать внимания на всю эту погань, поскольку, вроде бы вреда от нее не было. Однако, вред появился. После одного из ночных маршей мертвецов, в домах стали киснуть продукты, коровы болели, солонина пропадала, а мука делалась вонючей и непригодной к еде. Тогда отца Никодима и пригласили в администрацию. Сам голова провел его в кабинет и почему-то начал доказывать священнику, что все происходящее в городке есть чья-то неумная шутка.

– Да какая же шутка, помилуйте, Василий Трифонович! – вскинулся отец Никодим. – Ведь для людей сплошное беспокойство. Ладно бы просто пугали, а они сейчас безобразничать начали. Третьего дня у соседки моей корову удавили, мальчишку одного хватили, так он с кожными нарывами в больнице лежит. А сколько продуктов у людей перепортили? Мы ведь с вамиждемся, что эта пакость начнет нас просто глотать. В сказках помните как: «Мертвец всегда норовит молодую девушку или ребенка украсть, или еще какой вред учинить» ...

– Вот вы, батюшка, как человек верующий и служитель Божий нам и помогите. Бессильны мы оказались, бессильны... – Голова развел руками. – Тут с обычными-то проблемами не разобратся никак, а еще эта напасть на наши головы. Мы ведь хозяйственники, а как с нечистой силой бороться – это вам должно быть ведомо...

Отец Никодим выслушал городского руководителя и вышел на улицу удрученный. Он давно знал администратора. Человек тот был неплохой, в безбожные времена служил в горисполкоме, не вредничал, своей властью не кичился, занимался городскими проблемами и делал свое дело честно и старательно. С настоятелем церкви он никаких отношений не поддерживал, разве что раскланивался при встречах... Но то, что он сейчас запросил помощи у священника, для отца Никодима не было чем-то неожиданным. Город пребывал в тихой панике! Городские старики знали, как отваживать нечисть, какие слова для этого говорить и как строить защиту... Но, когда покойники повсеместно шляются по улицам, никаких старичков не хватит, чтобы прикрыть город от напасти. Нужна огромная сила, какой у людей нет. Отец Никодим понимал, что бороться с дьявольскими чарами надо было верой и молитвой. И то, и другое в Ойе было изрядно потрачено. И хотя в последнее время прихожан в церкви прибавилось, священник на этот счет не обольщался. Много было пришедших в храм из конъюнктурных соображений. Искренней веры они не ведали, и ему только предстояло достучаться до очерствевших сердец, зажечь в них огонек понимания...

Что было делать местному священнику? Молиться? Но разве мало он молится, ночными бдениями изнуряя себя. Видать мало, коли нечисть распоясалась и нет от нее покоя...

В одну из таких бессонных ночей и случилось с отцом Никодимом нечто, не поддающееся описанию и логическому анализу. Как обычно, вечером отправился он в храм на молитву и там преклонил колени перед древним образом Богородицы. И едва только прошептал первые слова молитвы, как все закружилось вокруг него, голова поплыла в звездном тумане, сквозь тело потек тонкий, нежный свет, и в душе родился восторг. Такое счастье охватило священника, что он раньше и представить себе не мог. Сила подхватила его и вознесла в выси, где пространство было наполнено нежным сиреневым светом, и он ощутил себя стоящим на пике высокой скалы. Под ним в долине раскинулся их городок, и он различал улицы, дома, храм и кладбище... На себе отец Никодим чувствовал какие-то доспехи, которые, казалось, и не весили ничего, однако давали чувство защищенности, уверенности... Сначала он слушал новые переживания, но потом понял, что от него ждут другого. Он внимательно взгляделся в городок в долине и понял, что тот только внешне напоминает Ойю. При детальном рассмотрении многое было странным. Увидел отец Никодим, как со стороны ближнего леса, в котором раскинулось непроходимое болото, на город ползет темная туча. Белые стены храма, могилы священников в церковной ограде стояли на пути у грязи, и она останавливалась перед ними, но ручейками обтекала храм и струились по улицам городка. А в болоте, откуда исходил поток грязи, что-то сверкающе черное клубилось и посверкивало темными молниями. Черные молнии, на черном фоне. Странно и страшно было видеть их отсюда, с вершины скалы.

В голове у отца Никодима раздался, спокойный, добрый и отстраненный голос.

– Ты на пороге испытаний, но не жди, что силой своей веры одолеешь чужую силу. Твоей веры для того недостаточно. Прими помощь от тех, кто идет вместе с тобой. Пока вы не видите друг друга, но они рядом...

Потом долина с городком исчезли, и священник почувствовал себя идущим по тесному, узкому коридору. Стены нависали над ним и давили со всех сторон, и ему нестерпимо хотелось вырваться на свободу из каменного плена. А впереди забрезжил свет, и он побежал к выходу. Но бежать было трудно и отец Никодим остановился. И в его голове вновь зазвучал голос:

– Ты растратил свои силы на бесплодные поиски. Остановись, оглянись. Ты не один, ты повторяешь себя много раз, но понять это не в состоянии. Молись и проси – помощь будет дана!

Священник мысленно перекрестился и почувствовал, как в сердце рождаются неведомые слова. Он понимал, что в нем звучит молитва, восходящая прямо в горние выси и нет для нее преград, ибо она рождена Духом и направлена к Богу... Потом коридор исчез и он увидел себя взбирающимся на отвесную стену. Близко, совсем близко гребень стены и вот он уже хватается рукой за край... Рука срывается, и он начинает падать спиной назад и вниз. Дух перехватило от мгновенного страха... Но чья-то мощная рука уперлась ему в спину, толкнула вверх и он снова ухватился за гребень и взобрался на отвесную стену. Встав на ноги, глянул вниз и увидел, как следом карабкаются еще трое. Молодой, здоровенный парень легко забросил свое тело на вершушку и, широко улыбаясь, встал рядом со священником. На вершину карабкался еще один человек. Вокруг его тела струилось тонкое голубоватое сияние, с рук стекали искорки золотистого света... Отец Никодим хотел протянуть ему руку, но неодолимая сила сковала его и в голове прозвучал уже знакомый голос:

– Пусть поднимутся сами. Каждому дано и каждый должен исполнить данность...

Последним по стене карабкался человек, чье лицо показалось знакомым. Священник не пытался вспомнить его. Ему было радостно чувствовать этих людей рядом. Он знал, что их связывает нечто большее, чем единомыслие и стремление помочь друг другу.

Они стояли на вершине стены и смотрели вверх. Там, в бездонном сиреневом свете разворачивалось удивительное... Стремительные потоки силы водопадом низвергались на них, и тот, у которого светилось тело, распахнул свои руки навстречу. Сияние вошло в него, а потом и в остальных. Они почувствовали, как тела наполняются могучей и радостной силой...

Счастье казалось беспредельным, оно заполнило все пространство бытия, и четверка, стоявшая на вершушке стены, растворилась в нем. Счастье от жизни, счастье от соединения, долгожданного и наконец свершившегося... Они слушали силу, пульсировавшую в телах и в душах, они радовались слиянию с бесконечным, живым, трепетным, любящим их...

Видение исчезло также внезапно, как и началось. Отец Никодим стоял перед иконой Богородицы в храме и с удивлением осматривался. Он только что побывал в ином мире, где все было понятно. Он еще чувствовал на своем лице сполохи сиреневого света, жил переливами силы в теле, он был одним из той четверки и всеми сразу. Но он уже снова стал настоятелем храма, священником из маленького прихода, в котором творилось неладное.

Свечи перед иконой догорали и в их мечущемся пламени отцу Никодиму почудилось, что на него внимательно смотрят скорбные глаза древней иконы. Он попытался сердцем прочесть молитву, но не вязалось... В голове стало пусто, а потом возникло желание уйти из храма. Он вышел на крыльцо церкви и в лунном свете увидел, что по периметру церковной ограды, обращенной к загородным лугам, колеблется густая, кисельная тень. Спустившись с крыльца, он решительно пошел к ограде и почувствовал леденящий страх. Неживой холод проникал в тело, наполнял его ужасом и толкал обратно. Тело вопило: «Беги, спасайся!» А внутри вдруг ожил голос: «Позови их, обопрись на их силу...»

Мысленно отец Никодим воззвал к своим неведомым друзьям. Он просил у них помощи..., и она пришла. Сзади возник огромный, в человеческий рост оранжевый эллипс, из глубины которого истекал нежный свет. Сияние усилилось и отец Никодим пропустил сквозь себя волны силы. Это напоминало ветер, обдувающий человека сзади. Он мысленно положил крест размером во весь сияющий эллипс и поток силы стал мощнее. Эллипс надвинулся на священника и втянул его в себя. И когда он входил внутрь, появилось чувство, что он прохо-

дит сквозь ворота в другой мир. Обостренные чувства раскрыли перед его мысленным взором удивительную картину. От эллипса в бесконечность конусом расходилось пространство света. Оно напоминало расширяющуюся в бесконечность воронку. И оттуда, из непостижимых глубин шел мощный поток силы. А те, с кем он недавно стоял на вершине стены, едва заметными силуэтами угадывались в глубине потока.

Отец Никодим закрыл глаза. То, что он испытывал сейчас невозможно было описать какими-то словами. Наверное, это и было состояние Благодати, снизошедшей на священника. Ветер силы пронизывал его, со всех сторон обдувал дыханием жизни. Из внутреннего пространства эллипса появился сверкающий крест. Он стремительно увеличивался в размерах, стал выше человеческого роста, достиг высоты березы... Потом вспыхнул ослепительным сиянием, словно импульсом выбросил из себя мощный поток... Из черноты за оградой раздалось шипение, как будто клубок змей пищал от боли. Тьма лопнула и начала расслаиваться. Сквозь кисельно липкую тень прорвались лучи света и не осталось больше единого фронта черноты. Она разрозненными клубками покатилась по полю к дальнему черному лесу. Жуткий, леденящий вой повис в лунном небе и резко оборвался. Все стихло, чернота за церковной оградой исчезла, мятный лунный свет заливал двор, добавляя зелени в белизну храма, зачернил березу и дрожащими лучами проник сквозь листву на могилы прежних священников. Исчез и сияющий эллипс позади настоятеля, растворился огромный сверкающий крест. Все замерло... Мирная тихая ночь опустилась на Ойю. Отец Никодим почувствовал облегчение. Словно сбросил груз со своих плеч. Он твердо знал, что победил. Он одолел нечисть, что наступала на городок. Странное это было состояние: облегчение, чувство исполненного долга, и усталость, свинцом заполнившая тело. Превозмогая себя, он поднялся по ступеням храма и вошел внутрь. Перед образом Богородицы все еще теплился огонек догорающей свечи. Когда отец Никодим упал перед иконой на колени, ему показалось, что в глазах Божьей матери появилось что-то новое. И он понял – не было больше скорби в ее взгляде...

Мир за порогом...

Димка наконец-то пришел в себя. Он открыл глаза и долго непонимающе смотрел на девочку. Потом, наконец, понял, кто рядом и слабо улыбнулся.

– Девочки... Я дома, да?

– Дома, Димочка, ты только не расстраивайся. Скажи, что случилось с вами?

В этот момент его глаза наткнулись на Лену в ее странном наряде. Он судорожно вытянулся, глаза снова закрылись, и он забормотал что-то на непонятном языке. Потом затих. Девчонки зашипели на Лену.

– Видишь, он тебя боится, уйди... Он что– вспомнил, а ты помешала...

Но Димка снова открыл глаза и начал искать взглядом Лену. Когда увидел, то заговорил с ней, произнося странные, непонятные слова. Он спрашивал ее о чем-то и ждал ответ...

– Димочка, ты не узнаешь меня? Это же я, Лена, – ласково зашептала она, наклонившись к нему. Димка удивленно смотрел на нее и, казалось, не узнавал. Но вот до него дошло, он что-то сообразил и прошептал в ответ по-русски:

– Ленка, я уж думал больше никогда вас не увижу...

– Димочка, что с вами случилось, где все, мальчишки наши? Ведь никто, кроме тебя не вернулся...

Димка тяжело вздохнул и попросил:

– Дайте поесть чего-нибудь... Там на одной хлебной траве держались, еле ноги таскали...

Девчонки сообразили, что сейчас от него ничего не добиться и лучше всего подождать.

Одна маленькая Катя паниковала:

– Дима, а нам здесь не опасно оставаться, а вдруг с нами что случится?

– Здесь не опасно... К избе не ходите, а здесь продержимся...

Пока он ел консервы прямо из банки, девчонки подкинули сухих веток в огонь, заварили чай и теперь смотрели на Димку со страхом и любопытством. Они понимали, что услышат, быть может, страшное, ждали известий и боялись их. Древняя женская сущность проснулась, и они готовы были пойти за мужчинами в долгий опасный путь, но их никто и никуда не звал. Когда Димка насытился и снова упал на травяную подстилку, девчонки не выдержали:

– А теперь рассказывай! Мы извелись тут совсем... Что с вами случилось?

Худо дело, девоньки... В таком переплете мы оказались... Помните, когда гость наш говорил, что мы сидим на колдовском месте?

Девчонки только кивали и заворуженно смотрели на Димку. Тот устроился поудобнее и начал рассказывать:

– Этого нашего гостя все зовут Странник. Мы вместе с ним подошли к избе, и он снова спросил, все ли твердо решили сходить в гости к лесным людям. Мы ответили, что сомневающих нет, и тогда он шагнул в избушку. Просто перешагнул порог и пропал. Ну, мы-то решили, что он скрылся в темноте, лунного света не хватало, чтобы высветить внутренность избы. И пошли следом за ним внутрь...

Когда я перешагнул порог, то сначала что-то мигнуло, а потом в нос ударило запахом странным, и я на мгновение ослеп. А когда снова начал видеть, то ничего не понял. Мы стояли в большом зале. Сквозь переплеты окон светила луна, за стенами шелестел лес. Мы даже удивиться не успели переменам. Странник открыл дверь наружу и позвал нас за собой. Мы – бараны! Ничего не думали, потопали, как замороженные. Да так и было. Это уж я потом понял, что на нас морок напустили...

В общем, вышли мы в лес. Я оглянулся и обомлел: куда изба гнилая подевалась. На поляне стоял большой красивый дом с какими-то башенками, флюгерами... В нескольких шагах от дома начинался лес. Это был совсем не тот лес, в котором мы сейчас. Наш лес по сравнению с тем – городской парк. А там если уйдешь под своды деревьев, то попадаешь в другой мир. Листва и кроны так переплелись, что стали крышей. Дождик не падает на землю, остается в ветвях и листьях. Там даже жизнь своя есть и в этот мир никто не суется. Опасно. Какие-то там обитают твари, похожие на жуков, только с собаку размером. Их бояться все, хотя сами они вниз не спускаются и ни на кого не охотятся. Почему бояться – я не знаю, не выяснил, да и не до того мне было...

Словом, постояли мы возле дома, помыкались, да и пошли вслед за Странником. Он уверенно так идет, ни разу не споткнулся даже, а мы следом. Шли недолго, примерно также, как от избы в нашем лесу до палаток. И пришли! Представьте клубок, темноты, похожий на осиное гнездо, только размером с трактор. Висит над прогалиной, не касаясь земли... А вокруг с десятков таких же клубков, поменьше. И из них на нас глаза смотрят...

Степень слабости

Ощущение было страшненькое. Мало того, что парни неведомым образом очутились в незнакомом, от палаток месте, они чувствовали глухую враждебность этого мира к ним. И Странник казался им единственной ниточкой, связывающей их с уютным, добрым прошлым, которое осталось за порогом этого дома. Эх, им бы знать, как прост путь обратно, да если бы и знали, ни один из них не ушел бы домой, не оставил бы товарищей... Выйдя на полянку перед домом, они не успели толком сообразить, что случилось. Странник позвал их за собой, под своды леса. И когда они пришли к странной полянке, то все еще оставались в благодушном расслаблении. Они думали, что еще несколько минут и приключение кончится... Молодость, молодость... Тяжелые, мрачные клубки, висевшие на прогалине, направили на них десятки своих глаз. Это было ощущение физического прикосновения. Взгляды трогали кожу, одежду,

проникали в мозг и чувства, касались эмоций... Мальчишки сгрудились перед черными клубками и стояли беспомощные и подавленные. Они поняли, что попали в страшную передрыгу, и шансов выкарабкаться из нее нет. Глаза клубков проникали в их сознание и подавляли волю, диктовали покорность и равнодушие к своей судьбе.

Димка словно раздвоился. Студент, прагматик, немножко авантюрист все еще трепыхался в нем, а чужая и чуждая воля пронизывала существо и давила остатки прошлого. «Ты никто», – шептал беззвучный голос внутри. «Ты пришел сюда сам и потому тебе нет возврата. Ты наш, ты будешь хорошим источником для нас...» Студент начал было сопротивляться, но мгновенно ощутил парализующий укол внутри и последние силы оставили его. Даже липкий, как паутина страх, исчез. Черные клубки присосались к нему взглядами, что-то делали с ним. Что-то происходило в его сознании, и тупая покорность заполняла мозг, душу...

Но все еще сопротивлявшийся студент не позволял вторжению победить себя. Он не мог активно сопротивляться, но сам для себя отмечал происходящие перемены. Он понимал, что это пока единственная возможность сохранить себя в странном поединке с чуждой волей. Вот центральный клубок разделился на два, потом на четыре и восемь... Так продолжалось недолго и на поляне оказалось множество мелких комочков черноты, из каждого на ребят смотрел один большой и холодный глаз. Потом мальчишек повели. Долго ли шли – они не знали. Остановились перед входом в темноту. Среди леса само по себе висело большое темное пятно. Спереди оно напоминало вход в туннель. Но его можно было обойти со всех сторон и откуда бы ни смотрел, это пятно везде было похоже на вход в туннель. Сгустки черноты прильнули к пятну, и тут же были отброшены от него, а само пятно съежилось, сжалось, по нему пробежали странные морщины. А потом оно проглотило одного из ребят. Остальные стояли, не шевелясь, с покорностью овец на бойне. Если они и понимали что-то, то сил на действия не было. Воля парализована, желаний никаких. Единственное – это тупое ожидание своей судьбы и полная покорность...

Через мгновение пятно выплюнуло парня обратно. Казалось, ничего не произошло, но студент внутри Димки, сказал сам себе: «А он постарел» ... И действительно тот, которого глотало пятно, вернулся обратно таким, будто прошло лет десять. На висках появилась седина, лицо стало старше...

Черные клубки снова приблизились к пятну, но тут же отлетели назад. А Странник прокричал что-то необычное. И следом за криком по деревьям пробежал шум, стволы задвигались, зашевелились. А пятно снова сморщилось и в сторону Странника протянулась едва заметная ниточка. Она коснулась его головы, и он начал усыхать и превращаться в один из черных одноглазых клубков...

Ребята стояли неподвижно, как статуи. Не было сил и желания шевелиться, сменить позу. Не было и ощущений тела. Только тупая покорность судьбе и странное чувство, что в этом высшая ценность их жизни. Пятно время от времени заглатывало очередного пленника и, спустя мгновение, выплевывало его обратно. И каждый возвращался постаревшим на добрый десяток лет.

Дошла очередь и до Димки. Что-то мигнуло в его глазах и наступила темнота. А потом тьма расступилась, и он снова очутился на поляне. Вот только внутренние ощущения были другими. А пятно снова сморщилось и протянуло свою ниточку к клубкам, коснулось одного и тот обернулся Странником. И пятно запело. Невозможно передать словами волну звуков, которые исторгало пятно. Это был и рев водопада, и щебетание птиц ранним утром, шелест травы и судорожный хрип умирающего зверя. Все смешалось в звуковом потоке. Странник согнулся под его напором. Казалось, что тело впитывает звуки, как сухая губка. Когда пение стихло, и Странник выпрямился, Димка почувствовал, что внутренние пути отпускают тело. Воля вернулась к нему, прибавилось силы, исчезло оцепенение, появился интерес к происходящему. Он по-новому взглянул на окружающее пространство и поразился тому, что увидел. В

фильмах ужасов, которые он регулярно смотрел, не увидеть и сотой доли такой пакости, что собралась вокруг. Эти существа не были похожи ни на что. Это даже не конкретные формы, которыми можно было бы напугать человека. Это были просто обрывки страха и ключья ужаса. Они перемещались по поляне, поднимались вверх, ныряли в землю, таяли и возникали вновь. От них шла такая волна злобы и гнетущего страха, что казалось сам воздух сгустился вокруг.

Странник подошел к Димке и провел рукой сверху вниз. Сразу же остатки внутренней скованности отступили, голова прояснилась. Странник удовлетворенно посмотрел на студента и сказал:

– Выбор пал на тебя. Ты устоял перед ними и, значит, сможешь исполнить миссию. Она важна и для тебя, и для вашего мира. Пойдем...

Димка смотрел в спину Страннику, а тот уверенно шел в чащу леса. Поначалу он хотел было удрать, но сам же остановил себя: “Насмотрелся боевиков. Куда бежать и что делать? В лучшем случае пробегу шагов двадцать, а там снова спеленают, и пятно заглотит в этот раз уже навсегда.”

Димка неуверенно сделал шаг, другой и потащился вслед за Странником. В чаще, куда они пришли, к удивлению студента, было светло. Кроны деревьев расступились, и в просвет между ветвями струился яркий дневной свет. На земле лежал плотный ковер из сухих листьев, стояли пеньки. На один из них уселся сам Странник и махнул приглашающе Димке. Тот устроился на втором пенке.

– Я не буду долго рассказывать тебе о происходящем. Ты сможешь все понять во время подготовки. А пока объясню: ты оказался на границе между реальностями.

– Какими реальностями? Это что-то из области фантастики...

– А то, что ты видел – это разве не фантастика? С вашей обыденной точки зрения здесь каждый шаг невероятен и полон мистики. Но все гораздо сложнее и проще одновременно. Все мы – это и ты тоже. Ты сейчас сидишь здесь, рядом со мной, сидишь внутри пятна, идешь по лесу вместе со своими подружками, поешь, сидя у костра... Словом, ты одновременно пребываешь везде, и нигде конкретно.

– А здесь?

– Здесь ты тоже непроявлен до конца. Здесь твоя психоматрица. Она станет реальной сущностью только когда ты пойдешь в замок.

– Объясни, я ничего не понимаю...

– Не спеши. Когда начнется обучение, ты все поймешь, увидишь, оценишь. Но главное, что от тебя требуется – пройти в замок и помочь тамошним обитателям найти завещание Предшественников...-Странник, как показалось Димке, устало сник и долго молчал. Потом встретился и сказал:

– Начнем? – сам же и подтвердил, – Пора, начнем!

Он долгим взглядом посмотрел Димке в глаза и тот почувствовал, что снова мозг обволакивает странная пелена отупения. Он не мог сопротивляться ей. Сознание заволакивалось призрачным туманом и, наконец, потонуло в нем. Он словно уснул, но в то же время видел, чувствовал и понимал все. В сознании поплыла череда картин, каждую из которых он успевал досконально рассмотреть и понять ее глубинную суть. Каждое предыдущее видение перетекало в следующее и вместе они составили смысловой ряд, который объяснил ему все. Димка был спокоен, хотя видел такое, чему в обычном состоянии ума и аналогий-то подобрать бы не сумел. А здесь все воспринималось естественно и просто. Он видел нечто, похожее на огромную каменную гору. Она стояла неподвижно, и в то же время неслась с огромной скоростью куда-то. С ее поверхности постоянно выветривались крохотные песчинки. Они облаком окутывали гору, и она радовалась тому, как стремительно тает ее материальная сущность. Бесплотный голос возник в голове:

– Это Предшественники. Они ушли очень давно, миллионы лет назад, но в людском восприятии – существуют до сих пор, потому что люди не видят истинной сути процессов в мире, а все меряют по своим придуманным меркам. Ты видишь облик одного из последних представителей культуры Предшественников. Он успел закодировать знания и оставил их для тех, кто последует за ними. В разных местах сохранялись эти знания сотни тысяч лет. До тех пор, пока на них не наткнулись люди. Смотри.

В голове снова прояснилось, затем пробежала дрожащая пелена и возникло видение. Маленький, обросший, дрожащий от страха человечек лежит ничком на земле и старается вжаться в нее глубже. Он хочет слиться с землей и стать ею, чтобы никто не смог оторвать его от матери...

Из черной глубины неба к Земле несется огненный хвост. То ли комета, то ли громадный метеорит. Он пронизывает атмосферу планеты словно лист папиросной бумаги и, окутанный волнами пламени, падает в океан. Гул и грохот, огонь и тяжелое фиолетовое пламя вздымаются вверх – до границ атмосферы. Все пылает и сгустки огня разлетаются на сотни километров. Голос внутри Димки пояснил: появление Предшественников. С этого момента начинается история людей, как вида разумного. Прежние цивилизации исчерпали свои возможности и ушли в свои неведомые дали.

Предшественники подтолкнули формирование жизни на планете. Они достигли высот космического сознания, но не сумели приобщиться к высшему духовному пространству, в глубинах которого обитает Дух-Творец. Он – прародитель Вселенной, и только он управляет всеми процессами в ней. Он приближает к себе, но он и отдаляет. Он -реализованное интеллектуальное и духовное движение, он Свет и Тьма, он – основа основ... Предшественники достигли высот сознания, но в слиянии с Космосом они нашли границу, установленную Первотворцом. Он не позволил им войти в пространство духовной Вселенной и определил им участь скитальцев вне времени и пространства. Для них нет пространства, они проявлены везде, в том числе и на Земле. Вы видите их, но не в силах понять, что они из себя представляют. Цель их жизни заключается в том, чтобы окончательно расстаться с материальной оболочкой и вернуться в состояние чистой интеллектуальной энергии. Они стремятся к этому, но не могут достичь без Высшей воли Первотворца. Миллионы лет развивалась их культура, и миллионы лет до них существовали цивилизации их предшественников. Могучие, космически огромные и величественные, они управляли энергиями солнц и целых звездных скоплений, но не находили в этом главного – пути в Духовную вселенную. Именно там заканчивается путь любой материальной культуры и начинается новая ступень развития. Но войти в нее может далеко не каждый. И для того, чтобы открылись ворота, они должны вырастить новых носителей разума. И Мы стали перволюдьми!

В древних сказаниях и эпосах отголоски страданий былых культур. Они были, по людским меркам, всемогущими, но не могли главного... Их сила стала для них тупиком, который они не смогли преодолеть. Вселенский закон гласит: Сила трансформируется из всемогущества и повелевания мирами в слабость и чистоту, а потом – просто в Свет!

Вы – по сравнению с былыми разумными – слабость, в которой пока нет чистоты. А когда сумеете достичь ее, появится свет... И тогда люди увидят и поймут скрытое и тайное, окружающее их со всех сторон... И Свет примет в себя и людей, и всех, кто был до них...

На мгновение Димка очнулся от видений и уставился на Странника. Он хотел спросить, но Странник снова уперся лучом взгляда ему в глаза и туман видений возник в голове. Он вновь услышал тихий голос:

Когда люди еще понимали предшественников, они были сильны как никогда. Но сила должна уступить место слабости, и потому все вокруг было устроено так, чтобы люди ушли от своего естественного бытия на планете и начали сокрушать ее...

Где ты, Странник?

После того памятного разговора, Юрий Иванович стал словно проваливаться в какие-то внутренние глубины. Странное темное и пустое окружало его со всех сторон, он барахтался в нем, но никак не мог вырваться и потому переживал беспомощность. Для него, человека жесткого и решительного это состояние было неприятно. Не физически, конечно, а душевно. Страдал Юрий Иванович от внутреннего бессилия, но ничего не мог поделать с происходящим внутри...

Время от времени он встречался с хохотунчиком Дубиной и вел с ним долгие беседы. Окружающие недоумевали: «Чего это шеф, так подолгу говорит со слабоумным?» Нравы в окружении Юрия Ивановича были простые и грубые. Если человек переставал делать дело и становился балластом, от него избавлялись. В худшем случае убивали физически, да так, что потом никто и следов не мог найти. А если опасности не представлял, то спихивали на попечение семьи, дома инвалидов или еще какой-нибудь благотворительной организации. Слабоумному Дубине был прямой путь в дом-интернат для психохроников, но Юрий Иванович приказал содержать его в порядке, мыть, одевать, кормить, и наблюдать денно и нощно, дабы, не дай Бог, чего не произошло с деревянной головешкой...

В этот раз шеф снова велел привести Дубину и заперся с ним в кабинете. Секретарше было до слез любопытно узнать, о чем это можно так долго калякать с ненормальным. И она решилась. Тайком включила переговорное устройство с обратной связью и послушала беседу шефа с чокнутым дружком. Кроме любопытства ею руководило еще и практическое соображение: авось когда-нибудь пригодится услышанное. Она понимала, что ее положение в фирме остается таковым пока она пользуется благосклонностью шефа. Как только интерес к ней увянет, девушка пропадет, якобы по собственному желанию. Так уволится, что потом и концов не найти. А здесь она надеялась хоть какую-то страховку заполучить.

Никто так и не узнал, что услышала секретарша, только дверь в приемную она заперла и когда вышла оттуда, была немного не в себе. Глаза ее бегали, движения были как у пьяной, а слова произносила так, что вообще было трудно понять, что она говорит...

А разговор в кабинете, меж тем состоялся любопытный. Юрий Иванович усадил Дубину в кресло и сказал, обращаясь к нему:

– Странник, ты меня слышишь?

– Слышу, Юрочка, слышу... Только кроме нас с тобой еще и третий слушатель есть. Девка твоя за стенкой хочет все запомнить и в запасе держать. Сходи проверь...

Юрий Иванович рванулся из кабинета. Действительно, секретарша сидела за своим столом, а из миниатюрного динамика доносилось, как в кабинете возится в кресле Дубина-Странник.

– Ах, ты падаль! Шпионить вздумала! – зашипел шеф, но остановился. Секретарша сидела как окаменевшая и даже не шевельнулась в ответ на его слова. Он тронул ее за плечо и брезгливо отдернул руку. Ему приходилось убивать, и он помнил, как пустым и безвольным становилось тело после смерти. Оно еще оставалось теплым, но в нем не было жизни. И секретарша сейчас, сохраняя видимость человека, была жизни лишена.

В кабинете он спросил:

– Это ты ее так?

– Да, Юрочка. Пусть девка маленько побудет там, где ничего не видно и не слышно. Так-то оно вернее. А потом ты ее не трогай. Она просто боится тебя, а предавать не будет. Хочет подстраховаться. Ты ее успокой. Она сейчас как мертвая, опомнится, напуганной будет, а если ты к ней с лаской в этот момент, да пригреешь возле себя, так вернее ее на свете не найдешь.

– Странник, мы исправно делали все, что ты нам велел. Что с того? Денег нахапали уйму. Да ведь три обеда за раз не съешь! Конкурентов в порошок стерли, а вместо них молодые, да борзые подрастают. Ничего не боятся, никого не признают. Если с ними воевать будем, так у нас вся жизнь в бой превратится.

– А ты, Юра, не спеши с выводами... Ты, милой, думаешь, что в жизни только деньги да власть важны? Вот я тебе помог и то и другое получить. Доволен? Власть твоя такая, что никто из государственных людей не имеет. И богатство твое велико. А покой ты нашел? Боятся тебя все – это верно. Да только ведь от страха могут и зарезать. Ты смотри: ходишь с охраной, один носа не высунешь. Так кто больше боится? Тебя или ты?

– Станный ты, Сатана! Вроде бы наоборот должен радоваться, что еще одного загубил, а ты мне душу бередишь, да все, чего мы с твоей помощью достигли, наизнанку выворачиваешь...

– Эх, Юра, Юра! Говорил я тебе, что не там ты меня ищешь. Не Сатана я, пойми. Я тот, кто больше вас всех настрадался, а выхода найти не может... Ну как тебе объяснить... Я обречен страдать и искать. И всякий раз, когда кажется, что нашел, вдруг понимаю, что нашел, да не то... Ты мне показался нужным человеком, но видно, не судьба нам с тобой продолжить эти поиски...

– Эй, черт! Ты не отнекивайся. Раз уж втравил меня в переплет, то помогай до конца! А то ведь я с тобой никаких договоров не буду заключать!

– Большой ты, Юра, а дурак! Наслушался сказок про чертей и договора, скрепленные кровью. Коли бы мне надо стало, ты бы свою душонку на блюдечке мне преподнес... Вот так! Да на что она мне? С ней и делать-то ничего нельзя, вся позеленела от пакости твоей...

– А кто нас в эти пакости втравил?

– Ты меру знай своим словам! Будто, когда мы встретились, был ты ангел непорочный! Ты свою сущность глубинную реализовал. Чего хотел, то и получил... Только ты думал, что богатство и тайная власть придут, и все сразу хорошо станет. Ан нет, дорогой. Все имеет и свои обратные стороны. Хлебай теперь полной мерой.

Юрий Иванович молча уселся на свое место. Действительно, все, что они замыслили со Странником, он сделал. И сейчас сам себе признавался в том, что это и были его сокровенные желания и мысли. Хотел, чтобы его боялись – получил. Сейчас его имя только шепотом проносят. На всех такого страху нагнал, что поперек слово сказать боятся.

Хотел богатства и власти – пожалуйста! Денег столько, что, наверное, и сосчитать их невозможно... Полгорода скупил на корню. Все его приказы исполняются беспрекословно. Под рукой бойцы отчаянные. Однако, что-то гложет изнутри... Добился, достиг, и что? Интересно было бы самому до всего дойти... И, поневоле, вспоминал юность, когда запросто шлялся по улицам городка, без оглядки заходил в любые подворотни и не боялся, что самый близкий друг, всадит под лопатку пику.

– Так что же делать?

– А ты, Юра, у меня больше не спрашивай. Чего хотел – получил, а мне с тобой больше делить нечего. Уйду я по своим делам, мне еще искать и искать надо. А ты уж дальше сам выкручивайся.

– Вот так уйдешь и все? – в голосе у Бирюка видно дрогнуло что-то...

– Уйду и все. Только ты не радуйся, что ухожу, не взяв от тебя взамен ничего. Что мне надо – я получил, а ты потерял. Не заметил даже, когда... Только оказалось мне это твое ненужным. Ущербное оно изначально. Ничего путного из него не получится. Но вернуть тебе уже не смогу. Найдешь пути – сам возьмешь обратно, а нет, так живи, сколько сможешь...

Дубина последний раз взглянул на своего шефа ясными, осмысленными глазами, а потом они потухли, и снова тупое безумие наполнило их.

– Эй, Странник, ты где?

Но в ответ слышал только нелепое бормотание человека, который мгновение назад говорил с ним чужим голосом...

На гребне стены

То, что произошло с ним, Сергей не рискнул рассказать ни одному человеку. Он справедливо опасался, что его учитель по боевым искусствам опять начнет подозревать, что в нем возобладало злое начало. А друзьям или близким о таком не расскажешь – сочтут сумасшедшим...

После того памятного случая, когда по команде учителя его товарищи на тренировке избили Сергея в контактной поединке, он почувствовал к себе особое отношение. Друзья словно бы заглаживали прошлую вину и подчеркнуто внимательно относились к нему, старались помочь во всем и даже уступить во время тренировочных боев. А учитель ненавязчиво, но очень внимательно продолжал наблюдать за своим подопечным. Сергей чувствовал его пристальное внимание. Он и сам не заметил, когда в нем появилась острая чувствительность. Она спонтанно прорывалась иногда в самых неподходящих условиях. Было как-то в автобусе. Он стоял рядом с женщиной средних лет, чуть полноватой, но по-женски привлекательной. Она смотрела в окно, а он повернувшись к ней боком, уцепился за поручень, закрыл глаза и расслабился после тренировки. Какие-то обрывки мыслей возникали в голове и пропадали. И вдруг он ощутил внутри себя напряженную звенящую пустоту. Потом в ней возникла мысль, которую он воспринимал, как чужие слова: «Вот тот материал и надо было брать. Если его отделать узорной тесьмой, то всем на зависть платице получится...» Сергей даже вздрогнул. У него мыслей о платье никак возникнуть не могло, откуда это. Но разобраться он не успел, в звенящей пустоте снова возникли слова: «Какой интересный парень. Культурист наверное... Эх, мне бы годков скинуть, он бы от меня не ушел, хотя... Чем я для него плоха?.. Стой, дура, ты что? У него молоденьких девок полно, а ты со своими детьми и годами куда лезешь!»

Сергей открыл глаза и с удивлением огляделся. В автобусе все было обычно. Никто ни на кого не смотрел, все были заняты своими мыслями. Кто же тогда говорил у него над ухом? Он внимательно посмотрел на женщину рядом с собой, и она смутилась и резко повернулась к нему спиной. Поначалу Сергей не обратил внимания на это движение, но стоило ему снова закрыть глаза, как в голове зазвучали слова: «Он понял наверное, вон как посмотрел... А парень хорош... Может... Ой, моя остановка, чуть не проехала, замечталась...»

Кто-то толкнул его, он открыл глаза и увидел, как женщина, что стояла рядом продирается к выходу и тянет сквозь толпу большую хозяйственную сумку. Он утомленно закрыл глаза, но тишина в голове пропала. Снова лениво ползли обрывки мыслей. А потом словно сверкнуло: «Я же слышал ее мысли!» Он просто констатировал это, не было удивления, восторга или каких-то других эмоций. Он принял это как естественное событие. И, осознав, удивился тому, что никак не отреагировал на необычное явление.

Умение слышать чужие мысли приходило еще несколько раз, но всегда неожиданно и без предварительных признаков. Оно появлялось, некоторое время держалось, а потом также внезапно пропадало.

Кроме того, он неожиданно для себя стал чувствовать окружающее пространство. Если раньше он просто шел по улице, то теперь стоило сосредоточить внимание, он чувствовал, чем наполнено пространство вокруг него. Выхлопные газы, смог, туман он видел, как фиолетово-черные сгустки на асфальте. Деревья воспринимал, как пылающие холодным огнем огромные факелы, людей видел разными: одних - черно-золотистыми, других фиолетовыми, третьих струящимися... И только однажды в толпе прохожих мелькнуло нежное сиреневое свечение вокруг кого-то. Его потянуло туда, но сколько ни искал Сергей, больше нигде этого притягательного свечения не видел.

Постоянное внимание учителя к себе он и видел, и чувствовал. Воспринимал его как тонкие почти неосязаемые нити, которые тянулись к нему от сэнсея. Его щупальца ласково касались его и словно спрашивали: "Ты прежний, не изменился?"

После очередной тренировки, когда он уже принял душ и улегся на своем диване отдыхать, это и произошло.

Только Сергей закрыл глаза, как его подхватило волной сиреневого света и потащило куда-то... Он силился открыть глаза и вернуться в реальность, но тело перестало повиноваться приказам разума. Он чувствовал себя бесплотным существом в волнах сияющего и нежного света. Он летел куда-то и знал, что лететь надо. Он должен быть сейчас там, где его ждут.

Потом он увидел себя в тесном, узком коридоре, в конце которого брезжил свет. Перед ним двигался еще кто-то.

Коридор кончился и перед ним возникла стена. Передний стал взбираться на нее, следом полез вверх и Сергей. Когда они почти достигли вершины, передний вдруг сорвался и начал падать, заваливаясь прямо на Сергея. Тот уперся рукой ему в спину и толкнул так, что переднего вынесло на гребень стены. Он поднялся следом и только здесь рассмотрел спутника. Это был невысокий, мужчина с бородкой и длинными, зачесанными назад волосами. Его глаза сияли внутренним светом, излучали силу и уверенность... Сергей встал поближе к своему напарнику и увидел, что на стену вскарабкались еще двое. Один был сумрачный. От него веяло грубой силой, которая подавляла, подчиняла себе... А другой был похож на человека. Именно похож. Руки, ноги, голова, все, как у всех, но вокруг него струилось свечение, а с пальцев рук стекали искорки света. Он стоял чуть в стороне от остальных, и свечение, которое облаком окутывало его, разделяло их границей...

Сергей ощущал каждого из них и они (он это знал) чувствовали его. Все вместе они стояли на верхней площадке отвесной стены и смотрели вверх. Там, в бездонном небе разворачивалось удивительное... Стремительные потоки силы низвергались на них и тот, у которого светилось тело, распахнул свои руки им навстречу. Сила вошла в его грудь, а через него и во всех остальных. Они почувствовали, как тела наполняются удивительной могучей и радостной энергией...

Счастье казалось беспредельным, оно заполнило все пространство бытия и четверка, стоявшая на верху стены растворилась в нем. Счастье от жизни, счастье от своего соединения, долгожданного и свершившегося... Они слушали силу, пульсировавшую в телах и в душах, они радовались слиянию с бесконечным, живым, трепетным, любящим их...

Все оборвалось неожиданно. Осталось только чувство глубокого внутреннего восторга и силы, заполнившей неведомые глубины души. Сергей снова лежал на своем диване. Тело гудело от радостного напряжения, усталость исчезла, хотелось действовать, радоваться и нести радость другим. Он успел сесть на диване, когда новая волна видений обрушилась на него...

Вначале Сергей увидел, как по залитой лунным светом котловине ползет густая, слоистая темная масса. От нее веяло ужасом неживого. В глубинах этого кошмарного потока то и дело рождались и исчезали жуткие видения. Чье-то окровавленное лицо, рот, распахнутый в страшном хрипе. А то выныривали безумные, наполненные болью, мукой и ужасом глаза. Сам Сергей был где-то высоко. Он купался в переливах нежного сиреневого света и наслаждался счастьем, которое свет нес в себе. Позади себя, он чувствовал источник этого благостного света, но не было сил оглянуться и посмотреть туда. Он угадывал рядом чье-то присутствие и ощущал, что это люди, с которыми стоял на гребне стены. Они – его братья, а может быть даже больше, чем братья. Он чувствовал это и понимал, что сейчас рождается неразрывная связь всей четверки. И разорвать ее невозможно, ибо она прежде всего душевная, и дух, связавший всех воедино, собрал их для свершения...

Там внизу он снова увидел давешнего человека, поднимавшегося на стену первым. Он стоял перед волной тьмы, раскинув руки. В уме Сергея прошепестало бесплотное: «Помогите

ему одолеть нечисть!» Он не думал, что и как нужно делать. Он знал и делал. Раскинув руки, он послал силу на помощь стоявшему внизу. Он стал проводником могучего потока, который струился сзади, пронизывал его, концентрировался позади стоящего на земле сверкающим крестом. Поток силы нарастал, и Сергей чувствовал, как сила гудит и вибрирует в нем и вокруг него. Поток нечисти остановился. Он мог поглотить маленького человечка, вставшего на его пути, но наткнулся на такую преграду, которую не смог одолеть. Волна черноты поднялась над человеком, зашипела, как будто кто-то наступил на клубок змей, и начала откатываться назад.

Лучами силы, истекающими с ладоней, Сергей вонзился в плотную черноту, и жег ее, испепелял, разрывал на части и снова жег... В пространстве, наполненном мягким лунным светом, раздался жуткий, ни на что не похожий вопль. Поток черноты был разорван, он откатывался отдельными клубками, к горизонту, где синел лес.

Сергей поднялся в потоках света выше и оттуда видел, как чернота втягивается в огромную воронку посреди болота. Уходит в глубины земли, в непостижимые черные провалы, откуда несло смрадным холодом... Он хотел ударить туда, но что-то остановило его. Он услышал в себе голос:

– Еще не время. Ты сделал нужное, не торопись...

И все исчезло. Сергей сидел на диване и отрешенно смотрел в окно. Теплый летний вечер вполз в комнату. С улицы доносились шаги прохожих, чей-то смех. По дороге шелестели машины. От всего пережитого в нем сохранялось только ощущение глубинной силы, но и оно стремительно таяло. Через несколько минут осталось лишь воспоминание о необычайном приключении.

Водовороты мощи

Возвращение домой из храма Наставников прошло быстро и незаметно. Машина только вздрогнула и мгновенно перенеслась на площадку перед ангаром. Доктор вышел на зеленую лужайку и с наслаждением потянулся. Ему предстояла работа с больными, потом, в лаборатории городского центра он хотел проверить результаты своих опытов по созданию эликсира регенерации, словом, дел было множество и все они обещали интересный, насыщенный день. О ночном происшествии он уже не вспоминал. Наставники сказали, что он оказался на Пути движения. Ну и что? Они помогут ему, прикроют и поддержат. С ними ему не страшно любое испытание...

На веранде тихонько позванивал почтовый ящик. Доктор открыл его и достал гладкий металлический цилиндр магнитного письма. Чтобы послушать его, нужно было идти внутрь, возиться с воспроизведением, а ему не хотелось уходить с солнышка в прохладу затененного дома.

– Успею, – решил он, и встав на середину лужайки, раскинул руки в стороны, принимая в себя потоки солнечного света. В этот момент в глазах у него что-то мигнуло, потемнело и он перестал видеть свой дом и дворик. Он шел по темному узкому коридору, в конце которого смутно брезжил свет. Все вокруг было необычно. И темнота живая и давящая, и свет далекий и манящий.

Впереди него по коридору шли двое. Он видел перед собой только спину громадного парня, и угадывал впереди него еще кого-то. Попытался вывести чувства за границы тела и понять куда попал, с кем вместе идет по этому коридору, но ничего не вышло. Тело словно окаменело и не выпускало ни одно из тренированных чувств доктора. Он слышал позади себя присутствие еще одного человека, но не было сил обернуться и посмотреть: кто идет за ним.

Скоро, однако, путешествие завершилось у подножия отвесной стены. Они стояли на площадке перед выщербленной вертикальной поверхностью. Первые начали подниматься вверх, к гребню стены. Доктор ощутил внутренний толчок и понял, что нужно подниматься

следом. Он протянул руки вверх и прочно ухватился за что-то. Путь по вертикальной стенке оказался несложным. Он влез на ровную площадку третьим и успел посторониться, чтобы пропустить еще одного человека. Тот вызвал у доктора ощущение скрытой опасности. Но скоро оно сменилось чувством тепла и взаимной приязни. Они стояли, касаясь друг друга плечами. И от каждого к соседу перетекало нежное, ласковое тепло. Потом, повинаясь внутреннему импульсу, они подняли лица к бездонному нежно сиреневому небу. Что там происходило! Это невозможно было описать. Это можно было только почувствовать. И доктор имел явное преимущество перед остальными. Он видел, понимал и чувствовал многое из того, что творилось в бесконечности неба.

Среди водоворотов света и кипящих потоков силы его опытный взор различил очертания Наставников. Они раскрывали тоннели, из которых сила нисходила на людей. И когда доктор распахнул свою грудь, чтобы принять силу в себя, он понял, что сейчас Наставники только проводники Вселенского потока, который нес в себе нечто такое, о чем даже он, лекарь высших посвящений, прямой ученик Наставников, не знал. Он чувствовал иной уровень жизни, другое состояние бытия. И они – четверо людей – приобщались к нему. Доктор почувствовал в себе необычное видение окружающего. Он ощутил, что пространство вокруг живое. И еще он почувствовал любовь. Он понимал, что живое пространство любит его не за что-то конкретное, как часто любят люди друг друга. Его любят за то, что он есть, живет в мире и что-то делает... Эта любовь была наполнена бесконечной мудростью, заботой и счастьем. Прикоснувшийся к ней становился счастливым. И они наполнились счастьем жизни...

Когда первый восторг прошел, потоки силы вошли в него и через него распространились на других. Они стали единым существом, и доктор в нем был источником силы. Первый – источник благость и чистоту осознания и мыслей. Что исходило от двоих других, доктор пока не понял, да это было неважно. Они собрались вместе, и для них началась новая жизнь.

А потом все исчезло. Доктор снова оказался на лужайке подле дома, но лишь на мгновение... Снова невидимый вихрь подхватил его и унес в непостижимые глубины пространства. Вокруг лучился сиреневый свет, который переливался, менял насыщенность и становился то голубым, то желтым и в то же время парадоксально оставался нежно-сиреневым. Не было источника света. Он струился отовсюду и был живым, понимающим, чувствующим.

Доктор огляделся и увидел, что в пространстве колеблются силуэты тех, с кем недавно стоял на гребне стены. Они были далеко от лекаря, но он видел их и чувствовал настроение и состояние. Восторг, которым был наполнен первый, взошедший на стену, помог ему раскрыться навстречу волнам света. Сосредоточенность, исходившая от крепкого мускулистого парня, сняла с него путы посторонних мыслей. От четвертого участника их команды исходила целеустремленность, воля, решительность и безоглядность в действиях. Он знал, что каждому в их команде уготована конкретная роль, но что предстоит сделать ему, пока не уяснил.

И вдруг что-то изменилось в окружающем пространстве. Вдали, где были те, двое, возникло облачко угрозы. И тогда он понял, что ждут от него. Он раскинул руки и растворил тело в потоках света. Он стал линзой в которой свет наполнялся волей, решимостью, сосредоточенностью, стремился к тем, кто противостоял опасности. Он не видел самой битвы, но чувствовал могильный холод, колющими ударами проникавший в сердце, и концентрированный страх, сжатый до плотности непереносимого ужаса. И еще он ощущал Наставников. Их бесплотные голоса звучали в нем:

Ты на пороге больших перемен, ты выходишь из-под нашего наблюдения и становишься другим... Ты скоро будешь иным, чем мы, иным, чем весь твой мир. Прими – это твое предназначение. Будь готов и соответствуй...

А потом все внезапно кончилось, и он снова стоял на залитой солнцем лужайке перед домом. Только странная, ни на что непохожая усталость наполнила тело, и голова была словно набита ватой. В доме защебетал коммуникатор и он, стряхнув оцепенение, двинулся внутрь.

Ноги слушались с трудом, но он заставил себя пройти несколько метров до веранды. От былой бодрости не осталось и следа. Он чувствовал себя так, словно трудился целый день...

Эпидемия силы

Второе погружение в туман видений было длительным и напоминало экскурсию. Димка побывал в необычном и удивительном мире, который создали прямые потомки людей, принявших знание Предшественников. Все было необычно в нем: странные силы использовали люди для помощи себе, удивительные сооружения воздвигали и, похоже, цель этих построек была непонятна и самим строителям. Они выполняли программу, вложенную в них вместе со знаниями. Именно тогда проявилась людская тяга к обрядам. Димка видел, как толпы людей стекались в назначенный час к циклопическим сооружениям и исполняли какие-то сложные ритуальные действия, смысла которых большинство просто не понимало. Истинное назначение действий знали только посвященные, которые находились внутри сооружений. Но и они вместо осознанного действия впадали в транс, когда исполняли ритуальные пассажи.

Но сила, которая при этом возникала в людях – поражала. Ее невозможно было сравнить с чем-то в привычном мире. Это было нечто непостижимое. Казалось, люди могли своим желанием остановить движение планет в космосе и изменить всю Землю. Но эта же сила и давила на людей. Они не могли осознать ее, но чувствовали в себе колоссальные возможности и не знали, как их использовать. Они тяготились силой и сознание их плавало в силе, как в консервирующем растворе. Вялость мыслей, пустота размышлений, бездеятельность разума и размах мегалитических построек. Созидание такого уровня, какой даже Димкиным современникам казался фантастическим. Он вживался в тех людей и скоро понял, что сила погрузила их разум в спячку. Предшественники понимали, что, получив их силу, несовершенные люди, скорее всего, уничтожат себя и планету. И потому вместе с силой и знаниями создали программу, которая проявлялась вместе с врожденными инстинктами и передавалась по наследству до того момента, пока не начнется внутренний поиск и осознание себя, как сотворенной сущности. Эта программа тормозила неумные желания и бушующее эго. Люди под ее влиянием действовали без глубинного осознания, а только во исполнение им самим непонятных внутренних позывов. Это была гарантия выживания вида, наделенного силой. Люди должны были постепенно растерять силу и приобрести самоосознание, понимание. Стать слабыми внешне, но обрести глубинную духовную мощь и понимание высших порядков. В этом был залог того, что, преобразившись, люди, наконец, откроют путь в духовную Вселенную. И для себя, и для всех, кто в цепи трансформаций жизни, предшествовал им и копил для них знания, опыт, мощь...

Но уже тогда стали проявляться в людях первые искорки духовного осознания. Тех, кто осмеливался проявить свои необычные и для большинства непонятные способности, ждала плачевная участь. Их обвиняли во всех грехах и потом либо изгоняли из сообщества людей, либо просто убивали. В начале времен, когда сила и знания, принятые людьми от Предшественников, только начинали менять человека, все было проще и гуманнее. Обвиненного человека без долгих разбирательств изгоняли из племени, и он отправлялся в путешествие по жизни в одиночестве. И хотя сила, которой обладал каждый, могла обеспечить любому и безопасность, и жизнь, все они погибали, ибо не ведали своих возможностей и не знали как пользоваться знаниями, дремавшими в каждом. Срабатывал стереотип: раз изгнали из стаи, значит нужно погибать. И большинство умирало, вызывая страх одних и радостное злоудовлетворение других.

Потом, когда знания чуть приоткрылись, а сила стала доступной для избранных, смерть отступников оформлялась как можно пышнее и ярче. Казнь собирала толпы людей, и самым важным моментом действия было не убийство человека, а то психоэмоциональное напряжение, которое создавал обряд у толпы и палачей. Что ж до самого осужденного, то его состояние

в данный момент не интересовало никого. Все жаждали видеть смерть... Искали в ней мистический рычажок, способный продвинуть вперед все общество. Казнили много, изощренно, изобретательно, но общество вперед не двигалось. По-прежнему тупость, апатия, вялость и духовная пустота наполняли людей, и они жили простыми желаниями и простыми страхами.

А потом случилось непонятное. Димка, как ни старался, не смог объяснить себе точно, что же произошло с цивилизацией древних. На улицах городов появились люди, которые владели силой, знали, как ее разбудить в себе и других и раздавали эти знания всем. Напрасно избранные и посвященные зывали к толпам. Эпидемия силы, подобно наводнению захлестнула весь мир. Каждый открыл в себе такое, что сразу меняло его место в отношениях с другими. Сила позволяла каждому мнить себя творцом и создавать миры. Но созданные миры сталкивались между собой и ранили творцов. Потом началась полная неразбериха. Среди колоссальных сооружений бродили люди и каждый был сам по себе, и каждый считал себя единственно знающим спасителем мира, и каждый стремился доказать остальным свою исключительность.

Через главную башню мира пришло послание от далеких братьев, в котором они предупреждали об угрозе поклонения Силе. Ослепительное белое облако поднялось над башней, но люди восприняли послание как угрозу и извергли свою силу на башню. Внутри башни зародились волны фиолетового пламени. Она содрогалась, но еще сдерживала напор внутреннего огня. Но скоро стены раскались, камень потек, и километровой высоты башня начала проваливаться внутрь себя. Люди стояли вокруг и с болезненным интересом смотрели, как под лучами их силы проваливается в небытие одно из величайших человеческих творений той поры. Когда башня провалилась внутрь воронки, которая возникла на ее месте, пришла беда. Из раскаленных глубин земли вырвался столб огня, пара, раскаленных газов. Земля мстила своим детям, обидевшим ее, терзающим ее плоть своими экспериментами. Все содрогнулось, и над эпицентром воронки поднялся сверкающий огненный шар. Он повисел недолго. Сотни тысяч взглядов-лучей уперлись в него, и шар лопнул.

Больше Димка ничего не видел – только бушующее пламя и слышал тысячеголосый стон гибнущих в огне... В видение вторгся голос Странника: люди открыли силу, но использовали ее для того, чтобы доказать себе свою мощь. Перволюди отправили им посылку силы. Если бы они смогли понять назначение этого пылающего шара, то использовали его для последующего созидания. Но люди приняли его за вызов богов, и чтобы доказать им свою мощь, разорвали оболочку шара. И космическая мощь перволюдей смела с земли всех. Даже тех, кто просил остановиться и опомниться... Даже их...

Но взрыв породил ответную волну силы. Она вернулась перволюдям и взорвала изнутри их светлое царство... Начался упадок...

Но избранные из перволюдей и поклонявшихся Силе, спаслись.

Димка увидел бушующее море и в нем свободно скользили между волн обтекаемые, стремительные лодки людей. Они легко преодолевали водяные горы и быстро двигались к берегу. Людей в них было мало, и они хотели поскорее достичь берега. А когда лодки причалили к берегу, то люди пошли от них не оглядываясь, все глубже уходя в темные заросли, поднимающаяся в горы. Это были посвященные, хранители знаний. Они знали все, но не могли знания использовать для себя, ибо их задача была только сохранить и передать. Те, кто отправил в тысячелетнее путешествие по людским умам свои сокровенные знания и силу, устроили все так, чтобы люди перестали испытывать искушение и вновь использовать данное им для собственного возвеличивания.

Снова в видениях зазвучал голос Странника: до вас дошли смутные легенды об Атлантиде и ее гибели. Это лишь отголоски тех событий, которые развивались на огромном острове в океане. Ту страну звали Цхак – по имени первого человека, получившего силу Предшественников. А потом, после ее гибели в огне силы, остатки народа Цхак основали несколько

государств на большом материке, который вы называете Америкой. Там они встретили других людей, еще диких, не познавших жизни и творчества... Они создали подобие своей культуры и заставили аборигенов строить сооружения, подобные тем, что возводили в своей земле. Они надежно спрятали знание в глубинах этих сооружений. Оно на виду, но поймут его люди только тогда, когда придет готовность. Предшественники учли свой горький опыт и сделали так, что каждый кусочек знания будет понят только тогда, когда люди научатся отвечать за свои дела.

Видение задрожало и исчезло. Снова Димка стоял перед Странником, и тот внимательно смотрел в глубину его глаз, казалось, проникая своим взором в душу.

– А теперь слушай меня и запоминай. Ты оказался в стране, которой нет на Земле. Ее нет нигде. Эта страна в каждом из вас, но, чтобы найти ее, нужно уметь открывать в себе силу. То, что оставили Предшественники в пирамидах, сфинксе и мегалитических постройках – только внешняя часть знаний. Она мертва без ключа. А ключ заложен в каждом из вас. Человеку передали знания в надежде, что он использует их для самостроительства и постижения, Предшественники ждали, что люди начнут понимать силу и откажутся от нее, чтобы обрести долгожданную немощь и прорваться, наконец, в сверкающий великий мир Изначала. Этим прорывом они открыли бы дорогу и всем, кто ждет миллионы лет... Чем это кончилось, ты видел. Избежавшие гибели перволюди основали в разных частях планеты колонии, которые потом стали началом разных культур, великих религий. Но все это лишь части одного. Чтобы увидеть всю картину, надо собрать спрятанные в народах частички общего, умело соединить их и тогда родится главный ключ: понимание того, что сокрыто в каждом...

Но малая часть посвященных сохранила дар использования силы. Это мои братья и я. Мы ушли от материального существования в те пространства, которые могут стать дорогой к истоку, к причинному миру. И отсюда мы пытались влиять на людей. Но скоро обнаружили, что внутренний мир людей наполнен высшим и нам не остается в нем места. И мы начали борьбу. Мы даже не задумывались с кем боремся. А когда поняли – было поздно. Предшественники отдали людям свое знание и свою силу и стали считать себя создателями человека. Их логика такова, что всякий носитель их силы является их производной.

А люди до Предшественников жили и стремились к чему-то, достигали своих вершин. А когда началась эпидемия силы, забыли обо всем, кроме сомнительных благ, которые сулила им сила. Но мы поняли, что катастрофа неизбежна и создали код, вложили его в тех, кто должен был спастись, и ушли раньше всех, чтобы создать свой новый мир. Когда беда произошла выжившие люди начали обосновываться на новом месте. Мы сумели проникнуть в их мысли и чувства, их желания и стремления... А потом, мы поняли, что наши усилия ничтожны по сравнению с Тем, кто направлял людей. Девчонки слушали Димкин рассказ, но относились к нему как к бреду больного человека. И только Лена приняла его всерьез...

Шаг из прежней жизни...

Юрий Иванович ехал в тот маленький райцентр, где видел в церкви необычный образ. Тянуло туда. Еще в первый свой приезд в Ойю, он был твердо намерен знаменитую икону украсть и продать “за бугор”, где за нее дали бы хорошие деньги. И даже то странное предупреждение, что прозвучало в его голове, не останавливало его. Мало ли приходилось слышать в жизни всякого. Он привык верить своей железной хватке и не сомневаться, когда все складывалось... Но произошло в его жизни событие – он общался со Странником. И след этого контакта в душе кровоточил, как незаживающая рана.

– Для чего все? – думал он. – Денег несчитано, имущества – на сто лет вперед нахватал. А что дальше? Жить и наслаждаться самим процессом прожигания, отпущенного на жизнь времени? Но не таков был Бирюк. Просто властвовать и видеть, как все вокруг трясутся перед ним, не радовало его. Он был человек дела и хотел рисковать, испытывать страх и ярость, жить

так, чтобы не киснуть в роскоши своего особняка, а полной грудью дышать страхом и радостью избавления от него. Других понятий Юрий Иванович не знал. Когда плохо – это страшно. А хорошо, когда боль и страх отступают.

После ухода Странника он первое время все еще продолжал играть роль крутого, жесткого и безжалостного человека, способного на рискованные поступки. Но это скоро ему прискучило. Не то все, не то. Не было уже трепетного ожидания, которое он испытывал раньше в отчаянных делишках. Осталась пустота и скука. Ему скучно стало жить, когда понял, что все вокруг теряет смысл, остроту.

Он пробовал пить. Но и раньше он презирал поклонников этой забавы. Видел много крепких и сильных мужиков, которых водка срубила под корень и превратила в жалких побитых. Бабы его тоже мало интересовали. Ну сколько можно их перебирать? Две, двадцать...? В конце концов поймешь, что и в этом сокровенном деле все привычно и однообразно. Ничего нового уже не найдешь. Куда же податься ему со своей тоской? И надумал Бирюк. Вспомнил снова про чудесный образ и про внутренний диалог, звучавший в нем. Вспомнил и священника – настоятеля того старинного храма. И что-то случилось в раненой душе. Так захотелось ему поехать в Ойю, что заспешил Юрий Иванович, бросил дела на своих помощников, прыгнул за руль и никому не сказавшись – укатил из города.

Охрана было сунулась за ним, но он послал всех к нехорошей матери и пинками прогнал обратно в офис. А сам уехал.

Когда он проехал околицу Ойи, его поразила странная тишина. И не ночь еще, только смеркаться начинало, а на улицах уже ни души, пыльные палисаднички возле домов пустовали. Возле милиции патрульный “Уазик” задом пятился в открытые ворота гаража. А окна райотдела, несмотря на жару, были плотно закрыты. Юрий Иванович остановился, выбрался из машины и постучал в милицейские двери. Ему долго не открывали, потом в смотровом глазке потемнело. Его рассматривали из-за двери. Хриплый голос спросил:

- Тебе чего?
- Откройте, я приезжий, хотел с начальником поговорить...
- Нету его, дома спрятался. Туда и езжай...
- А вы чего заперлись? Бойтесь кого?
- Ты такой умный, да? Вали-ко с улицы, пока не стемнело, а то скоро снова начнется...
- Чего начнется?

Ему не ответили. Глазок очистился, невидимый собеседник ушел внутрь помещения.

Юрий Иванович развернул машину и хотел ехать на поиски давнего своего знакомого начальника здешней милиции. Но возле гаража райотдела, его остановил молодой парень в форме. Он жалобно улыбался и просительно заглядывал в кабину:

- Вы меня домой не подбросите, тут рядом совсем... А то стемнеет скоро...
- Садись, служивый...

Милиционер быстро скользнул на заднее сидение и скороговоркой сказал:

- Вон там в переулок повернуть если, то через два квартала приедем...
- Ты, служивый, скажи, чего это милиция стала темноты бояться? Самое ваше время.
- Так это раньше было. А сейчас мы все по домам сидим. Как с ними воевать? Мертвого ведь ни пуля, ни дубинка не возьмет. Он уже покойник, чего с ним делать-то?
- Ты чего несешь? Какие покойники?
- Ну эти, ночные...
- У вас тут что происходит? Я сейчас только приехал. Четыре часа за рулем был...
- Так вы ничего не знаете? С неделю уже такая карусель. По улицам покойники шляются. Никто ничего поделать не может. Мы сначала думали, что это парни бузят, переодеваются, чтобы жителей попугать. Знаете, сейчас ведь всяких масок привезли из-за границы. Кого хочешь можно изобразить. Поймали одного. Лучше бы мы его стороной обошли. Сержант у

нас есть один, отчаянный парень. Он и схватил мертвяка. А тот гнилой весь, воняет ужасно и прямо в руках у сержанта как кисель разъехался. Наш-то сначала ничего не понял, а потом на руки свои поглядел: все они в мертвечине и форма тоже. Как заорет... И сразу у него руки вспухли, сделались синие, в язвах. Его в скорую помощь отвезли, а там врач только руками разводит, мол ничего такого не видел раньше. Не знаю, как и лечить. Какую мазь не приложит, только хуже – боль такая, что глаза на лоб лезут. До сих пор мучается. А по улицам каждую ночь теперь покойники шастают. Которые сгнившие, в лохмотьях, которые наполовину. А есть и свежие...

– Да откуда они берутся?

– Дак с кладбища. Поп наш говорит, что хоронили, мол, без разбору: колдунов, самоубийц, так они сейчас и безобразничают... И еще какие-то, не знаю уж как их назвать... Словно комки грязи, но с одним глазом. Летают по улицам. И там, где пролетит, продукты в домах пропадают, коровы болеть начинают. А бабы от страха визжат до одури. Мужики – наоборот цепенеют. Не могут пошевелиться и даже руку поднять, чтобы перекреститься...

Юрий Иванович удивленно и недоверчиво хмыкал. Такие сказки ему слышать не приходилось. Много повидал он и покойников, и убийц, и сам, грешен, убивал. И по опыту знал, что покойник есть самое безобидное на свете. Лежит и ничего уже не может сделать...

– Ты, служивый, не заливаешь? Что-то не верится мне, что наша милиция покойников испугалась...

– Что вы, что вы, – замахал руками милиционер. Мы об этом даже в область не сообщаем. Ведь на смех поднимут. Никто не верит, пока сам не переживет. Вы вот ночью здесь будете – посмотрите. И что делать – не знаем! Наваждение какое-то. Неужели так и будем? Ученых хоть бы вызвали, пусть разбираются...

Юрий Иванович подвез милиционера до тесовых ворот. Тот с благодарностями выскользнул из машины и юркнул в калитку. И тут же высунул голову обратно:

– Может вам ночевать негде, так я вас устрою. У нас летняя комната на чердаке пустует... А в гостиницу не ездите. Там никого нет. Закрыли двери, а командированные по знакомым разбрелись. Страшно очень...

– Не бойсь, служивый. «Меня трудно напугать...» —хвастливо сказал Бирюк и поехал по улочке в сторону центра.

На дверях гостиницы болтался огромный замок. Никаких объявлений не было. Через площадь стояло здание администрации. Там в сумерках светилось одинокое окно. Юрий Иванович подъехал прямо к крыльцу и с удивлением увидел, что двери администрации тоже заперты. Он постучал, но никто внутри не пошевелился. Однако Юрий Иванович увидел, как в окне мелькнул чей-то силуэт. Он вышел на площадь под окна и крикнул:

– Эй, кто там, отзовитесь...

Окно приоткрылось и сверху на него посмотрел солидный мужичок. Скорее всего – Сам

– Чего орешь? – неприветливо буркнул он.

– Гостиница закрыта?

– Видел ведь, закрыта. У нас тут обстоятельства. Поэтому идите-ка вы домой.

– А я приезжий.

– Ну тогда к знакомым.

– А нету их у меня. Я вот приехал сюда по делу и не знаю где остановиться... Может к себе в администрацию пустите?

– Ну пушу, а тебе что, легче? Спать здесь негде, жевать нечего... Уезжай, друг, слышь, пока еще не стемнело... – Голова просил, и была в его тоне скрытая тоска...

Юрий Иванович снова спросил:

– Вы объясните толком, что здесь происходит? Я полдня сюда ехал и вот те результат...

– Не спрашивай ты, ради Бога! Если останешься – сам увидишь. А нет, так тебе же лучше. Здоровье сохранишь...

Так ничего и не добившись от головы, Бирюк снова сел в машину и поехал к дому молодого милиционера. Там пришлось долго стучать в глухие ворота. За ними было тихо. Даже собаки не лаяли в городке. Это Юрий Иванович понял неожиданно, когда пытался достучаться до хозяев. Делать ничего не оставалось, да и разбирало любопытство: хотелось самому увидеть, что за страсти-мордасти происходят в Ойе.

Калитка чуть приоткрылась и в щель выглянул пожилой мужичок:

– Тебе чего? – спросил он неприветливо

– Я тут молодца подвозил в этот дом, так он предлагал на ночлег устроить...

– Ваську, что ли?

– Да не знаю я. Милиционер он...

– Ну да, ну да, – согласился мужичок. Давай заходи, ты ведь живой, значит наш будешь. Устроим тебя, в лучшем виде. Заходи, заходи – торопил хозяин Юрия Ивановича.

– А машину куда, отец?

– Да чего ей сделается. Ночью все одно никто по улицам не шляется. А эти... Они на машины внимания не обращают. По ним, что машина, что бревно...

Они вошли в просторный двор, и хозяин потащил гостя к дому. На резном крыльце он пропустил Юрия Ивановича вперед, а сам остался на ступеньках и, повернувшись к воротам несколько раз перекрестил их.

Пройдя сквозь темные сени, Бирюк попал в такую же темную горницу. Ничего не было видно, только перед образами в переднем углу теплилась лампадка. Несколько человек стояли перед иконами на коленях и время от времени отбивали земные поклоны. Старушка на лавке возле окна нараспев читала псалмы.

От порога раздался голос хозяина:

– Это Васька приглашал постояльца. Который подвозил, верно...

Одна из фигур возле икон заволилась. С колен поднялся давешний милиционер. В сумраке горницы Юрий Иванович не разглядел лица. А парень сказал:

– Давеча, надо было сразу оставаться. Я вам говорил, что гостиница закрыта.

– Что тут у вас происходит? Ты, друг, мне объясни все-таки...

– Ой, батюшки, кажись началось, – охнул в углу женский голос. Бабка скороговоркой зашептала молитву, а парень снова упал на колени перед иконами. Юрий Иванович с удивлением огляделся. Чего началось, он так и не понял. Потом разглядел слабое мерцание за забором, в том месте, где оставил свою машину.

– Ты что же, хозяин, говорил, что машину никто не тронет, вашу мать! – заорал он и кинулся из дома во двор. В темных сенях он запнулся за что-то, упал и на животе вылетел на крыльцо. В горячке вскочил, кинулся к воротам и...

Страх, тяжелый, плотный, как стена встал на его пути. Он с размаху ткнулся в него и завяз, как муха вязнет в паутине. Липкий, черный страх проникал внутрь и холодил сердце, сжимал его ледяной рукой... Но Юрий Иванович к страху привык. Он переживал в жизни его столько раз, что сейчас окунулся в знакомое, привычное состояние. И бороться со своими страхами он умел. Железной волей подавил он волну паники внутри и спокойно подошел к воротам. Открыв калитку, он обомлел. Такого ему даже присниться не могло. Мертвенно бледное сияние луны заливало пустынную улочку. Возле глухого забора стоял его громадный «Nissan patrol». А около него... Вот что было рядом с машиной описать он не смог бы. Какое-то копошащееся месиво из омерзительной массы, костей, голов, рук и ног, да к тому же еще жутко вонючее. Когда Юрий Иванович открыл калитку, свора нечисти с утробным воем кинулась к нему, словно голодные жадные волки. Он уже видел, как из поганой каши тянутся к нему обглоданные, полусгнившие руки, на которых кожа висела клочьями. Волю парализовало, и

он не мог подавить в себе ужаса и омерзения перед этой пакостью. Тело оцепенело в проеме ворот, и Юрий Иванович не мог заставить себя сдвинуться с места. Мразь все ближе, ближе...

Он шел по узкому темному коридору. Впереди него двигались еще несколько человек. В конце коридора виден был свет. Первые уже вышли на открытое пространство, а он еще только выбирался из тесного коридора. Перед ними была высокая отвесная стена и двое лезли на вершину. В первом Юрий Иванович узнал священника из старинной церкви в Ойе. Вторым поднимался какой-то рослый и мускулистый парень. Следом за ними на стенку полез третий – русский, высокий мужичок, от тела которого исходило странное сияние. Юрий Иванович почувствовал, что и его подталкивают вверх. Оглянулся и никого не увидел. Толкало что-то внутри. Он полез следом за первыми и скоро поднялся наверх. Они стояли высоко и мир под ними был наполнен тишиной. Зато в небе разыгрывалось невиданное зрелище: полотнища сиренево сияющего, нежного и чистого Света полоскались над их головами. Светящийся мужичок раскинул руки в стороны, и Юрий Иванович ощутил могучую волну силы, наполнившую их всех. Это не была сила Странника, которую он уже испытывал на себе. Живая, добрая и любящая сила нисходила на них с неба и рождала в душах нежность и любовь. Они чувствовали себя одним целым и понимали, что их единение не случайно, что им предстоит какая-то важная миссия...

Юрий Иванович очнулся от прикосновения омерзительно пахнущих, могильно холодных лап. Мразь с улицы дотянулась до него... Он вздрогнул, хотел закричать...

Тишина и покой окружили его со всех сторон. Все было наполнено нежным светом, источавшим блаженный покой и силу. В его волнах он видел своих новых друзей (а он знал, что это – друзья) и хотел помочь им. Он не знал, что нужно делать, но понимал, что помогать нужно. А потом, словно со стороны посмотрел он на себя и увидел, как обнажается его воля и решимость, способность к жестким, безоглядным действиям. Он понял, что это и есть его участие в общем деле... И радость от осознания своей нужности кому-то появилась внутри и он безмолвно закричал: “Братья, примите меня, силу мою примите!” ...

Что-то произошло в светлом пространстве. Они победили! Это он понял, прежде чем провалиться в бездонное, бесконечное забытие...

Очнулся Юрий Иванович утром. Он лежал на кровати в просторной, солнечной комнате. Где-то слышались разговоры и перезвон посуды. Он попытался встать, но едва сумел поднять голову. Тело ныло, как избитое, а руки не слушались вовсе. Огромным усилием, он все-таки поднял правую руку к лицу и застонал сквозь зубы. Вместо ладони была раздутая багрово-синяя подушка, источавшая смрадный запах. Боли он не чувствовал, только пекло ладонь изнутри. Жар растекался от кисти по руке в тело и сжимал клещами сердце...

Он услышал шаги, и в комнату вошел давешний молодой милиционер. Был он без формы, в джинсах и пестрой рубашке.

– Ну вы и дали, – вместо приветствия сказал он. – Я так и думал, что ученые приедут и во всем разберутся. Вы ведь из центра?

Превозмогая боль, Юрий Иванович спросил:

– А что случилось?

– Вы разве не помните? Вы к машине кинулись, когда эти возле забора начали хороводиться. Понятное дело, вам же нужно было вблизи все увидеть... Я понимаю, наука требует жертв...

Парень упорно считал Юрия Ивановича каким-то ученым, который разрубил проблеме своим скальпелем... Вот потеха, узнай этот мильтон, кто сейчас лежит на его кровати.

А тот продолжал: -Вы когда калитку открыли, с улицы на вас какая-то черная пакость кинулась. Мы это в окно видели, никто, правда, выйти не рискнул... А вы вдруг как начнете их излучателем полосовать...

– Каким излучателем?

– Ну я не знаю, чего там у вас было. Это я так, для себя назвал, – смутился парень. – Очень похоже было, что вы их лучом каким-то жжете. От вас свет такой яркий шел... А потом что-то полыхнуло, как молния и завывало страшно. Собаки перед покойником так воют... Мы смотрим в окошко, а по улице как ветер метет. Вся пакость эта несется куда-то... А вы упали возле ворот. Мы сразу не отважились подойти. А потом занесли вас в дом и вот на кровать положили. Только с рукой вашей не знаю... Кто-то из них все-таки задел вас. Но вы их победили! Как они удирали, вам бы посмотреть...

Юрий Иванович окончательно запутался. Смутные воспоминания обрели яркость и четкость. Рассказ парня обострил память. Он помнил себя в двух качествах одновременно: тем новым человеком в переливах света и прежним Бирюком, который выскочил спасать машину и оказался перед лицом невероятной, невозможной опасности.

Он утомленно прикрыл глаза и расслабился на подушке. Тело ломило, трясло, в голове гудело, как в трансформаторе при высоком напряжении. И все же глубоко внутри жила радость. Что-то очень важное свершилось сегодня с его помощью. Что-то очень важное для всех, и в первую очередь для него...

Среди мудрых

Странник еще долго показывал Димке удивительные видения, в которых учил его не только пониманию глубинных побуждающих причин истории, но и мертвым языкам древности, пониманию разных культур, особенностей развития и народов... Словом, после долгого мысленного путешествия по временам, культурным слоям и новым реальностям, Димка знал столько, что мог историкам рассказать все: от сотворения мира. Из этой удивительной лекции кроме огромного массива знаний он вынес самое главное – твердую уверенность, что все, происходящее сейчас в мире не плод стечения случайных обстоятельств, а глубоко продуманная линия развития разных существ. Кем продуманная, кто управляет всеми процессами на земле? Он чувствовал нечто такое, что мысли о его личной самостоятельности сами по себе угасли. Вспомнились институтские лекции по философии, в частности гегелевская формула: “Случайность – есть непознанная необходимость”

Когда курс обучения завершился, Странник снова внимательно посмотрел ему в глаза и в голове у Димки все поплыло. Возникло новое видение:

Несколько десятков человек стоят на берегу бушующего моря. Один – старший говорит: – Буря продлится еще, никто из страны Цхак больше не спасся. Мы несем в себе ее мудрость и должны сохранить ее. Заповеди Предшественников нужно оставить людям, чтобы они могли понять их и воспользоваться...

Мы можем уйти в разные народы и государства и строить там свои модели развития. Но это путь гибели, ибо пройдет время, и все забудется и останется в памяти людей, как мистические легенды. Мы уйдем в мир вне времени и там будем вершить завещанное нам. Оттуда мы сможем выходить к людям и помогать им в поисках высших Истин. Мы исчезнем в щели миров и времени...

Потом гомон, разговоры и перед старшим выходит низкорослый, крепкий человек. Он говорит:

– Мы не пойдем в щель времени. Мы будем с теми людьми, которых нашли в лесах и в горах. Они только начинают свое восхождение, и мы поможем им.

– Берегитесь, такое уже было, и все, кто хотел помочь, оказывались в роли непонятых изгоев...

– Мы знаем! И потому будем действовать по-другому. Мы знаем, как помочь тем, кто сегодня ходит в шкурах и есть корни. Они быстро поднимутся на вершину, и тогда вы придете к нам, чтобы вместе идти к великим рубежам...

Новое видение: большинство людей уходит в сторону темного леса, за которым синеют горы. Оставшиеся на берегу смотрят им вслед с сожалением. Странник среди оставшихся. Он мечется. Ему хочется пойти со всеми, но удерживает понимание, что это неверное решение.

Потом Димка увидел, как на площадке среди прибрежных скал по мановению руки старика возникло уже знакомое ему пятно. Оно стонало и пульсировало. А старик встал спиной к бушующему морю и словно растворился. Димка понял, что он вбирает в себя энергию шторма, фокусирует ее и узким лучом направляет в центр пятна. Оно на глазах наливалось пульсирующей темнотой, и пение его становилось мягче, спокойнее, нежнее. Наконец пятно заполнилось темным и засияло. Это было невозможное, дикое по человеческим меркам свечение: сияло черное. Ослепительный черный свет истекал из пятна. Люди подходили к пятну один за другим, делали какой-то непонятный жест и исчезали в его глубине. Последним уходил старик. Он обернулся к морю и протянул руку ладонью вниз. Волны начали замедляться и скоро превратились в стоячие водяные холмы. Старик что-то пропел высоким, гортанным голосом и поспешно шагнул в пятно. А через мгновение волны с ревом накатились на берег и затопили пятно. Когда они схлынули обратно, берег был пуст...

Он увидел людей, которые пребывали в каком-то подобии громадного мыльного пузыря. Радужная оболочка отделяла огромный объем, внутри которого расположились ушедшие в щель времени. Им предстояло прожить здесь очень долго, но время для них остановилось.

Когда видение исчезло, и Димка вновь вернулся из своего странного путешествия, Странник сказал ему:

– То, что ты увидел, начало истории людей. Мы хотели помочь им в постижении сокровенных Истин бытия. Но что-то нарушилось в нашем замысле. Все наши усилия наталкивались на сопротивление людей. Мы пытались объяснить им цель, указать направление движения. А они все делали наоборот. Мы либо чего-то не понимали, либо ошибались с самого начала. И я ушел от братьев, чтобы встретиться с теми, кто остался с дикими людьми. Пока мы пытались что-то сделать, не выходя из щели времени, на земле прошли десятилетия. И мое появление среди народов было встречено почтением. Люди поклонялись мне, потому что видели во мне одного из царей...

Я посетил всех, кто остался в реальности Земли. Лишь двое были убиты аборигенами. Остальные стали властителями и с высоты своих тронов возвещали людям высшую мудрость. Вводили установления и организовывали жизнь так, что люди начинали жить по законам, которые существовали в нашей стране. Тогда я был тщеславен и глуп. Я тоже захотел стать царем... И стал бы, но братья послали за мной гонца. Он долго убеждал меня, но все слова были напрасны, и тогда он произнес сокровенную фразу..., и я понял, насколько ошибся в собственной оценке. Мы столкнулись с мощью, несоизмеримой с нашими силами. Мы должны были понять ее, но в своей гордыне, не обратили на нее внимания...

Дверь к служению...

Жизнь стала медитацией! После недавних событий: странной встречи в парке и неожиданного прорыва в запредельные реальности, после того как побывал в океане Света, жизнь изменилась качественно. Внешне все выглядело как обычно. Он ходил на работу, тренировался, общался с людьми, занимался какими-то делами, но все это происходило в одном объеме бытия, тогда как он присутствовал в нескольких. Как это выглядело? После возвращения из таинственного путешествия в океан Света, он понял, что идет по улице и одновременно пребывает еще где-то. Раньше, когда он без конца думал, мечтал, это были миры его фантазии. И он легко совмещал их с обыденной жизнью. Мечтами живут все... Но сейчас все изменилось удивительным образом. Он действительно пребывал там, где ему было спокойно, уютно, тепло и надежно. А здесь, на улицах города, на тренировках, дома – везде он чувствовал себя

словно в гостях. Окружающие не догадывались, что происходит в душе у молодого красивого парня. Большинство смотрело на него, как на победителя, “везунчика” и любимчика судьбы. Но это был обманчивый фасад, за которым скрывалось такое, о чем он и сам не мог судить объективно. В какие-то моменты он ощущал себя одновременно в нескольких ипостасях, и здесь, в проявленном мире, жила не самая главная его часть.

Поначалу он пытался анализировать свое состояние, хотел понять: что же случилось с ним, какие внутренние перемены происходят, но потом бросил, ибо на каждое мгновение бытия приходилось столько впечатлений от скрытой внутренней жизни, что проанализировать их не смог бы любой компьютер. Раз происходит, значит так надо, – рассудил Сергей и после этого решения стало намного легче. Он продолжал жить в нескольких параллельных пространствах.

Он пытался читать литературу по психиатрии и психологии, но скоро бросил это занятие, так как следуя книжным определениям, его можно было смело относить либо к начинающим шизофреникам, либо к страдающим другими психическими расстройствами. Попытки рассказать обо всем происшедшем кому-то приводили только к обострению чувства своей странности. Во всяком случае ущербным он себя не чувствовал. Однажды он попытался поделиться своими переживаниями с Учителем. Тот занимался какими тайными практиками самопостижения и, как надеялся Сергей, помог бы ему разобраться. Но когда он начал разговор, Учитель вдруг насторожился, начал задавать странные вопросы и потом оборвал беседу. Он сказал:

– Ты захвачен силами, которые мне непонятны. Я не хочу, чтобы ты оставался с нами. Больше на занятия не приходи. Я еще тогда почувствовал, что в тебе поселилось нечто, но сейчас убедился в этом окончательно. Прощай. – Учитель повернулся и ушел, не оглядываясь... Так Сергей остался совсем один. И неожиданно понял, что несмотря на свою жизненную активность, друзей так и не завел. Многочисленные знакомства и приятельские отношения были на уровне трепки о том, о сем. А для серьезного разговора никто не подходил... Попробовал он обращаться по объявлениям, которыми были заполнены страницы городской газеты. Но все экстрасенсы, гадалки, ясновидящие в изобилии рекламировавшие свои возможности, оказывались, чаще всего, пустышками.

Однажды он пришел по очередному объявлению и, поднявшись на третий этаж старого дома, позвонил у ободранной двери. Послышались шаги, дверь открылась и на пороге он увидел круглого человека. Весь он был мягкий, обтекаемый, и в то же время лучился ощущением внутренней силы.

– Вам кого?

– Да я по объявлению... Экстрасенс здесь живет?

– Вы что, молодой человек, какой экстрасенс? Ошибка какая-то вышла...

– Да нет, посмотрите, вот объявление, ваш адрес...

Круглый посмотрел на газетную страницу и сжал губы:

Кто-то очень неудачно пошутил, юноша! Я здесь ни при чем... Никаких экстрасенсов я не знаю...

– Ну извините тогда... – пробормотал Сергей и повернулся

За спиной услышал голос круглого:

– А что у вас случилось? Может быть, я все-таки помогу вам?

Сергей обернулся и увидел внимательный цепкий взгляд, который, казалось, проникал в глубину...

– Заходите, юноша, мне будет интересно поговорить с вами...

Когда они расположились в крохотной гостиной, мужчина заговорил без всяких предисловий.

– Я давно занимаюсь проблемами духовного самоисследования, много понял и кое в чем разбираюсь. А объявления дали мои соперники. Они думают, что я тайно занимаюсь с какими-

то избранными учениками и хотят таким образом засветить меня. Поэтому я всем и говорю, что в объявлении ошибка. Но вас я почувствовал еще сегодня утром. Проснулся и понял, что ко мне должен прийти человек, которому очень нужна моя помощь. Вот вы и пришли. А то, что вначале я так себя вел – это просто проверка была. Я хотел убедиться, что вы тот самый нуждающийся в моей помощи. Итак, что я могу для вас сделать?

Сергей рассказал новому знакомому о своих переживаниях, о странностях раздвоения восприятия. Умолчал лишь о видениях, после которых все и началось. Да почему-то промолчал о своих способностях по чтению чужих мыслей.

– Все, что вы сейчас наговорили – интересно, но что предшествовало этому? Наверняка, были какие-то неожиданные видения, спонтанные прорывы в иные миры?

– Да, были... – неопределенно промычал Сергей и круглый больше не стал уточнять. Он очень внимательно смотрел парню в глаза и тому начало казаться, что кто-то осторожно касается натянутой в глубине ниточки...

– Вы очень напряжены. Вам нужно расслабиться и снять излишки психического напряжения. Устройтесь в кресле поудобнее...

Голос хозяина звучал ровно, спокойно, со скрытой внутренней силой. Сергей не сопротивлялся. Он почувствовал, как по ногам и рукам потекло тепло, туго натянутая внутри тела нить начала ослабевать и стало приятно. Голова откинулась на спинку кресла, он прикрыл глаза и медленно погрузился в сладостную истому... Он выныривал на поверхность восприятия, проваливался в мягкую темную пропасть, затем снова выныривал...

Когда сеанс закончился, Сергей еще какое-то время полежал, приходя в себя, а потом резко сел. Хозяин смотрел на него удивленно:

– Вы пережили очень сильное душевное потрясение. Это положительный стресс, но вы все время усиливаете его в себе и потому возникло перенапряжение. Сейчас я постарался снять его, но вам нужно серьезно разобраться в себе. Без этого напряжение все-равно будет возвращаться. К сожалению, в нашем городе вряд ли кто-нибудь поможет вам. Вы пережили такое, что многим кажется нереальным и недоступным. Я лишь прикоснулся к переживанию, впечатанному в глубинной памяти – и то будто обожгло. Сожалею, но мы с вами люди разных уровней. Вам дано сразу и много, я бреду медленно, почти на ощупь, и мне не удастся развязать узел ваших проблем.

Несмотря на то, что фактически в помощи ему отказали, Сергей воспринял духом. Все-таки хоть один человек выслушал и даже что-то понял...

Когда он вышел из подъезда, то обратил внимание на замурзанного бродягу, который сидел на скамейке возле дома. Что-то знакомое почудилось ему в этом оборванце. Но он был очень занят своими мыслями и не стал разглядывать бомжа. Не спеша, он шел по улице, улыбаясь июльскому солнышку, своим мыслям, ощущению появившегося внутри чувства покоя... И вдруг в голове зашелестел знакомый шум. Так, бывало, перед тем, как начинали звучать чужие мысли. И следом за шумом прорезался голос. Он не был бесплотным и безличным, как в прошлые разы. Звучал хорошо поставленный баритон:

– Успокоился, чудак! А ведь ничего ты не решил, ничего не понял... Ты хотел избавиться от того, что только начинается... Планида твоя такова, не сопротивляйся лучше...

– Кто это! – отчаянно вскрикнул он. Прохожие испуганно шарахнулись в стороны. Сергей закрутился на месте и наткнулся взглядом на давешнего бродягу. Тот уныло тащился позади него, и когда Сергей взглядом впился ему в лицо, приподнял косматые брови. Их глаза встретились и Сергея словно пронзил электрический разряд... Из-под кустистых бровей в него стрельнули два пронзительных огня такой силы, что он даже зажмурился от полыхнувшего в глаза пламени. Бродяга тут же прикрыл глаза и, шаркая разбитыми ботинками, протасился мимо. Сергей еще немного постоял оживая, а потом, словно замороженный, пошел за нищим. Они долго кружили по окрестным улицам. Оборванец время от времени оглядывался, проверяя,

идет ли Сергей за ним. Потом свернул в какую-то подворотню и исчез за мусорными баками. Сергей шагнул под провонявшие помоями своды и осторожно, чтобы не поскользнуться на пакости, прошел во двор. Дом зиял выбитыми глазницами окон. То ли его собирались сносить, то ли хотели ремонтировать. Но стоял он так, судя по всему, уже давно. Из-за болтавшейся на одной петле двери выглянул нищий и молча поманил Сергея пальцем. Тот послушно подошел и снова в его голове зазвучал баритон:

– Не бойся, ты сегодня сделал важный шаг и пора начинать путешествие. Прими все, что тебе будет дано и будь мудрым.

– А вы не можете так... нормально говорить, – попросил он бродягу. Тот хмыкнул и заговорил густым сочным голосом:

– Все можно, только тебе-то это зачем, ты же слышишь умом...

– Ну, так привычнее...

– Тогда слушай... Ты и сам не заметил, как встал на Путь и теперь достиг степени избранного. Не думай, что в этом какая-то твоя заслуга. Ты лишь продолжил Путь Духа, живущего в тебе. Ты достиг, но это не значит, что будешь наслаждаться плодами достигнутого. Пришла пора испытаний и борьбы. Та сила, что накоплена в тебе, просится в действие. Будь достоин ее и употреби во благо...

– Как это понять? В прошлый раз вы меня...

– Не вспоминай того, что было, не раздумывай над тем, что само идет в руки... Не придумывай себе жизнь! Живи тем, что дается... – оборвал Сергея собеседник.

– Но кто вы? Меня тогда на тренировке избили здорово, а Учитель сказал, что во мне поселилось зло и прогнал меня совсем...

– Кто я? А если узнаешь что-нибудь изменится? Ты сейчас волен все остановить и лишиться данности. Но сможешь ли жить в прежнем своем убогом качестве? Все равно начнешь строить себя заново и придешь к тому же результату... А про меня узнаешь все, дай срок...

– Вы черт?

Бродяга расхохотался...

– Как вы все просто воспринимаете! Разделили мир на Бога и дьявола и считаете, что познали его? Иди, служи Высшему и помни, что жизнь бесконечно сложна и проста одновременно. Вы усложняете ее до бесконечности. Мало кто принимает простоту и живет легко и ярко! Иди...

– Но куда? И как служить?

– Все поймешь в свой час. Иди, не трать время попусту.

– А зачем вы меня преследовали? Зачем эта встреча, раз вы меня гоните?

– Голосу своего ума ты не доверял, не верил знакам и переживаниям. Что тебя еще могло убедить? Только я, ведь ты меня запомнил и искал... Вот я и пришел...

– Но я хотел...

– Иди, скоро дверь откроется, и ты войдешь в служение... – с этими словами нищий повернулся к Сергею спиной и медленно побрел со двора. Он завернул в подворотню, и Сергей кинулся за ним, но там никого не было, словно весь разговор ему пригрезился...

Странное это было состояние: наполненной опустошенности. Он полностью выдохся, обессилен и еле дотащился до дома. Но внутри, там, где раньше он ощущал уютное, теплое и надежное пространство, теперь жила и пульсировала волна силы. Она вздымалась в нем и тогда он еле передвигал ноги. Она опадала, и он ощущал, что оживает... Он никак не мог понять, что происходит: вроде бы наоборот с подъемом внутренней силы должна была появляться бодрость. Дома она разделся и рухнул на кровать. Потрясения сегодняшнего дня выбили его из колеи окончательно. Он уже смирился с мыслью, что стал не таким, как все. Он убедил себя в том, что еще немного и он рехнется, поэтому любые странности в себе он объяснял просто. Но

сегодняшняя встреча и особенно напутствие бродяги подействовали на него угнетающе. Он понял, что становится исполнителем чьей-то воли, и отчаяние от того, что не может противостоять невидимому натиску, оказалось тяжелей самой трудной работы.

Незаметно он уснул и во сне снова увидел бродягу. Тот был в белой длинной рубаше, с блестящими шпильками в волосах. А вокруг него стояли меднокожие люди с черными смоляными волосами. Он увидел, как перед бродягой преклоняют колени украшенные золотыми наплечниками люди. И еще он увидел, как протягивают они руки к сияющему у него на груди золотому диску, и в их руках тех трепещет окровавленный комок человеческого сердца. В ужасе он проснулся и увидел, на стене голубое пятно лунного света. В комнате было удивительно тихо. Такой тишины он не слышал никогда. Обычно за окном шумел город, шелестели листья, на кухне урчал холодильник... А сейчас не было слышно ни звука.

Из лунного пятна на стене вдруг шагнула тень. Она остановилась посередине комнаты, и в голове зазвучал знакомый баритон:

– Время! Дверь открыта и ты должен решить! Войдешь в служение или останешься!

Он не знал, что должен ответить, но вспомнил сказанное сегодня: “Не придумывай себе жизнь, живи тем, что дается...” Он прислушался к себе, к своим ощущениям. Что-то внутри подталкивало его, подсказывало, что он должен идти и служить...

– Я иду... – хрипло произнес он, и тогда тень посередине комнаты снова превратилась в давешнего бродягу. Только был он как во сне – в белой длинной рубаше и с золотым диском на груди.

– Тогда внимай и делай... Открой спину ветру силы и выпусти его из себя...

Он почувствовал, как сила, пульсировавшая в нем, струится сквозь спину и закручивается позади него в большой сияющий пузырь. Тело казалось прилепленным к пузырю, как мошка к куску свежей смолы.

– А теперь думай про спину, все время помни и чувствуй ее! Опрокидывайся назад, падай!

Сергей начал падать назад, навзничь, вначале медленно, а потом стремительно. Но страха удариться головой об пол не было. Он понимал, что падает не тело, а то, что внутри него... И оно не упало, а достигнув нижней точки начало сгибаться и перекручиваться. Он чувствовал, что внутренняя сущность оборачивается в нем, как будто делает обратное сальто...

Комната и странный бродяга исчезли. Он перестал видеть, но чувствовал стремительное движение в чем-то сером. Когда оно замедлилось – он оказался перед чертой. За ней веером разбегались в разные стороны несколько тропинок. Три были видны отчетливо, а остальные терялись в призрачном тумане. Три ярких тропинки начали пульсировать и раздвигаться, как будто уступали место... И возникла еще одна, чуть светящаяся. Он понял, что эта тропинка – его. И более не раздумывая, шагнул на нее. Он еще успел почувствовать, как прогнулась под ним упругая поверхность, и тут же оказался у перекрестка, где все четыре тропинки соединились в одну дорогу. Почему-то он стал искать глазами камень, на котором были бы написаны слова. Но камня не было. Он ощутил, что дорога ждет, когда он шагнет, и он шагнул... Что-то мигнуло вокруг, с глаз упала пелена и он снова увидел луну. Сперва он решил, что все видения – это галлюцинации, но тут же сообразил, что уже не сидит, а стоит, и вокруг него все другое.

Он стоял возле старинного храма, сверкавшего в лунном свете белыми стенами. Прохладный воздух был напоен густыми ароматами зелени. Впереди он разглядел решетчатую ограду. А за ней на полях увидел клубки черноты, которые сливались и плотной волной медленно приближались к церковной ограде. Сергею вся эта картина показалась знакомой. Он силился вспомнить, где видел подобное, но никак не мог. За его спиной со скрипом отворилась дверь храма и на крыльцо вышел невысокий священник. И Сергей вспомнил свое путешествие в потоках благостного Света. Он пребывал в горних высях и видел, как внизу по залитой лунным светом котловине ползла густая, слоистая темная масса. От нее веяло ужасом неживого.

В глубинах этого кошмарного потока то и дело рождались и исчезали жуткие видения. То чье-то окровавленное лицо, то рот, распахнутый в страшном хрипе. А то выныривали безумные, наполненные болью, мукой и ужасом глаза.

Он увидел священника, который встал перед волной тьмы, раскинув руки. Он услышал бесплотное: «Помогите ему одолеть нечисть!» И понял, что нужно делать. Раскинув руки, он послал наполнявшую его силу на помощь маленькому человеку в рясе. Могучий поток концентрировался в образе сверкающего креста позади батюшки. Сила нарастала, и Сергей почувствовал, как гудит и вибрирует пространство вокруг него. Стекающими с ладоней лучами силы Сергей вонзился в плотную черноту, словно копьями и жег ее, испепелял, разрывал на части и снова жег... В пространстве, наполненном мягким лунным светом, раздался жуткий вопль. Поток черноты был разорван, он спешно откатывался вдаль, к болоту, в глубину темнеющего у горизонта леса.

Воссоединение

Раз в шесть месяцев все лекари собирались в храмах Высоких Наставников. Эти собрания использовались также и для того, чтобы через Наставников лекари могли общаться меж собой и обсуждать важные жизненные проблемы. Как всегда, готовились к собранию загодя, очищались, постились, стирали глубинные психологические комплексы, чтобы во время общения никто из коллег не мог уловить в другом даже тени душевного смятения.

Для Доктора очередное собрание лекарей должно было стать новой жизненной ступенькой. Наставники уже давно говорили о последней ступени посвящения, о том уровне, выше которого только они сами. Таких мастеров в мире были единицы. Жили они в дальних укромных уголках, где готовились к переходу в сонм Наставников. Годы служения они использовали для постижения тайного знания, перестройки тела в состояние нематерии. Даже лекари высших посвящений мало знали о жизни мастеров. Смутные слухи, домыслы, легенды... Мастеров было очень мало, а спрашивать про них у Наставников никто не решался. Наставники были всегда, это являлось непреложным законом бытия. Таким же законом было то, что Наставники знали все, а обычные люди знали только то, что они могут прийти на помощь любому в нужное время. Степень нужности и момент помощи определяли сами Наставники. Историки, правда, упоминали о древних легендах, когда мир был разорван на множество островков жизни, и Наставников еще не было... Но от той жизни оставались только черепки в хранилищах древностей, да еще страшные рассказы о мертвых лесах, огромных волнах на море, пересохших реках и массовом уходе людей из жизни. Тогда это называли смертью.

Когда Доктор учился, в курсе мировой истории студенты знакомились со страшной картиной прежнего мира, смотрели непонятные ленты тех лет, слушали голоса давно ушедших людей, но не могли связать древность со своим сегодняшним житьем. Помнится, тогда больше всего удивляло то, что все, как один, боялись смерти. И почему-то люди говорили только о живом и мертвом. Он прослушивал лекции без особого интереса и сейчас все позабыл. А когда Наставники предложили ему подняться на последнюю ступень иерархии лекарей, он неожиданно вспомнил те, давно забытые лекции. Захотелось ему послушать исторические монологи...

В хранилище древностей ему подобрали все необходимое, и он заперся в специальном кабинете, чтобы погрузиться в мир давно ушедшего...

Видеообъем вспыхнул посередине комнаты, и вход в него начал переливаться разноцветными огоньками. Доктор решительно шагнул внутрь и сразу же оказался в самом эпицентре песчаной бури. Свирепый ветер нес тонны песка, выл и свистел в решетках каких-то конструкций, заметал песчаными сугробами остатки зданий. Воздуха практически не было, вместо него тончайшая взвесь песка обдирала кожу, залезала в щелки одежды и просачивалась сквозь

поры кожи. Голос комментатора говорил: “Большинство городов превратились сначала в перенаселенные мегаполисы, а потом в рассадники болезней, источники опаснейших эпидемий. Люди уходили из городов, но от бывших лесов остались жалкие рощи, которые тонули в мусорных отходах. Со всех сторон на людей наступала пустыня, одна за другой следовали песчаные бури. Раз от разу они становились все более свирепыми и мощными. Вы видите критический момент, когда большие города исчезли, все годное для жизни пространство мира поглотил песок. Остались кучки людей в разных уголках планеты. Наука исчезла вместе с промышленными центрами, техники, способной противостоять разрушению природы, больше не было. Люди оказались перед угрозой полного исчезновения своей культуры. Ко всем бедам присоединились эпидемии новых болезней, которые были похожи по своим клиническим проявлениям на прежние, но совершенно не поддавались традиционной терапии. Организм человека был перенасыщен химическими соединениями, и даже ничтожные дозы препаратов вызывали ужасающие реакции, как правило, приводящие к гибели больного. Первой описанной болезнью той волны стала песчаная язва. Вы видите запись обследования больного с таким диагнозом”

Доктор, живший сейчас событиями внутри Видеообъема, увидел перед собой истощенного человека без кожи. Ее остатки клочьями висели на локтях и коленях, а остальное тело было сплошным кровоточащим куском мяса. Больной не мог ни стоять, ни лежать, ни сидеть. Не было кожи и любое прикосновение к телу вызывало у него мучительные боли...

“Врачи оказались бессильны перед новыми недугами. Они не могли оказать помощь пациентам, которых становилось все больше. Разрушенная природа мстила людям. К этому времени относится первое проявление Наставников. Сейчас вы увидите их вмешательство в...”

Изображение замельтешило, сверкнуло и погасло. Доктор изумленно огляделся. Он пребывал в темноте, пронизанной колющими вспышками света. Они стремительными бросками перемещались по всему пространству и, казалось, окружали его со всех сторон. В голове зазвучал голос его Наставника:

– Тебя ждет служение большее, чем то, которое ты исповедуешь сейчас. Оставь свои поиски, не ищи причин происходящего. Ты хотел начать служение и подготовиться к посвящению... Иди и служи...

– Куда? Разве я не могу служить своим знанием и опытом?

– Служи им, но не здесь. Твоя сила нужна тем, кто отделен от тебя, но ждет помощи... Иди...

Доктор почувствовал, как тело его начинает проваливаться спиной назад, как будто он падал в яму. Потом падение превратилось в перекручивание. Тело выполняло обратное сальто в падении... Когда акробатика завершилась, Доктор перевел дух, тренированное сознание растеклось вокруг тела чувствительным полем, собирающим информацию об окружающем мире. Было темно и тихо. Где-то слышался однообразный негромкий звук, пахло незнакомыми ароматами, воздух слоился полосами тепла и прохлады. Ощущения донесли чувство грозной опасности, волной катившейся издалека.

Доктор огляделся и увидел странные приземистые дома, освещенные призрачным светом луны, узкую улицу, изрезанную черными тенью заборов и крыш. И за домами различил силуэт белого высокого здания причудливой формы. Он понял, что волна угрозы и опасности нацелена именно туда и там его ждут... Он побежал по улице к белому дому...

Возле причудливой металлической ограды, окружавшей двор, он увидел плотную черноту, которая киселем лежала на траве и медленно колыбалась, как предутренний туман на озере. Чернота еще не добралась до ворот и доктор успел проскочить мимо нее во двор, туда, где возле белых стен виднелись фигуры людей. Он приблизился к ним и спросил:

– Что мне делать?

Ему не ответили. Люди всматривались в пространство за оградой, словно ожидая откуда неожиданной атаки. Доктор встал рядом и ощутил, как их поле втягивает его в себя. Он увидел,

как накрывший их энергетический купол, заметно увеличился и засверкал. И в этот момент ударила первая волна черноты. Она перехлестнула через забор и с хлюпающим звуком обрушилась на людей. Однако добраться до них не смогла – наткнулась на радужную оболочку купола и откатилась обратно – к забору. Вперед вышел небольшого роста человек с бородой, в необычной черной одежде. На его груди в лунном свете сверкал символ в виде перекрещенных пластин. Он встал на пути черноты и широко раскинул руки...

Доктор посмотрел на него и вдруг вспомнил свое недавнее видение. Он поднял лицо к небу, распахнул руки и мыслью обратился к Наставникам. Он просил помощи. И она пришла. Он раздвоился и почувствовал себя стоящим рядом с людьми на земле и одновременно где-то в неведомом мире, среди водоворотов света и кипящих потоков силы. Его взор различил очертания Наставников. Они раскрывали тоннели, через которые сила низвергалась на людей. Доктор раскрыл грудь, чтобы принять силу в себя. Он понял, что Наставники сейчас направляют Вселенскую мощь из непостижимых глубин Космоса на людей. В ней было такое, о чем даже он, лекарь высших посвящений не знал. Это был иной уровень жизни, качественно другое состояние бытия. Доктор ощутил, что все окружающее их пространство наполнено жизнью. Оно само живое и едино в бесконечном разнообразии форм проявления. И еще он почувствовал любовь. Это было совершенное по чистоте и яркости состояние. Живое пространство любит его не за что-то конкретное, как часто любят люди друг друга. Его любят за то, что он есть, живет в мире и что-то делает... Эта любовь была наполнена мудростью, нежной заботой и счастьем. Всякий, прикоснувшийся к ней становился счастливым.

Потоки силы через него распространились на других. Люди стали единым организмом, и доктор в нем был источником силы. Первый – невысокий человек, стоявший впереди всех источал благодать и чистоту. Что исходило от другого, доктор пока не понял, да это сейчас было неважно.

И вдруг что-то изменилось в окружающем пространстве. Доктор своим двойным зрением видел, как вдали, где были те, двое, возникло облачко опасности, угрозы. И он же, стоявший рядом с ними, чувствовал смрадное дыхание беды... И он раскинул руки в стороны, растворил тело в струении света. Оно стало линзой, сквозь которую многократно усиленный поток, полный воли и решимости устремился к тем, кто противостоял опасности. Он чувствовал могильный холод черноты, колющими ударами проникавший в сердце, и концентрированный страх, сжатый до плотности непереносимого ужаса. Столкновение двух сил...

Волна черноты новым броском чуть не смяла невидимую оборону, но люди ощутили, как к ним притекает Сила и ограждает неприступной стеной.

А потом возникло еще что-то непонятное, страшное, что разорвало единую оборону людей, раскидало их в стороны и каждый оказался один на один с кисельно вязкими, мерзкими сгустками враждебной силы. Доктор из глубин пространства, наполненного светом и посылал людям потоки энергии и одновременно оставался человеком, голыми руками сражавшимся с нечистью. Из черной пелены выныривали жуткие уроды, полуистлевшие мертвецы, хрипящие рожи, сгустки страха с глазами... И Доктор рывком ухватил какое-то страшилище за шею и длинный скользкий хвост, рванул что было сил и отбросил в разные стороны ошметки трепыхавшейся холодной плоти. И вдруг почувствовал, что битва выиграна. Трудно передать словами чувство внезапного облегчения и понимание – они победили!

Доктор огляделся и увидел, что вперед вышел бородатый человек, а позади, вознесясь высоко в темное небо, искрится и сверкает огромный крест. Великая сила лучилась от него, и волна черноты стремительно откатывается обратно, к темнеющему вдали лесу. А сверху, с неба, сияющие лучи силы вонзались в нее, разрывали на куски, жгли и давили остатки. Вопль страха и ненависти висел над полем. Остатки нечисти, побитые, раздавленные, но не сдавшиеся, уползали в свои норы....

Часть вторая «Испытания»

Одним из условий бытия людей является наличие времени. Время – это процесс бесконечного количества начал и окончаний каких-то событий (будь это глобальные ситуации или ничтожные взаимодействия). Оно присуще людской культуре именно потому, что логика цивилизации ориентирована на линейное развитие процессов. Любой, более высокий, нежели человеческая общность, уровень бытия имеет либо надвременную структуру, либо вообще пребывает вне времени и потому безначален и бесконечен. Человеческое воображение не в силах понять и принять это состояние мира, ибо для него нет образцов и аналогий в людскими арсенале понимания. Бог безначален и бесконечен, равно как и вселенная. Новые космологические теории, говорят о конечности НАШЕЙ вселенной, но что стоит за ее порогом, какие дали и просторы разворачиваются за границами нашего восприятия, мы даже предположить не можем, ибо не имеем опыта такого восприятия, не имеем аналогов, с которыми могли бы сравнить подобные переживания.

Часто людей, коснувшихся неизведанных глубин непознаваемого, относят к сумасшедшим. В чем-то это утверждение справедливо, ибо они познали нечто выходящее за рамки привычной логики. Древние считали сумасшедших Божьими людьми и относились к ним с мистическим почтением. Что видят эти люди в глубинных переживаниях, с какими сущностями вступают в контакт, в каких вневременных полях путешествуют они? Вопросы без ответов.

Наука говорит и делает то, что понятно и доступно логике восприятия. Иные идеи относят к бредовым и долго не воспринимаются. И все же наступает момент, когда бредовая идея становится понятной многим и тогда захватывает людей, и ведет за собой.

Время – это линия, проведенная на ткани Вселенной. И подобно тому, как линия на бумаге имеет начало и конец, подобно тому, как каждый отрезок этой линии существует одновременно со всей линией, время наше дискретно в восприятии каждого конкретного человека, и линейно и непрерывно для стороннего наблюдателя. Все события древности, современности и будущего уже свершились и существуют одновременно в разных отрезках линии времени. Они отражаются в восприятии конкретных людей, и завершение этих процессов означает только то, что восприятие человека завершило формирование своего отношения к происходящему событию и он сам продвинулся по линии времени дальше. А само событие осталось на линии времени и существует вне зависимости от памяти людей, перешедших на другой отрезок линии времени.

Существует утверждение: сегодня – это острое времени, а все, что было мгновение назад уже ушло в «прошлое» – есть лишь дань людской самости. Человек считает, что только тот момент времени, в котором он ощущает себя и есть точка «сейчас». Но то же самое может сказать человек вчерашнего дня или человек из послезавтра. Точек «сейчас» на линии времени столько, сколько мгновений проживает человек. Человеческое восприятие точки «сейчас» и является причиной возникновения времени. Оно существует до тех пор, пока мы создаем его. Оно управляет нами поскольку мы уверены, что все в этой жизни имеет «начало» и «конец». Отрешиться от этой жизненной программы человек не может, потому что избавление от нее повлечет за собой перемену всех жизненных аксиом. Готовы люди к этому? Большинству не хочется даже задумываться над таким непонятным явлением, как время. Проще придумать парадоксы темпоральных переходов или какие-то иные удивительные фокусы. Но наступает миг, когда появляется вопрос: что я такое, зачем живу, для чего ползу по жизни? Это все отголоски главного, произнесенного вопроса: почему я в потоке времени, как утлая лодчонка в бурной стремнине? Неужели нет выхода на берег, твердый и прочный, на берег безвременья? И где кончается линия времени?

Вперед, в прошлое...

То, что произошло с Юрием Ивановичем в последнее время изменило его жизнь настолько, что он уже не удивлялся ничему. Но парадокс с одновременным сосуществованием прошлого и будущего, о котором рассказал Доктор, показался ему совсем уж заумным, и он решил не ломать голову. Раз говорят, что так есть, пусть так и будет, а он живет в своем времени, занимает нишу и хочет оставаться там, где его знают, уважают, и даже, как выяснилось, любят. Поначалу, чувство нужности кому-то было для него странным. Он привык, что его боялись, уважали его силу и авторитет, но, чтобы любили не за что-то, а за сам факт бытия, за то, что он есть – в его сознании укладывалось с трудом. После встречи с Братьями, все в нем перевернулось.

Однако, когда он вернулся в город, как ему казалось, новым человеком, воспоминания о недавних фантастических событиях притупились. Пропало ощущение остроты пережитого, исчезло благостное внутреннее состояние... Если по утрам он еще пребывал в состоянии внутреннего счастья, то к обеду засасывала текучка дел. Общение со своей командой тоже заставляло напрягаться. Чтобы по-прежнему удерживать вожжи в руках, нужна была жесткость и решительность. Первое время он хотел совсем отказаться от своих дел, да только понял, что, если отпустит архаровцев на волю, они такого натворят, что город ахнет. Пока их держит страх и жесткая дисциплина, они живут в каких-то рамках. Но стоит ослабить контроль – начнется анархия, по-нынешнему – беспредел... После нескольких недель такой жизни, Юрий Иванович вдруг понял, что теряет все, что приобрел. Вновь проявились в нем жесткость и решительность, а иногда и бывала жестокость к тем, кто делал не так, как ему хотелось бы. Причем, часто он ловил себя на том, что видел решение какого-то вопроса определенным образом, но никому свое мнение не высказывал. И когда люди, что-то исполняли не так, как мыслил шеф, его накрывала ярость. Откуда что бралось! Он мог не просто накричать или ударить... В запале мог и попросту изуродовать. С тоской он осознавал, что стремительно откатывается назад, откуда вырвался недавно, а, может быть, падает еще глубже. Но понимание не спасало, а только усугубляло его страдания. Пережив счастье внутреннего освобождения, прикосновения к Силе, он надеялся, что изменился и не сможет больше жить по-прежнему. Но старая жизнь держала его мертво и отпускать не собиралась.

Когда он вернулся в город, на него обрушился вал проблем, решать которые надо было быстро, и, порой, безжалостно. Сначала он оставался бесстрастным, но скоро снова заразился эмоциональными порывами и начал действовать, как и прежде – с яростью, азартом, злостью и ненавистью...

По вечерам, когда лежал в постели, он пытался анализировать прожитый день, скрипел зубами от бессильного стыда за те поступки, которые в порыве эмоций совершал днем. Он понимал, что откатывается в темное болото страстей. Понимал, что началась пора испытаний, о которой предупреждал Странник... Но поделаться с собой ничего не мог. Слишком сильны были стереотипы, выработанные годами прошедшей жизни. А рядом не было никого, кто бы поддержал...

Однажды, после очередной вспышки, он разогнал своих соратников, сел в машину и укатил в Ойю, к отцу Никодиму. Долетел до отдаленного райцентра быстро и как был в пыли и грязи, в злобе и ярости, ввалился в храм. Священник выслушал его сбивчивый рассказ, потом повел в дом, накормил обедом, напоил чаем и пригласил прогуляться по церковному двору.

Когда они подошли к могилам священников, отец Никодим мягко сказал:

– Вот, посмотри, Юра. Здесь упокоились люди, которые страдали, мучались, быть может, не меньше твоего. Только у них страдания были более изощренными. Ты вот мучаешься от ярости, от злобы своей. Но понимаешь их, слава Богу, ибо видишь, что гнетет тебя. А у них

страсти были... Казалось им, что достигли они истинно важного в жизни: праведности, святости, смирения и скромности... И жили в радости от того, что служили Господу, и наслаждались тем, что нисходит на них смирение и благодать... А потом... Потом, вдруг понимали, что все их сладостные состояния – есть лишь гордыня! Гордыня от осознания собственной праведности и скромности куда страшнее внешней злобы или ярости... Им казалось, что в служении Богу обрели радость бытия... А Господь все видел и давал каждому из них прозрение, что служение было не столько ради Высшего, сколько для тайного удовлетворения собственной гордыни. Ох как далеко она спрятана в нас... Сразу не разглядишь, да и постаравшись – не всегда откроешь...

– А ты-то откуда все это знаешь?

– Мне, Юра, такое же дано было... И страдал, и мучился, и их чувствовал, – кивнул отец Никодим на зеленые могилы священников. – Поначалу думал, что эти страдания – не страдания, а так – забава. Ан нет! Когда мозг страдает, сознание – это одно. Пережить можно... А когда душа мечется в поисках выхода из сладостных ловушек, тогда и начинается настоящее страдание... А ты, Юра, только первый круг страданий начал...

– Так что же жизни нет, сплошь страдания?

– До тех пор страдать будешь, пока не поймешь, что страдание дано для того, чтобы понять себя изнутри! И отпустит сразу... Легко станет, благостно...

– А жить-то когда? Каждый день страдай, мучайся! Так и жизнь пролетит – не заметишь!

– Что ж, по-твоему, лучше ее провести в бездельи, да поедании котлет? Для того и дается все, чтобы остро понял прелесть жизни, ощутил сладость просветления...

– Мудрёно все это! Ты лучше мне скажи, что там дальше-то, за страданием идет?

– Да разве же передать это словами? Ты, мил друг, только начал путь по жизни, а уже норовишь в его конец заглянуть. Это в сказках все быстро делается. А ты должен всю прошлую жизнь передумать, осознать, понять ее и оценить себя...

Долго еще отец Никодим с Юрием Ивановичем ходили по церковному двору, сидели на позеленевшей от времени каменной скамейке под березами. Речь священника журчала и, казалось, что в шелесте листвы позванивает тоненький ручеек. Юрий Иванович прикрыл глаза, растворился в звуках его голоса...

Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Что с вами? – услышал он голос. Открыв глаза, он увидел прямо перед собой незнакомое лицо. Скуфейка на голове, редкая борода, обтрепанная ряса и тревога в глазах...

– Что с вами? Вам плохо?

– Ты кто? – удивился Юрий Иванович. – А где Никодим?

– Здесь нет Никодима, вы себя нормально чувствуете?

Что-то было не так в окружающем мире. Юрий Иванович понял это, но не мог сообразить, что переменилось вокруг. Он встал и, не обращая внимания на собеседника, шагнул к церкви и внутренне ахнул. Храм был ободранный и облупившийся, половины берез не было, а у церковной ограды торчали старые сухие стволы...

– Где это я? – тревожно спросил Юрий Иванович, хотя уже начинал понимать, что волею providения он заброшен в... Куда, он бы не смог сказать сразу

– Вы разве, гражданин, не знаете где находитесь? – насторожился священник. – Это церковь наша районная. У меня и разрешение исполкома есть. Вы, наверное, из области приехали? Из облсовета?

– Я приехал... Да, да, из области... А почему это храм-то такой неухоженный?

– Средств на ремонт нет. Приход маленький, бедный. А когда все налоги заплатим, то даже на зарплату не остается. – Священник сконфузился, как показалось Юрию Ивановичу от того, что пришлось жаловаться на скромное житье.

– Так вы к нам из области? Милости прошу ко мне, пообедаем, а потом и к делу...

Священник приглашающе указал рукой в сторону маленького домика за оградой церкви. Юрий Иванович мог поклясться, что никакого дома несколько минут назад там не видел. Не было его... Но внутреннее чутье подсказывало, что началась очередная удивительная история в его жизни, и потому лучше не проявлять дремучей непонятливости...

Вместе со священником они прошли в дом, и в полутемных сенцах Юрия Ивановича встретила стройная худая женщина.

– Матушка моя, Галина... А это представитель из области... простите, не знаю как вас...

– Юрий Иванович меня... Он уже понял, что произошло нечто невероятное, но что именно – пока разобраться не мог. Следом за попадьей он прошел в бедную, чисто прибранную комнату и сел за стол, покрытый клеенкой. Женщина проворно повернулась к печке и сунула в жаркий зев ухват. Вытащила чугунок и ловко поставила на дощечку в центре стола. От чугунка густо тянуло разваренными овощами. Дверь открылась и в комнату вошел священник с самоваром в руках. Он поставил поющий самовар на краешек стола и достал из шкафа большие бокалы.

– Чаю, к сожалению, хорошего в магазине нет, так мы приспособились травку заваривать. Матушка у меня здорово смородиновый лист со зверобоем сочетает. И вкусно и полезно. Надеюсь, вам тоже понравится... Ну что там, в большом мире делается? Мы здесь живем, оторванные от всех. Дорогу вон весной еще размыло, так до сих пор не починят... У нас из-за этого даже в райком газеты не подвозят. Пользуемся радио. У нас есть здесь один любитель – собрал детекторный приемник, кое-что слышим...

– Подождите, уважаемый... Я, как бы это сказать... Не совсем к вам из области. Я из центра, только другого...

– Священник вдруг жалобно улыбнулся и сказал:

– Вы, верно, из органов, да? «Значит и мне пора...» —утвердительно произнес он. В этот момент что-то громко стукнуло. Юрий Иванович вздрогнул и оглянулся. Ухват выпал из рук попадьи, а сама она, закусив губу, тихо оседала по стенке. Взгляд ее огромных, запавших глаз был затравленным, и обреченным...

– Ну, что ты, Галя, что ты! Видишь ведь, что сейчас делается. Хорошо, детей нам Господь не дал... Хоть за них с ума сходить не буду... А вы... Ешьте, да пошли, чего тянуть-то! Итак уже месяц не спим, все ждем...

Юрий Иванович сначала ничего не понял. Но постепенно до него стал доходить смысл происходящего.

– Вы что же, думаете, что я за вами пришел?

– Думай, не думай, раз пришел, значит пришел... -И потом – с отчаянной решимостью: – Всех забираете, значит и моя очередь настала...

– погоди, батюшка! Да не за тобой я вовсе. С чего ты взял. Я вообще здесь случайно оказался...

– Случайно к нам не попадают. Сюда только старики, да старухи ходят, а вы говорите случайно... Вы не играйте со мной, гражданин хороший! Я ведь все равно ничего не знаю и сказать вам нечего. Враг народа – пусть так и будет, а я не враг, хоть режьте меня...

Маленький, взъерошенный священник был похож на воробья после драки. Он пыжился, пытался сохранять независимость, но за всем этим просвечивал страх. Он боялся за себя, за жену, за скудную и нищую жизнь, которую, как ему казалось, сейчас покинет навсегда...

– Вас как зовут, батюшка?

– Алексеем, – ошарашено ответил священник.

– Ты вот что, Алексей. Отправь попадью гулять, а нам с тобой потолковать надо.

– Чего толковать-то! Арестовывайте... Мне от нее прятать нечего...

– Да погоди ты, дурак! Никто тебя хватать не собирается...

После долгих препирательств, когда до священника дошло, что его гость не из «органов» и к нему попал по недоразумению, его разобрало. Веселость лилась через край. Он стал оживленным, смешливым и подвижным, как шарик ртути. А матушка Галина, наоборот – ослабела и перебирая руками по стене, доплелась до кровати и тихо прилегла...

– Пойдем на крыльцо, потолкуем.

После недомолвок и словесных ловушек, Юрий Иванович выяснил такое, что ему стало худо... На дворе стоял июнь сорок первого года. Местные органы НКВД затеяли новую волну арестов и мели подряд духовное сословие. Вот Алексей и решил, что настал его черед. Судя по числу месяца, которое назвал священник, через несколько дней должна была начаться война. Бирюк ахнул про себя: вот так занесло его... И почему именно сюда? И что он тут делать будет? Но понимал: терпи и жди... Все прояснится... Священник оклемался от пережитого страха и теперь наседали на своего гостя с расспросами. Что творится в мире, откуда тот приехал, как перебрался через реку, (ведь мост-то еще весной снесло половодьем – до сих пор не сделали). Юрий Иванович как мог отвечал, чаще уклонялся от ответов, чтобы не брякнуть чего не впопад.

Смеркалось. И хотя летний вечер тянулся долго, хозяева после волнений рано улеглись спать. Юрию Ивановичу постелили в сенях, в выгородке, которая заменяла чулан.

Ему не спалось. Он даже не пытался понять, что делать дальше, как себя вести, куда идти... В кармане были новые рубли, и тысяча долларов. Пачка сигарет “Marlboro”, зажигалка в виде голой женщины. Надавишь на грудь – изо рта выскакивает огонек. Ни документов, ни знания здешних порядков – ничего. Да с такой экипировкой его первый же чекист остановит и враз разоблачит, как иностранного шпиона. Еще бы – такие вещдоки...

С невеселыми мыслями он задремал, а проснулся от того, что кто-то настойчиво стучал в окно. Он услышал, как в комнате завопились хозяева, прошлепали босые ноги, глухо охнула женщина... За дощатой стеной сеней звучал уверенный, властный голос.

– Открывайте, гражданин Федосеев, открывайте. И чем тише, тем лучше...

Священник в одном исподнем вышел в сени и откинул крючок с двери. С крыльца, из серой летней ночи вошли трое. От них пахло потом, сапожным кремом, табаком, и какой-то странной решимостью. Никогда бы Юрий Иванович не подобрал определения для этого запаха, но знал его хорошо. Так пахли конвойные вертухаи в зонах и на этапах. Он мог различить этот запах даже во сне.

В комнате гудели голоса. Юрий Иванович прислушался, но различил только жалобные причитания матушки Галины, да быстрый говорок священника. Надо было что-то делать...

Он быстро встал, оделся, бесшумно скользнул из чулана в сени. На фоне серого неба увидел на крыльце еще одного. Тот стоял спиной к двери, смотрел вдаль и медленно курил. Он не чувствовал опасности и не ждал ее. Он был полностью уверен, что сейчас пописка отведут куда надо – и никто, (никто!) не посмеет даже слова поперек сказать... Чекист не думал, что в спину сейчас смотрит человек, который много навидался и натерпелся от таких вот уверенных в непогрешимости представителей власти.

Юрий Иванович шагнул на крыльцо. И когда чекист обернулся на звук, умело всадил кулак ему в солнечное сплетение. Тот даже не охнул, лишь удивленно посмотрел на неожиданного противника и бесформенным кулем осел к его ногам. Отступать было поздно, да и некуда. Вокруг целая страна, хоть и родная, но чужая и враждебная. И каждый в ней готов вцепиться в горло посягнувшему на железных борцов с контрреволюцией... А чекист помаленьку приходил в себя. Боль затихала, и он попытался вдохнуть. Юрий Иванович понял, что еще мгновение и поднимется шум. Тогда уже не выбраться...

Он почти без замаха, коротким рубящим ударом под ухо, опрокинул противника лицом на грязные доски крыльца. Он увидел на поясе кобуру с оружием. Уже не думая, рванул клапан кобуры и выхватил теплый «ТТ». Вытащил запасную обойму и, не особо церемонясь, стянул

противника за ноги с крыльца – на землю. Тот мягко шлепнулся в крапиву и остался лежать неподвижно.

Юрий Иванович звериным движением шмыгнул на крыльцо и подобрался к самой двери в комнату. Она была приоткрыта и теперь оттуда не слышно было голосов. Только изредка что-то переворачивали и бросали на пол. Он заглянул в комнату и увидел, что пришедшие планомерно переворачивают весь дом. Что они ищут – наверное не знали и сами. Священник с женой покорно сидели на лавке возле стола, и столько в их фигурах было обреченности, что Юрий Иванович более не сомневался... Он распахнул дверь и вошел в комнату. Проводившие обыск сотрудники лениво повернулись к нему и очень удивились. Вместо своего четвертого товарища они увидели незнакомого крепкого мужика в необычной одежде и с пистолетом в руке. Один попытался было выхватить свое оружие, но Юрий Иванович резко гаркнул:

Стоять! Шевельнется кто – мозги вышибу!

Угроза подействовала. Чекисты замерли и внимательно смотрели на своего врага.

– Для чего вам поп? Кто старший – отвечай!

– У нас приказ! Мы его обсуждать не намерены. А вы лучше сдайте оружие и добровольно отправляйтесь с нами. Тогда, может быть, сумеете выкарабкаться...

– А если я тебя сейчас шлепну?

На лицах всех троих появились страх и недоумение. Они не могли понять, как это так, их сотрудников всесильного НКВД, грозу врагов, карающий меч народной власти, держит под прицелом неизвестный, явно в заграничной одежде. Настоящий шпион и диверсант... Они были настолько уверены в своей неуязвимости и неприкосновенности, что даже мыслей не появилось о том, что кто-то может сопротивляться им...

Все эти соображения явственно читались на лицах уездных борцов с контрреволюцией. По-видимому, из всей оперативно-боевой подготовки они усвоили только четкое правило: их боятся все, они не боятся никого, кроме начальства...

– Немедленно сдайте оружие и отправляйтесь с нами... – грозно повторил старший.

Юрий Иванович задумчиво посмотрел на него и сказал:

Знаешь, мент! Тебя я шлепну первым, а потом примусь за остальных... Молись, вертуйся! – он медленно поднял пистолет и прицелился в старшего. Тот побелел, но твердости в голосе не убавилось:

– Прекратите комедию. Вы вступаете в конфликт с законом и потому становитесь вне закона... Берите его, – заорал он вдруг и бросился на Бирюка...

Если бы этого не случилось, то, скорее всего, Юрий Иванович, попугав для остротки, потихоньку смылся бы вместе со священником. Не было у него намерения убивать этих служивых. Но ему пришлось отбиваться, чтобы спасти себя... Районные оперативники – вчерашние рабочие, прошедшие маломальскую подготовку. Система рукопашного боя девяностых годов была для них невероятной, непонятной, загадочной и непостижимой. Размахивая кулаками, они пытались схватить Юрия Ивановича, но натывались на злые короткие удары в болевые точки, падали, поднимались снова и тут же отлетали в разные стороны от этого странного мужика. Схватка длилась с минуту. Обездвиженные, стонущие от боли, они валялись на полу, не в силах даже пошевелиться. Их противник у каждого отобрал оружие и документы. Потом обернулся к священнику с женой, все также безучастно сидевшим на лавке возле стола:

– Собирайся, Алексей! Пора отсюда бежать... Скоро их хватятся, пришлют наряд, и тогда придется со всей районной конторой сражаться... А у меня на них зла нет... Пошли..

Священник сидел, потупившись, и только когда Юрий Иванович потянул его за руку, встрепенулся... Потом посмотрел на побоище в комнате и помотал головой...

– Вы уж идите сами... А мы... Куда мы с ней денемся? По лесам прятаться? Я не умею... Да и не бандиты мы. Раз власть пришла, значит было за что нас брать...

– Да вы что! – Юрий Иванович не мог говорить. Он хватал ртом воздух, силился что-то произнести, но вместо этого только шипел и махал руками... Потом выдал все-таки:

– Бараны! Вы что, вас же расстреляют обоих... Какая власть, ох...ли совсем! Вам же вышка светит, долбо...бы... – и резко оборвал себя. Священник с женой сидели, смиренно сложив руки на коленях. Они уже перестали быть людьми, они были живыми покойниками, которым все равно, что с ними будет позже. Они не просто смирились со своей участью, но приняли несправедливый приговор от власти, как единственную данность этой жизни...

– Вы идете? – спокойно и холодно спросил Юрий Иванович. Алексей молча помотал головой, а попадя, похоже, даже не слышала вопроса. Тогда он махнул рукой и выскочил на крыльцо. Четвертый в крапиве так и лежал неподвижно. То ли угробил его Бирюк, то ли врезал так, что не скоро очухается бравый опер...

Юрий Иванович перебежал церковный двор и нырнул в заросли сирени за кладбищенской оградой. Он бежал между могилами по едва заметной тропинке, подальше от поповского дома, от непроходимой болотной покорности и тупости... В обеих руках он сжимал рукоятки пистолетов, словно готовился немедленно вступить в бой со всем НКВД... Однако кладбище он миновал быстро, никого не встретив. А вот за оградой, увидел, как мужики возились на берегу реки. Проскочить незамеченным он не мог, но и светиться лишний раз не хотел. Он сунул пистолеты за пояс, прикрыл джинсовой курткой и свободно вышел на луг. Неспешно, походкой гуляющего человека направился к лесу и, наверное, успел бы дойти до опушки... Но вдалеке засвистели, кто-то крикнул, бабахнул выстрел... Мужики на берегу недоуменно переглянулись и сначала посмотрели в сторону кладбища, за которым слышались голоса. Потом о чем-то коротко переговорили и внимательно посмотрели на Юрия Ивановича. Недобрым был этот взгляд. Бирюк такие взгляды чувствовал шкурой и еще чем-то, спрятанным глубоко внутри. Он понял, что сейчас мужики попытаются его взять. Не для того, чтобы выслужиться перед властью. А просто потому, что вместе с властью искренне считали его злодеем и врагом... Расстояния между ними было метров сто – от силы. И удрать от пятерых молодых и крепких рыбаков Юрию Ивановичу, наверняка, не удалось бы. Конечно, в рукопашной он одолел бы их без особых сложностей. Но не хотел он бить непричастных людей. Чекисты в доме священника – это было понятно и знакомо, а эти-то при чем... Они ведь от дури своей ввязывались...

И он кинулся бежать. Из всех сил, как от смертельной погони уходил он к лесу. Дыхания уже не хватало, когда он проломился сквозь кусты и начал петлять между березами... Но что-то мешало, ноги с трудом отрывались от земли, трава цеплялась за штанины, каждый шаг давался все труднее и... Он упал, горячим ртом жадно хватая воздух. Пахло прелью и земляникой. Он еще успел подумать: «Сейчас нагонят и...»

Кто-то тряс его за плечо... Он открыл глаза и увидел отца Никодима, участливо заглядывающего ему в глаза

– Юра, что с тобой? Тебе плохо?

Бирюк затравлено посмотрел на священника и оглянулся. Молодые высокие березы шелестели под ветром, храм сверкал недавно побеленными стенами, церковный двор был залит солнцем, и в высокой траве у могил прежних настоятелей стрекотали кузнечики...

Юрий Иванович решил, что все, только что пережитое, ему пригрезилось. После той ночи, когда они боролись с нечистью в Ойе, психика временами выкидывала странные штуки... Он заворочался на скамейке, чтобы встать и расправить затекшие ноги. Что-то больно уперлось ему в ребра. Он уже понял, что это, но еще не веря себе, еще надеясь, что ошибся и сейчас убедится в этом, задрал полу джинсовой куртки... Отец Никодим удивленно смотрел ему в живот. Бирюк опустил глаза и увидел торчащие из-под ремня рифленные рукоятки двух пистолетов...

Тайное и явное

Отец Никодим более всего хотел душевного равновесия и внутреннего покоя. Однако, ни того, ни другого в последнее время не было. Знакомство с братьями, борьба с нежитью – все это более походило на приключенческий роман, нежели на тихую жизнь захолустного священника. Но втайне он радовался переменам в жизни, а молился о тишине и покое в душах прихожан и своей собственной. Все началось в тот день, когда брат любезный – Юрий, он же бандит из области, по прозвищу Бирюк приехал к нему за помощью и советом. После пережитого в Ойе страшного противостояния с нечистью и победы над ней Бирюк здорово переменялся. Но стоило ему вернуться в областной центр и включиться в прежние дела, как поплыл с трудом созданный внутренний фундамент. Это и сам Юрий Иванович понял, а потому приехал к Никодиму успокаивать душу. Потом он волею неведомой силы был переброшен в сорок первый год и провел там сутки. Здесь же, в этом мире он отсутствовал всего мгновение. И когда б не те пистолеты, что захватил он с собой, Никодим бы ни за что не поверил ему. Но Бирюк уж очень точно рассказывал о предвоенном положении храма, вспомнил и отца Алексея, бывшего в то время настоятелем, а потом при загадочных обстоятельствах сгинувшего вместе с матушкой. Хотя тут-то загадочного ничего не было. Прямо никто не знал, но по косвенным признакам можно было предположить, что Алексея и попадю забрали в НКВД, на этом следы исчезли. В этот приход направили молодого выпускника семинарии, но, прослужив здесь тяжелые военные годы, он тоже исчез бесследно. Хотя во время оккупации активно сотрудничал с партизанами, выполнял кое-какие задания подпольщиков, его все-таки обвинили в связях с оккупантами и отправили подальше «без права переписки» ... Такая вот печальная история была у храма. Почти всех его настоятелей постигала незавидная судьба. Никодим был первый, кто долго служил здесь и пока, слава Богу, жив, здоров...

С Юрием Ивановичем после приключения сделалось плохо. Он лежал в спальне, тихо матерился и стонал:

– Бараны, какие бараны... Ведь уйти же могли... Святоши, смиренные...

Никодим приносил чаю, поил морсом и молча сидел рядом. На другой день Юрию Ивановичу полегчало, и он попросился погулять. Вдвоем они выбрались на церковный двор и долго ходили меж берез, сидели подле могил прежних настоятелей.

– Никодим, ты говорил, что здесь все похоронены, кто в храме службу правил... А как же те, с которыми я встречался, там, в прошлом?

– Тут похоронены те, кто известен, а про тех мы только и знаем, что были, а потом сгинули где-то... Бог их приютил... Неважно ведь, где похоронен, главное, что душа на месте ...

– Ну да, душа! А вот как жить-то с таким грузом на ней? Я ведь много чего натворил в жизни, ты знаешь! А вот этого попа как вспомню – так муторно делается. Маленький, дохлый, а поди ж ты, сколько в нем железа оказалось... Ведь я ему предлагал – уходим! А он – нет, мол, бегать не приучены, не бандиты! А уж что Господь нам заповедал, все и примем со смирением...

Я сначала думал, что он так с перепугу, не мог сообразить ничего, руки-ноги отнялись. Да нет, выходит, все он понимал. Сознательно шел на смерть...

– Ты, Юра, впервые с таким встретился? Сам рассказывал: и в армии бывало, да и в тюрьме всякое случалось...

– Там от страха онемеют, как замороженные смотрят и ничего сделать не могут. А потом уж, когда напасть минует, легенды рассказывают, как героически вели себя, да как презирали опасность. Есть, конечно, отчаянные головы, те ничего и никого не боятся. Да только не было в них этого, что я в том попике увидел – спокойствия, веры... Вот этого я хочу... Понял ли Никодим?!

– Дак ведь, Юра, веру-то не купишь ни за какие деньги! Вера она воспитывается в себе, и причины для нее нет, она всегда и в каждом живет. Мы только ее загоняем вглубь своими суетными делами, а потом ищем. Не прятать ее надобно, а помнить о том, что Господь нас в мир выпустил и дает нам все по потребности нашей. Вот и начало веры в том...

– По-твоему, если у меня миллионы, а у тебя шиш в дырявом кармане – так все мне Бог дал, а тебе поспешил?

– Да мне ведь и не нужно таких денег, потому и нет их у меня. Ты со своими деньжищами спокойнее что ли стал? Вон, третьего дня какой приехал – туча-тучей! Шел бы в банк свой к миллионам, может успокоили бы они тебя...

– Ты не заводись. Я эти проповеди слыхал... Не в деньгах счастье. Знаю... Если бы не знал, не сидел бы здесь. Ты мне вот что объясни: как к ней прийти... Ты думаешь мне деньги нужны? Да пропади они... совсем. Хочешь, завтра же тебе на храм все отдам?

– Нет, Юра, не хочу. Ты сейчас в запале и не такое можешь сделать. Думаешь от этого что изменится? Сам потом маяться будешь, да тайную гордыню в себе носить, что храм на свои деньги отстроил и вроде как к Божескому делу руку приложил... А что храм – дом, который на Земле построен. Истинный храм-то в нас, Юра! Ты вот злишься и в своем храме грязь разводишь. А когда смирением наполнишься – тогда генеральную уборку сделаешь.

– Для чего же тогда церкви строят? Ты-то для чего служишь, кадилом машешь?

– Должен быть у человека уголок, где он может от своих забот отрешиться, да с Богом наедине побыть... Немногие в свой внутренний храм входят. Для этого страсти пережить надо и воспитать в себе веру. А простой человек, где ему такие премудрости освоить? Да и некогда! Не настроен он на поиски в себе. Он, прежде всего, внешнюю сторону видеть должен. Вот церкви для того и стоят, чтобы люди ходили и в них могли себя открывать. В церкви ведь не станешь о делах говорить, да о деньгах соображать. Коли идет человек в церковь, так собирается там о себе подумать, Бога просить, чтобы не оставил его вниманием своим, да помог раскрыть искру сокровенную...

– Красиво излагаешь, Никодим!

– Это, Юра, не красота, а рациональная основа духовной жизни. Примешь ее – и будет в тебе покой и смирение...

Но лукавил Никодим, ох лукавил. Не был он уверен в том, что сам готов к такому же смирению И с Юрой говорил потому, что тот нуждался в его слове. Но себе признавался, что случись с ним такое, как с настоятелем Алексеем, верно, ушел бы в леса с Юрием Ивановичем, и чем бы все кончилось – неизвестно... Однако гнал от себя эти мысли священник, вспоминал, как спокойно и размеренно текла его жизнь до встречи с братьями, до тех пор, пока не появились в Ойе мертвяки. Раньше думал, что нашел успокоение души, просветление мыслей и отрешение от житейских забот. А вот поди ж ты, жизнь ковырнула его и разом содрала покровы внутренней тишины. Понимал Никодим, что так и должно было случиться, ибо он искал просветления во внешнем мире, а не в себе и не выдержал данную ему проверку. Взыграли страсти, вспылал и он ненавистью и жадой битвы. Понимал священник это, отдавал себе отчет, да никак смириться не мог с тем, что столько лет слывший кротким и смиренным человеком, оказался, в сущности, таким же, как и его братья – жаждущим приключений и битв. А как же внутренний поиск? Оставил его Никодим, когда обстоятельства повернули так, что он должен был выбрать либо борьбу и страсти, либо непротивление и внутренний покой... Правда, он не был уверен в том, что выбрав последнее, прожил бы дольше той памятной ночи, когда они сражались с мертвяками. Но если тогда битва была на пороге его дома и вынуждала его к действиям, то после, сколько раз ловил он себя на том: как сладостны воспоминания той победной ночи азартом борьбы, восхитительным чувством победы...

Долго бродили они с Юрием Ивановичем меж церковных берез, потом забрели на кладбище, где после памятной ночи Никодим несколько раз правил службу и освящал его заново. Сейчас-то все стало спокойно...

К вечеру, когда они нагулялись по окрестностям Ойи и усталые плелись по пыльным тропинкам домой, Никодим вдруг явственно понял, что все его потуги оставаться таким же, каким был много лет, окончательно разваливаются. Не сможет он больше жить в этой тишине и наслаждаться внутренним покоем. Окаянный случай разбудил в нем спавшие до времени желания, стремления, жажду действия и борьбы... Он попытался вызвать знакомое уже чувство смирения, которое не раз помогало ему в житейских передрыгах, но ничего не вышло. Чем больше он тщился успокоить свои мысли, тем более буйствовал в нем дух противоречия. И потому, когда Юрий Иванович, напившись чаю, отправился спать, Никодим поспешил в храм. Ежевечернюю свою молитву сегодня он творил особо страстно и, стоя перед темным от времени ликом Богородицы, взывал к ее милости и просил помощи, дабы усмирить в себе пламя гордыни...

Он зажег перед образом несколько свечей и встал на колени. Перекрестился несколько раз и согнувшись в поклоне, коснулся лбом пола. В этот момент ему показалось, что вокруг что-то неуловимо изменилось, но когда выпрямился, то увидел, что по-прежнему молится в своем храме. Однако настораживало и томило священника неясное предчувствие. И оно скоро оправдалось. Услышал он, как со скрипом отворилась церковная дверь и во внутрь храма вошел ... он сам. Никодим потряс головой, прогоняя видение, но его двойник не исчез, а направился прямо к образу и удивленный, замер перед ним. Он смотрел на горящие свечи и говорил про себя: «Кто же свечи зажег? Я никого не просил, должно быть, Пелагия сама расстаралась... А ведь говорил я ей, чтобы не оставляла свечей без пригляду, неровен час – пожар случится...» Второй Никодим повернулся к образу истово перекрестился и начал шептать про себя молитву. А первый вдруг понял, что двойник его не видит и не слышит. А вот он легко читает его мысли. То, что вначале он принял за разговор с самим собой, было просто мыслями, которые слышались Никодиму первому, как шепот.

Господи, да что же это со мной такое делается? – возопил Никодим первый и вдруг услышал голове мудрый и мягкий голос:

– Ты жаждал избавиться от самого себя, хотел победить себя в своей битве с собой. Смотри: вот ты, вступай с ним в битву! Но коли победишь, что ты отдашь ему, а что возьмешь себе? Всякая битва хороша тем, что можно пользоваться ее плодами, а какие плоды извлечешь ты из этого сражения?

Никодим ошарашено молчал. Что можно было сказать? Вот он стоит перед самим собой и может слышать самые потаенные мысли, чувствовать самые сокровенные желания, которые пытался в себе давить, загонять внутрь, а потом забывал о них, и они пекли душу горячими угольками. А сейчас, когда отвлекся ненадолго от самоконтроля, оказалось, что угольки ждали только мгновения, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Никодим попытался подойти к своему двойнику, обратить его внимание на себя, но тот даже не заметил прикосновения. Первый Никодим был невидим и неосятним для второго.

Тогда он прислушался к своему двойнику и услышал его мысли. Сначала шепот молитвы, творимой в уме, потом нырнул глубже и услышал мысли совсем другие, которые параллельно с молитвой текли в голове священника. И были те мысли далеки от святости и смирения. То проскакивали какие-то хозяйственные заботы, то думал о том, где деньги достать, чтобы подкрасить забор, да отремонтировать крыльцо... А еще глубже, куда сам, наверное, по-настоящему никогда и не заглядывал, кипели такие водовороты, что Первый Никодим растерялся. Он никак не ожидал, что в глубине бессознательного варится такая каша. Оказывается, и память о супруге жила в нем. И страсти кипели, и жажда наказать виновных и обрести славу в своих деяниях. И еще много чего было в том котле такого, отчего бедный священник покраснел бы,

будь у него такая возможность. Но краснеть он не мог, ибо нечему было краснеть, плоти у него не стало, а был только чистый ум и понимание происходящего.

Он отвернулся от стоявшего на коленях Никодима и посмотрел на стены храма, смутно различимые в слабом свете аналая. Со всех сторон на него глядели суровые лики святых. Поджатые губы, скорбные глаза, печать тайного знания в них... Кто они были, эти люди, жившие так давно, что и настоящей памяти о них не осталось – только легенды и предания. Никодим впервые задал себе этот вопрос. Он вдруг понял, что святые в свое время были простыми людьми со страстями и желаниями. И от всех остальных их отличало умение управлять собой, подчинять свою эгоистическую волю Воле Творца и растворять в ней...

Он снова поглядел на стены и замер: иконы ожили. С каждой на него глядели живые, ищущие глаза. Стерлась граница времени и суровые святые из своих давних эпох сейчас смотрели сквозь рамку иконы сюда – на жизнь конца двадцатого века!

Никодим перекрестился и подошел к одной из самых старых икон. Темный от времени лик смотрел на него живыми блестящими глазами. Священник, повинувшись этому взгляду, встал напротив иконы и пристально всмотрелся в глаза образа. Ничего не происходило в храме. Все так же тихо потрескивали свечи, молился Никодим из плоти, а вот с бестелесным священником происходило невероятное. Он впитывал взгляды икон, становился проводником их силы и чувствовал, что погружается в мир тонких состояний, который бездонной воронкой раскрылся у него за спиной. От него в бесконечность раскрылся конус нежного струящегося света, и взгляды с икон толкали его в пространство этого светового конуса. Никодим счел за благо более не сопротивляться воле святых образов и нырнул в Свет. Поначалу ему казалось, что он плывет в теплом, прозрачном ручье, который постепенно расширяется, и его берега раздвигаются за грань видимости. Он плыл в океане, которому не было конца и края. Но земной океан – это бесконечность холодной бездушной воды. А сейчас Никодим чувствовал, что сам стал потоками океанского света. Он был малой частичкой океана и всем им одновременно. Такого ему переживать еще не доводилось, но это состояние было нежным и ласковым, и священник плыл в нем, думая, что окунулся в благодать... И радовался тому, что осознает это и что сподобился пережить такое еще в земном своем обличии.

А потом налетел вихрь. Он подхватил священника и понес. Никодим чувствовал себя облаком, наполненным дождем. Потом он пролился дождевыми каплями на иссушенную землю и проник в жадное и твердое, как сухарь, нутро. И поил его струями дождя, насыщал влагой... А дальше журчал родником, струился тихой речушкой, разливался полноводной рекой, которая текла в океан, и он вместе с потоками вод возвращался в бесконечность...

Никодиму казалось, что прошло мгновение, когда он попал в бесконечность океана и проделал весь круговорот. Вокруг все затрепетало, и он снова увидел себя в храме. Свечи не горели, образа темнели на стенах, а сквозь высокие окна пробивались лучи утреннего солнца. Священник подошел к окну и глянул на небо. Солнце еще только поднималось над горизонтом, и его рассветные лучи, нежные, как ладошки ребенка, гладили стены церкви, зелень берез на дворе, игриво щекотали в ноздрах Никодима. Он сморщился, потом не выдержал и громко чихнул... И замер от неожиданности. Если он бесплотен, то как мог чихать. А если он снова во плоти, то что с ним произошло, и где он был отдельно от своего тела? Вопросы завихрились в голове, и может появились бы ответы, да тут услышал он, что дверь храма со скрипом открывается... Оглянувшись, он увидел, как в щель просунулась голова Юрия Ивановича. Он повел глазами в разные стороны, посмотрел на священника и грустно спросил:

– Где ты был-то, поп? Мы с ума чуть не посходили. Ушел молиться и пропал. Староста церковный тут уж раз пять все пересмотрел – нету! И тебя, выходит, носило куда-то?

– Да, Юра, было и у меня путешествие... Только, как бы сказать, это не то, что с тобой произошло. Я и рассказать толком не смогу, куда попал и что делал.

– А и не рассказывай. Я теперь умный стал, все готов принять, не любопытствуя. Был где-то и ладно...

– Юра, а с тобой-то что случилось ночью?

– Да уж случилось... Ты думаешь только тебе дано пережить благодать и небесные странствия? Я ведь рядом был, или не видел?

– Нет.

– Был я там... Когда ты в храм ушел, я спать собирался. Да только смотрю, ты из своей комнаты вышел и снова в церковь пошел. Стоп, думаю! Ты уже в церкви, откуда еще один взялся... И только я хотел пойти за тобой, как снова все померкло и поплыл я... И океан света видел, и то, как ты плавал в нем и как тебя подхватило и понесло... В общем, я рядом с тобой был и здесь тоже... был... Со старостой разговаривал, со старичками твоими. Делал вид, что волнуюсь за тебя, а сам точно знал: где ты и что с тобой происходит...

– Погоди, погоди, стало быть, ты вместе со мной странствовал в горних высях, а о себе дать знать не мог?

– Да не то, что не мог, ты бы не услышал. Видишь, в чем дело, ты там сам не свой был. Вроде бы сохранял черты свои, а на самом деле только похож на себя. Все другое: и тела нет, и мыслей не было...

Никодим смотрел на Юрия Ивановича со странным чувством: в нем смешивались и боролись друг с другом радость что и товарищ оказался достойным приобщения, но было гаденькое чувство, что-то вроде обиды от того, что он столько лет праведно служил в глухом приходе, а этот богатеи и везунчик враз всего достиг и даже то сокровенное, что Никодим считал своим выстраданным и заслуженным было дано ему легко и просто...

Юрий Иванович смотрел на священника и понимал, что творится в душе у Никодима. Потому усмехнулся и проговорил:

– Ты, поп, успокойся и не переживай! Видать веры в тебе не хватает, коли такую чернуху в голове держишь. Я что ли за тобой увязался? Меня, как и тебя, взяли, не спрашивая, отправили куда и сам не знаю. Так что не ревнуй ты, ради Бога, меня к тому, что сам пережил...

Никодим обомлел. Его сокровенные мысли Юра запросто озвучил и ответил на вопросы...

– Ты что, мои мысли читаешь?

– Да нет. Все это у тебя на лице написано. Уж очень ты откровенно переживаешь свои взлеты и падения. Думаешь, не видно, как ты ко мне относишься? Искренний ты очень, и потому не можешь хитрить... Да и хорошо это, а то не был бы священником, к которому я душу успокаивать приехал... Вспомни, как там в Евангелии... Ну я-то дословно не помню, но что-то вроде того, что неверующий скорее придет к Богу и уверует, чем тот, кто считает себя верующим и служение ставит себе в заслугу...

– Это не Евангелие... Это «Наука радости», книга древняя и редкая...

– Какая разница. Все равно я ее не читал и не собираюсь. Мне эта мысль была там, в Свете сказана. Тебе мешает то, что ты служишь и думаешь о своем служении, как о главном деле жизни, которое и приведет тебя к Богу. А на самом деле ты свое честолюбие лелеешь! Ты не обижайся, Никодим, но кроме меня тебе ведь больше никто истинной правды не скажет. Потерпи, нам с тобой определено быть рядом, так что уж принимай таким, каков я есть...

– Выходит, что все мои стремления и действия напрасны?

– Нет ничего напрасного... Ты и сам это знаешь. Только сейчас для тебя главный урок: ты думал, что только так, как ты жил, можно жить и быть праведником? А тебе показывают, что все не так просто, что и у других шансы есть, их надо увидеть и понять...

– Мы с тобой, Юра, ролями поменялись. Раньше я тебя утешал, да успокаивал, а теперь ты мне те же самые слова говоришь... Что же, значит я сам виноват, коли возгордился и начал считать себя достигшим высшего просветления...

– Да ни в чем ты не виноват. Всем это свойственно. Только разница в том, что одни машиной гордятся, другие своими мыслями, а третьи, как ты, праведной жизнью. И учат нас всех по-разному. Что проку от той гордости, когда ты праведник не ради праведности, а ради того, чтобы это отметили и оценили окружающие? Тогда ты сам становишься хуже их, ибо ты есть фарисей и молишься напоказ...

– Но я не делал этого!

– В душе, ищи корни своих проблем, Никодим. Там гнездится то, что подавляло в тебе истинные желания и намерения, что давало повод страстям и вожделениям довлеть над тобой... Остановись, ибо ты еще не перешел порога, откуда нет возврата. Ты здесь и потому можешь постичь себя и встать на тропу служения. Остановись и осмотришься...

Никодим с удивлением слушал чуть глуховатый голос Юрия Ивановича. Что-то в нем изменилось и священнику показалось, что говорит не его друг, а некто пользуется его устами, чтобы сказать слово...

Юрий Иванович смотрел на Никодима сияющими внутренним светом глазами и говорил. И с каждым словом голос его становился проникновеннее и глубже. Он заполнял отдаленные уголки психики. Священник словно растворялся в глубоком и обволакивающем голосе...

Потом все кончилось... Исчезло очарование слов и интонаций. Померк свет, изливающийся из глаз Юрия Ивановича. Никодим внимательно смотрел на своего товарища, но тот стоял, словно окаменевший, и не мог пошевелиться. Потом напряжение отпустило, и священник увидел, как отмякает лицо собеседника, становится умиротворенным и чистым. Наконец он потряс головой огляделся.

– Сесть бы мне, не могу, ноги дрожат...

– Юра, ты помнишь, что говорил мне?

– Помню, только повторить уже не смогу. Говорил-то я, только слова были не мои. Ты уже вернулся из Света, а я все еще там был... И Свет через меня тебе говорил...

Никодим молчал, склонив голову. Что можно было добавить к сказанному. Его скрытая гордыня была вывернута на изнанку и показана ему самому. Для чего? Наверное, для того, чтобы понял священник, что путем внешнего отречения не уйдешь далеко. И для того, чтобы осознал: как ни прячь свои мысли, не укроешь их от Того, Кто Над Всеми!

Тоска

Когда доктор вернулся в свой благоустроенный мир, по здешнему времени не прошло и четверти часа. Он был переполнен впечатлениями, в нем все еще клокотал азарт недавней схватки с нечистью, общение с братьями добавило силы и напора, и когда он снова возник на лужайке перед домом, готов был переделать весь мир своими руками.

Он огляделся вокруг, все еще опасаясь неожиданного броска какой-нибудь твари. Но он был дома... Воздух благоухал ароматами сада, в доме тихонько пел музыкальный Фонарь, солнце на безоблачном небе сияло так беззаботно, что все произошедшее показалось дурным сном. Он укрылся в тени веранды от палящего полуденного зноя. Когда шел в тень, ощутил странный запах. От одежды, от рук, от всего тела пахло тем миром. Он посмотрел на свои руки и увидел на них багровые следы страшных ран, которые появились после того, как он руками разорвал полусгнившего мертвяка.

В прохладном полумраке дома пахло искусно подобранной гаммой ароматов, которую каждый день меняла его жена. Она считалась большим мастером запахового дизайна и экспериментировала дома. Ее обонятельные композиции расходились огромными тиражами и спрос на них не пропадал. И в это ароматическое великолепие ворвался плотный запах продымленной одежды, не долеченных язв, немытого тела и еще чего-то чуждого в этом рафинированном мире. Доктор сбросил одежду и прошел в мойку. Там под тугими струями, бьющими со всех

сторон, он попытался расслабиться. Пенные потоки смывали с него грязь, потом хрустально чистые уносили пену и сменялись благовонными... И так несколько раз, пока запах не пропал. Он вышел в гостиную в чем был и наткнулся на свою брошенную одежду. Подобрал ее, кинул в пасть утилизатора и наконец-то расслабился в кресле перед комбайном новостей. По экрану бежали какие-то изображения. Доктор старался расслабиться, но стоило ему прикрыть глаза, как в воображении реально вставали серые предрассветные сумерки, брат Никодим в длинной черной одежде, брат Юрий, решительный и жесткий, виделись кошмарные рожи мертвяков... Они тянули к нему обглоданные руки, чтобы схватить за горло и разорвать. Он дернулся, закричал беззвучно и... увидел встревоженное лицо жены. Она вернулась и, найдя его спящим в гостиной, испугалась. Никогда в их жизни не бывало такого, чтобы он среди дня вдруг уснул в гостевом кресле... Она склонилась над ним, коснулась рукой лба и обостренным внутренним чутьем уловила, что внутри у мужа невообразимое. Она хотела помочь, сосредоточилась, чтобы убрать тревогу, но он проснулся. Посмотрел дикими глазами на нее, пробормотал что-то и только потом, узнав, тихо улыбнулся:

– Это ты, милая...

– Что с тобой случилось? Ты сам не свой, внутри все дрожит, и ты чего-то боишься...

Откуда такое возбуждение?

– Это сложно объяснить. Со мной сегодня произошло нечто невероятное. Я не смогу даже рассказать тебе. Я спросил Наставников, но они молчат.

– Были сложные больные?

– Нет, это все привычно! Я сегодня побывал там, где, наверное, никто еще не был...

Доктор долго рассказывал о своих приключениях, жена внимательно слушала его и, похоже, не верила. Она смотрела на него с сочувствием, настороженно, но без понимания и доверия. Доктор резко оборвал рассказ, словно наткнулся на барьер... Жена не стала задавать вопросов, только посоветовала:

– Ты все-таки поговори с Наставниками... Они помогут во всем разобраться.

Ночь быстро опустилась на благополучный мир доктора. Здесь всегда бывало так. Солнце словно ныряло за горизонт, и тут же темнело. Впрочем, о темноте говорить не приходилось. В небе сияли искусственные светляки, улицы желтым светом заливали золотые шары... А в бездонном и черном небе помаргивали звезды. Сколько их было – кто сочтет. Но доктор знал, что там, среди огоньков перетекают колоссальные массы энергии, и в ее океанах плавают Наставники. Сегодня он снова будет говорить с ними...

На крыше дома был установлен специальный стол энергетической подпитки. Доктор встал на пористую поверхность плиты и раскинул руки навстречу колючим лучикам звезд. С небес невидимые потоки текли к нему на руки, входили внутрь тела и вихрились там силовыми вихорями, наполняя внутреннее пространство.

Он ощутил, как сквозь тело струится энергия высокого напряжения, от которой каждая мышца гудела и вибрировала. Сила наполняла ткани и проникала в потаенные глубины сердца. Он не успел даже удивиться, как вдруг, словно пелена упала с глаз, перед внутренним взором открылось новое видение: ровное колышущееся море белого, почти осязаемого тумана. Ровная, чуть холмистая поверхность тумана мерно колыбалась перед ним, а над ней струился фиолетовый свет прозрачного неба. Картина показалась ему знакомой, но, когда и где он мог видеть ее, доктор так и не вспомнил. Не успел... Видение исчезло, и на мгновение он увидел привычное небо, потоки силы от звезд и струящиеся, зыбкие очертания Наставников. Но только на миг, ибо вслед за реальной картинкой снова возникло видение, идущее из глубин сознания. Он тянул руку к звездам и от нее к мерцающим огонькам устремился слабый луч света, а на другой его руке висели люди. Они цеплялись за руку доктора и тянули его вниз... Он видел себя как бы со стороны, и, казалось, что сейчас его стянут в пропасть... Однако, сначала один, потом

другой отпустили его руку и сами поплыли в лиловых сумерках. На руке оставался еще один, но и он скоро отцепился и, оттолкнувшись от доктора, исчез в водоворотах мерцающего света.

Доктор встряхнул головой, открыл глаза и посмотрел на небо, но не увидел ничего. Вместо привычных мерцающих звезд перед внутренним взором поплыли картины недавних приключений. Вот он со своими братьями отражает черную волну нечисти... Теперь он стоит перед белым каменным строением с зелеными луковицами куполов на крышах. Его новый друг – Никодим объясняет, что это храм, в котором они молятся. Доктор сравнивает храмы в своем мире с тем, который видит сейчас. Ему непонятно, кому и как они молятся в этом каменном доме...

А потом была пустота, наполненная тоской. Тоска выплескивалась из глубин и рвалась наружу, как неосознанная, неотработанная боль комфортного и устроенного бытия. Он понимал, что это стонет его скрытая половина, которой надоело спокойное размеренное существование в мире, где даже самые сложные проблемы решаются легко и просто – стоит лишь захотеть. Он жаждал битвы, он хотел снова встретить своих недавних соратников. Он мечтал о том, чтобы возвратиться в пронизанный опасностью мир и там испытать себя...

Все оборвалось также неожиданно, как и началось. Доктор стоял на столе энергетического питания и потухшими глазами смотрел вниз, где ровными ниточками тянулись освещенные улицы. Вот там сияет огнями Дом счастья, где находят друг друга мужчины и женщины... Вон светится высокими окнами Совет, а там на горе сполохами синеватого огня играет галерея храма.... Все привычно, знакомо и открыто для него. Что же гнетет его? И сам же себе ответил: жажда действия. Он вкусил риска и пережил сладостное чувство победы. И вся его прошлая жизнь сейчас казалась пресным и однообразным существованием.

Снизу, из сада потянуло сладковатым запахом ночных цветов. И тотчас вспомнилось: там ночью в воздухе висел странный горьковатый запах горелого дерева. Там сжигают дерево, чтобы обогреть себя и свои жилища. Старый и давно забытый способ. В его мире жилье отапливало солнце и космос. Люди давно уже научились использовать энергию Вселенной. Сила Космоса освещала, обогревала людей, питала их силой и покоем. Да, его мир был на порядок выше, чище и счастливее того, где ему довелось побывать, но что-то удерживало память о пережитом в фокусе внутреннего внимания. Он вспоминал недавнее приключение и хотел снова почувствовать нужность людям, братское единение и глубокое искреннее понимание.

Он предполагал, что недавнее приключение не закончилось, что ему еще предстоит пройти опасными дорогами того мира. Но когда это случится, и как – доктор не знал. Он, настроившись на волну вибраций Наставников, обратился к ним. Но если раньше контакт возникал легко, то сейчас он чувствовал их присутствие, но не мог ни услышать их, ни получить ответа на свои безмолвные вопросы.

Ночной сеанс энергетического питания закончился. Доктор спустился с крыши внутрь дома. Пахло нежно и весело. Это жена постаралась – на ночь создала запаховую композицию, чтобы утром он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Она каждый вечер создавала новый эмоциональный запах и помогала ему восстанавливаться после трудных больных. Но сейчас это удивительное, радостно волнующее поле еле ощутимого запаха, вызвало у него раздражение. Он смотрел на привычные приборы, мебель, разинутую пасть утилизатора и все это казалось ему невероятным, фантастичным и в то же время привычным и надоевшим. Он вдруг понял, что смотрит на мир своим, привычным взором и глазами того, кто жил там, в другой реальности.

Потом он различил едва слышный голос. Доктор напрягся и, отогнав ненужные мысли, услышал шепот:

– Вот так ты живешь, брат?

– Кто это, Никодим, ты?

– Это мы все, брат. Просто тебе больше повезло. Ты живешь в этом мире, а мы в другом.

– Я не могу понять вас, братья! Кто из вас говорит со мной?

– Никто! Никто конкретно. Ты разве еще не понял, что мы все вместе составляем одно целое. Сейчас мы разделены, но связаны единой пуповиной души. Она вне времени и пространства. Она везде и нигде. Прислушайся к ней. И она отзовется...

Доктор замер, слушая внутренний шепот, а потом, неожиданно ощутил, увидел, тот самый белесый, колышущийся туман, над которым величаво темнело бездонное небо. Он видел окружающее со многих точек сразу. Он потерял ориентацию и не различал более верх и низ: их не было. Вокруг куда бы ни тянулись лучики его внимания была бесконечность, наполненная живой любящей, понимающей силой.

– Где я! – крикнул он мысленно и тут же услышал в ответ:

– Везде... Где бы ты ни был – ты везде, и сущее в мире – лишь твоя малая часть. Ты – все, что видишь сейчас, но ты и то, что живет в тебе и твоих братьях! Не старайся вырваться в привычный мир, ибо ты уже вырос из него и потому не сможешь втиснуть свое новое существо в старые рамки. Тебе уготована иная судьба. Но прежде ты должен воссоединиться с братьями и совершить предначертанное...

– Что мне нужно сделать?

– Всеу свое время, не торопись, но и не запаздывай. Предназначение может проявиться в любое мгновение, будь всегда готов к тому, чтобы понять и принять его! Принять...принять...принять...

Видение исчезло, и он снова очутился дома. В сумраке ночи он разглядел темные силуэты людей в креслах у окна. Слабый луч от уличного светильника падал на пол и высвечивал ноги сидевших. Доктор пригляделся и узнал Юрия. А по другую сторону стола сидел Никодим.

– Где же Сергей?

– Его нет с нами, – глубоким чужим голосом ответили ему из сумрака. Он исполняет свою данность в иных временах... Мы пришли, чтобы взять тебя с собой. Ты уйдешь сегодня с нами, но мы не знаем, когда ты снова вернешься... Может быть – никогда! Ты готов к уходу? Если нет, то скажи. Насильно мы тебя не поведем.

Знать и хотеть

То, что случилось с ним, можно было бы назвать историей грехопадения, когда бы все это стало известно многим и служило назиданием. Но кто знал его историю? Кто кроме него самого мог вспомнить все и как-то оценить происходившее с ним на протяжении сотен и сотен лет жизни. Он и сам не мог уже вспомнить многое, но знал, что был изгнан из дома мудрых и получил свою удивительную возможность переноситься из щели миров в любые времена. Люди, с которыми он сталкивался, чаще всего принимали его за обыкновенного черта, который только и жаждет, чтобы искусить их и украсть душу. Да что проку ему было в чужих душах, когда он и для своей не мог найти пристанища и объяснения! Он страдал, и вместе с ним мучались другие. Он радовался и вокруг люди улыбались сквозь слезы. Он не мог просто так создавать счастье. Он обязательно разрушал хрупкую гармонию сложившихся отношений людей и мира. Иногда ему казалось, что он и в самом деле концентрированное проявление зла, упавшее на землю, чтобы разрушить ее. Но он, даже в самые роковые минуты, не испытывал удовлетворения от того зла, что причинял другим. Не было у него и счастья от свершенных добрых дел. А то, что творил добро, он знал, но относился к этому, как к естественному деланию жизни. Впрочем, созидание зла, также не вызывало у него никаких эмоций. Он не разделял мир на полярные понятия, а просто совершал те поступки, которые естественно вытекали из поведения множества людей в разных временах и мирах.

Кем был он? Потомок перволюдей, воспринявших знание Предшественников? Да. Но что проку в том знании, когда любое, даже самое малое проявление его, могло вызвать необ-

ратимые разрушения в мире и привести к полному уничтожению людей. И потому сокровенные знания, способные управлять силами космических масштабов, оставались не востребовавшими. Его братья – те, которые называли себя мудрыми, ушли в щель времени, окуклили часть пространства и жили в своем Замке, предаваясь иллюзиям своей мудрости и могущества. В их мудрости и силе не было главного – востребованности. Они не были нужны ни человечеству, ни даже тем обитателям Замка, которые жили рядом с ними. Потому, наверное, мудрые искусственно тормозили развитие людей Замка, оставляя их на низшем уровне личного развития, что им нужно было почитание. А те, в свою очередь, поклонялись мудрым не от осознания их духовного и умственного могущества. Нет, они лишь следовали традиции, которая впитывалась каждым новорожденным в Замке вместе с молоком матери. Эта жизнь была похожа на замкнутую цепь, каждое звено которой почти абсолютно повторяет предыдущее, и сама цепь не кончается никогда.

Он был изгнан за то, что не смог преодолеть в себе жажды поиска. Он во главу угла поставил стремление к постижению, и он постиг и ужаснулся, ибо более постигать стало нечего! Он знал все, что было или будет. И когда он понял это, тоска, лишь изредка всплывавшая в сердце, поднялась и слепой волной обрушилась на него. Он знал все и не знал ничего. Ибо его абсолютное знание ограничивалось рамками времени жизней тех миров, в которых он оказался по Воле... Чьей? Он знал и это. Он чувствовал, что Воля – это не просто чье-то желание заставить его поступать определенным образом. Воля – это жизнь, которую он сам создавал себе.

Он был бессмертен, и уже давно умер. Тело его существовало, благодаря совершенному здоровью, а вот душа умерла от однообразия и пустоты знакомого наперед. Она умерла, но не ушла из тела, ибо оставалась привязанной к нему, и своим мертвым грузом тянула его в темные глубины, откуда возврата уже не было.

Он перепробовал все, но ничто не давало ему утешения. Он знал власть, но она оказалась скучной и надоела ему бесконечным повторением одних и тех же ситуаций.

Он знал и любовь. Она лишь поначалу будоражила кровь и воображение, а потом превратилась в знакомую до мелочей процедуру. Он знал заранее, где и что сказать, где и как поступить. И в результате все пережитое становилось монотонным серым потоком одинаковых событий. Знал он и все перипетии приключений тех, с кем свела его жизнь. Священник, бандит, доктор из другого мира и тот мальчишка – Сергей: все они могли стать послушными орудиями его желаний. Он в любой момент мог заставить поступать так, как хотелось ему. Но ему ничего не хотелось... Он был уверен, что каждый из них в какой-то момент сломается и свои внутренние порывы подчинит личной необходимости. И потому, когда он увидел в судьбе всех четверых проявления Воли, поначалу он изумился...

Изумился не от того, что увидел Волю, но от того, что она так ярко и зримо проявилась в судьбе обычных людей. Все, пришедшие в жизнь, так или иначе, но исполняли предначертание, которое большинство попросту не понимало. Эти четверо тоже не понимали определенное им до конца, но Воля пульсировала в них как определяющая и двигающая Сила.

Тогда он решил противостоять ей и попытался изменить направление судьбы всех четверых. Но понял, что даже самые изощренные попытки превращаются во благо для тех, кто исполнял их... Странник попытался вступить в прямой конфликт с четверкой, но за их личными судьбами и действиями его взору открылось такое, что он поспешил уйти с их дороги. Он понял, что все дальнейшие попытки увести их в сторону от предначертанного приведут его на грань личной катастрофы. Сотни лет он мечтал о том, чтобы переступить грань проявленной жизни и уйти в тонкие планы бытия, остаться там, в бесконечности покоя, и сотни лет любые его попытки приносили ему только новые магические возможности и силы. Казалось бы, мысли и действия, направленные на уход из этой жизни, должны были ослаблять его, а он становился только сильнее, и все новые и новые пласты знания открывались ему, и все новые возможности появлялись у него. Странник сначала даже развлекался тем, что пытался убить

себя, а потом, когда неприятная процедура обрывалась, и он приходил в себя, то ощущал в себе новое, что расширяло его возможности и прибавляло сил. Но потом он понял, что каждый новый всплеск его силы – есть лишь новое проявление его же слабости. Парадокс заключался в том, что сила делала его слабым и уязвимым перед собой и перед Волей. В чем была эта слабость? Он понимал, что сила, которой он созидал целые миры, превращала его во всемогущего мага, но приходилось тащить на себе весь их груз. Миры, созданные им за сотни лет бытия, тяжелой ношей лежали на его плечах, давили сердце, мутили разум, а главное, требовали постоянного и пристального внимания к себе. Сил на все уже не оставалось, и он был бы вынужден либо отказаться от своих творений, и тогда они, живущие внутри его разума и сердца, рассыпавшись, погребли бы под своими обломками самого творца. И если бы это сулило ему уход и избавление от тяготы всезнайства и осознанной предопределенности, он с радостью бы принял этот итог! Но увы, разрушение внутренних миров привело бы к созданию внутри нового – мира бесконечного хаоса и пустоты, мира нереализованных возможностей, каждая из которых стремилась бы к собственной реализации и тут же погибала бы в своем безудержном стремлении. Это грозило бы ему новыми сотнями лет мгновенной гибели и такого же мгновенного воскрешения, и снова гибели и возникновения. Погибать и возникать ежесекундно в течение сотен и сотен лет – это было выше даже его сил. И он жаждал бесплодно и безнадежно – покоя и избавления от тяжелого груза своей силы.

Воля свела его с четверкой людей, осененных особой силой, и он понимал, что эта встреча не случайна, она должна сыграть в его судьбе какую-то решающую роль. И когда он попытался прислушаться к внутреннему знанию, понять, что последует за этим знакомством, он с удивлением обнаружил, что этого не знает! Он НЕ ЗНАЕТ. Это было настолько ново и неожиданно, что он сначала растерялся, а потом возликовал! Значит не все в его жизни потеряно, и он может пребывать в неведении, он может чего-то и не знать! А не знать – это благо! Не знать и стремиться к пониманию – это избавление от серости и скуки всезнайства! Он понял, что сейчас наступает пик его судьбы!

Часть третья «Родичи»

Сквозь время

В лес на пикник собирались загодя. Как водится, активисты прошлись по отделам и составили список желающих. Потом заказывали транспорт, потом... Словом, известная канитель и придавать ей значение не стоило бы, но... Сергей, обычно, в коллективных вылазках не участвовал. На работе он был замкнутым и сосредоточенным. Делал свое дело, слыл хорошим специалистом, но не вписывался в общую бодрую массу служилого люда, который по утрам заполнял их учреждение. Все знали, что Серега наш – каратист, весь – в этом “ногодрыжестве” и “рукомашестве”, и ничего более его не интересует. Но работу свою он выполнял толково, и потому никаких придирок к нему не было. А замкнутость и отчужденность служили поводом для различных острот в его адрес. Однажды местная красавица Вика отвергла настойчивые ухаживания двух кандидатов с машинами и собачьими глазами стала смотреть на Серегу... В сознании коллектива не укладывалось: как это такой заметный парень, спортсмен, холостяк с квартирой (бабка не в счет) на девок внимания не обращает, водку с мужиками не пьет, скабрзные анекдоты не травит и общается только по служебным вопросам. Разговоры по этому поводу то стихали, то начинались сызнова, но не иссякали никогда.

Вика, повздыхав пару месяцев, все-таки раскрыла свои объятия одному из машиновладельцев. Дело катилось к свадьбе, что, однако, не мешало будущей невесте благосклонно относиться и к другому, поначалу отставленному кандидату. Конкретно никто ничего не знал, зато пицца для разговоров появилась, и на какое-то время Сергей со своей замкнутостью отошел на второй план. Но тут произошло непонятное... Он, не предупредив никого, вдруг исчез на три дня, а когда появился на работе, то все были поражены: и так-то красавец и богатырь, он расцвел еще больше, и только три красных шрама через физиономию будоражили воображение. Но шрамы скоро затянулись и исчезли, юношеская свежесть была отнесена за счет регулярных занятий спортом, и интерес увял.

И вот коллектив собрался в лес. Идею подхватили и поехали с удовольствием. Когда рано утром подтягивались к учреждению и садились в автобусы, обратили внимание на Сергея. Он тоже поехал, хотя раньше этого не делал никогда.

А Сергей может и замечал какое-то особое к себе отношение, но не придавал ему значения. Мало ли как люди смотрят друг на друга. Свое дело он знал, и любил, и потому работу выполнял охотно. Она приносила ему удовольствие. Помимо службы общих интересов с коллегами у него не было и все свободное время он отдавал боевым искусствам. Женщины его не интересовали, поскольку все силы уходили либо на тренировки, либо на медитативные практики. А после сражения с нечистой в Ойе, и знакомства с братьями, ему и вовсе стало не до них. Он вспоминал события той ночи и понимал, что все происшедшее не случайно. Его направила Сила, и она же ведет по жизни сейчас. И когда в учреждении составляли списки желающих, он вдруг подал голос и тоже записался на поездку, ощутив жгучее желание оказаться в лесу...

Автобусы оставили на обочине дороги. Мужики нашли подходящую поляну, расположились на ней и, как принято, начали с рюмки... Пропустив по первой, закусили и тут же налили по второй.... События развивались по известному сценарию: сначала крепко выпивали, потом разбредались кто куда, а чаще просто оставались на месте и пели хором, флиртовали, словом, развлекались как могли...

Сергея все эти «подвиги» не интересовали. На подъезде к лесу он ощутил тревожность. Хотелось выскочить из машины и бежать впереди нее. Но куда, зачем, он не смог бы объяснить... И когда народ расположился на полянке, он незаметно шмыгнул в кусты и пошел в

сторону от компании. Шум пикника затих вдалеке, и Сергей замедлил шаг. Он прислушивался к себе и чувствовал, что добрался до нужного места. Ноги сами несли его. И он не сопротивлялся, понимал, что коли Сила ведет, то надо идти... Он шагал в глубину леса, пробираясь сквозь путаницу тонких стволов, между которыми пробивались прутья чапыжника. Заросли становилась гуще и он то и дело цеплялся штормовкой за сучки. Ноги с трудом нащупывали опору среди поваленных стволов... Он даже не старался запоминать дорогу. Посматривал только на солнце, да на часы на запястье. В какой-то момент нога скользнула по замшелому стволу, он не удержался и упал прямо в заросли крапивы. Одежда защитила тело, но жгучие листья жиганули по лицу и ладоням. Сергей поднялся и начал отряхивать штормовку, как вдруг услышал негромкий разговор и едва слышный шум идущих людей. Он подумал, что следом за ним увязался кто-то из сослуживцев и крикнул громко, чтобы найти своих нежелательных спутников, а потом тихонько улизнуть от них. Он понимал, что сегодня ему предстоит что-то важное и свидетели не нужны. Однако после его крика шум шагов стих, как будто и не было никого вокруг. Сергей огляделся и ему показалось: вокруг что-то изменилось. Лес вроде тот же, да не тот, и солнце как-то не так висит над горизонтом, да и воздух был странный, слишком чистый, что ли...

Он еще не успел сообразить, что все это могло значить, как ему в спину уперлось что-то острое. Тихий голос произнес слова, которых Сергей не понял. Он хотел повернуть голову и посмотреть на шутника, но в висок ему ткнулось острие, и тот же голос повторил фразу. Сергей не понял, что ему говорил невидимый противник, но по интонации, обстоятельствам сообразил, что с ним не шутят. Он мог совладать с одним и даже несколькими, но сейчас не хотел начинать драку, не выяснив кто и зачем его разыгрывает...

Острие от виска убрали, и он медленно повернул голову, старательно растягивая губы в улыбке, чтобы у нападавших не было сомнений в его дружелюбии. Однако то, что он увидел, стерло с лица гримасу улыбки... Позади него стояли двое. Оба рослые, крепкие, в странных суконных шапках и белых кафтанах. Длинные волосы, собранные в косы, лежали на плечах. Бородатые лица были напряжены, глаза цепко рассматривали его. Сергей дернулся было, чтобы получше рассмотреть неожиданных противников, но в спину ему снова ткнулось острие, и он замер. Один из нападавших обошел его и встал спереди. Теперь они разглядывали друг друга. Одевание что-то напоминало Сергею, но как ни силился, вспомнить не удавалось. А незнакомец внимательно оглядел Сергея и что-то сказал своему напарнику. Тот выразительно хохотнул и снова ткнул в спину пленника острым. Неуловимо знакомое было и в облике этих людей, и в звуках языка – певучих и мягких... Незнакомец впереди повернулся и показал Сергею рукой вперед. Он приглашал шагать дальше. Сопротивляться было бессмысленно, тем более что Сергей недалеко ушел от пирующей компании и рассчитывал в любой момент отбиться от двоих шутников и вернуться к своим. Ему стало интересно, захотелось понять, кто так развлекается в здешних, давно уже обжитых и замусоренных лесах. Пока шли сквозь чащу, он вспомнил про клубы любителей старины. Их члены сами делали древнюю одежду, оружие, доспехи, строили в лесу подобие древних воинских городков и разыгрывали сцены из былин и легенд... Играли люди и находили в том удовлетворение... Наверное эти любители и взяли его в плен. Продолжают играть на полном серьезе. Ну он им покажет, только приведите к себе в лагерь...

По лесу шли долго, петляли между непроходимыми чашобами, пробирались по болотцам. И, наконец, пришли. Задний, которого Сергей так и не видел, крикнул, подражая лесной птице, и стена кустов перед ними раздвинулась. Образовался проход на поляну, который даже стоя рядом обнаружить было невозможно. Сзади его подтолкнули. Видимо, странные эти ребята решили, что если он спокойно пошел с ними и смирно ведет себя, то его можно не опасаться. Этого-то Сергей и добивался – усыпить бдительность, пусть подумают, что перед ними туха... А уж там...

А там его ждало потрясение. На поляне, за кустами он увидел такое, чему бы никогда не поверил. Группами по несколько человек сидели бородатые люди с разномастным холодным оружием, а кто-то просто с дубинами. Одеты они были все, как на подбор – в затасканные серые кафтаны, суконные шапки, обуты в лапти. Что-то подсказывало ему, что это не игра. Ощущение реальности происходящего не покидало его.

Люди на поляне оживились и стали подходить к ним. Все с любопытством смотрели на Сергея и вполголоса переговаривались между собой. Не было в них враждебности или жестокости. Только любопытство, но какое-то тупое, скорее даже безразличное. Вот сейчас удивимся, а потом забудем... От дальнего конца поляны, где виднелось подобие землянки, к пленнику шли трое. Один, судя по накинутой на плечи накидке, был главным. Когда они подошли поближе, Сергей увидел, что обут этот мужичок в сапоги. На боку у него болталась сабля в красивых ножнах, широкую грудь обтягивала кольчуга. Такого масштаба игрищ Сергей не представлял. Да и непохоже это было на игру. Поляна имела вполне обжитой вид, черные проплешины кострищ тут и там показывали, что обитают здесь уже давно. Да и мусору набралось изрядно.

Трое подошли вплотную и стали рассматривать его. Потом главный в накидке и сапогах уставился на его туристские ботинки «вибрамы» на толстой рифленой подошве и что-то сказал своему спутнику. Тот наклонился и внимательно осмотрел ботинки. Конвоиры схватили Сергея за руки и ловко дернули вниз. Пришлось присесть. А руки второго уже тянулись к ботинкам... Тут Сергей перестал подыгрывать своим неприятелям. Кто бы они ни были, шуткам тоже надо знать меру. Он напряг бедра, покачался в полуприседе, и когда второй наклонился, резко оттолкнулся ногами, подпрыгнул и, переворачиваясь, в прыжке, влепил стоявшему сбоку могучую затрещину. Другой бы от такого удара свалился как подкошенный. А этот только головой дернул, да шатнулся. И тут же пружинисто повернулся. В повадках его появилось неувовимо хищное и очень опасное. Да и остальные на поляне враз встрепнулись и подтянулись к месту драки.

Сергей медленно кружил возле противников, держа их на дистанции и выбирал момент для начала атаки. Но его опередили. Один из нападавших вдруг пошел на него, неуклюже переваливаясь как медведь на задних лапах. Когда он приблизился на дистанцию досягаемости, Сергей вложил в проникающий удар, стремительный как пущенная из лука стрела. От него невозможно было уйти, и очень трудно защититься. Это был удар наверняка... Однако он пришелся в пустоту. Бородатый противник легко, даже играючи пропустил удар почти до тела, дал руке коснуться одежды и неожиданно мягко повернулся, как будто Сергей сам оттолкнул его в сторону. И вся сконцентрированная, сжатая как пружина сила, ушла мимо. По инерции тело пролетело следом за рукой и мягко шлепнулось на землю. Бородатые мужики вокруг беззлобно засмеялись. Сергей смотрел на них с земли и не мог понять, что происходит. Как увернулся его противник от неотразимой атаки? Как он сюда попал, кто эти люди? Вот они смеются над ним и, наверное, сейчас заговорят по-русски и, наконец, объяснят все... Однако люди вокруг смотрели на Сергея с интересом, но без участия. Он почувствовал их настроение: им скучно и сейчас они играют с ним, чтобы хоть как-то развлечься, скрасить свою унылую жизнь. И снова в голове появилась шелестящая тишина – предвестник чужих мыслей. А следом за ней зазвучали и сами мысли. Он услышал в голове бесплотный голос

– Хороша обутка, да только диковинная... У князя в дружине таких не носят, степняки тоже... Должно, странник он, вот где-то и выменял... Одет чудно, не по-нашему, но справно... Кафтан хоть и короткий, да, видать, крепок...

Сергей внимательно смотрел на окружавших его людей и пытался понять, чьи мысли сейчас он слышит... Потом вдруг стало пронзительно ясно, что это не игра. Он каким-то чудом оказался в таких даях от привычного ему мира, что сейчас и понять не может куда его занесло. А главный в этой компании наклонился над ним и спросил на своем певучем непонятном языке... А в голове тут же прозвучало:

– Кто ты, куда путь держишь?

Сергей заговорил быстро и жарко, он сбивался, повторял одно и то же, и все пытался объяснить, что он простой турист и хочет знать где находится сейчас...

Люди недоуменно переглядывались. Они не понимали быстрого говора чужака, а главный крикнул в сторону. Сергей тут же услышал в голове:

– Позовите Святобора! Чужой с нами умом говорит... Я чувствую...

Скоро мужики расступились, и перед сидящим на траве Сергеем опустился на колени высокий, сплошь белый(не седой, а именно белый) мужик лет может быть сорока. Из-под густых бровей сверкали пронзительно-голубые глаза. Казалось, что взгляд проникал внутрь, в самое сердце. И Сергей снова услышал голос в своей голове:

– Кто ты, чужак? Говори со мной умом, я хорошо слышу.

Он не мог сразу сообразить, как сформулировать мысль, и пытался лихорадочно сложить обрывки бессвязных дум, когда Белый поднялся на ноги и что-то сказал главному. Тот очень удивился. Смотрел сначала на Сергея, потом на Белого, потом помотал головой, как-бы не соглашаясь с чем-то... Но Белый снова повторил, настойчиво, уверенно, и тогда главный в накидке согласно кивнул. Белый протянул руку Сергею, помог подняться и жестом указал в глубь поляны – туда, где виднелась землянка.

Несколько ступенек и криво сколоченная дверь. Белый открыл ее и жестом пригласил Сергея внутрь. Помещение было крохотным, но чистым. На лежанке, на полу рассыпаны душистые травы, пахло приторно и незнакомо. Так бывает, когда ранним утром встречаешь солнышко и вместе с первыми его лучами, с востока ветерок приносит странный будоражащий запах. Солнце всходит и запах исчезает, но память воскрешает его всякий раз, когда появляется хоть слабый намек на аромат...

Сергей вдохнул полной грудью щемящий, знакомый и одновременно неизвестный аромат. В голове загудело, ноги вдруг ослабели, и он опустился на лежанку. Белый стоял рядом с ним и смотрел ему в глаза. Казалось, что он входит внутрь, раздвигает там какие-то шторы, впускает в затуманенное сознание свет и рассматривает его с любопытством, но осторожно и деликатно...

Сергей очнулся от того, что кто-то зажал ему нос и дышать стало нечем. Он рванулся, открыл глаза, ожидая увидеть рядом кого-нибудь из шутников-сослуживцев, но... Все, что казалось ему только сном, все вернулось. Он лежал на охапках травы, а Белый склонился над ним и держал несильно за нос. Сергей дернулся назад, и Белый ухмыльнулся, опустил руку и присел напротив на темный чурбак.

– Теперь я знаю, кто ты, – сказал он на чистом русском. – Только я не могу понять, как ты оказался здесь? Твои времена далеко, и ты сам не смог бы пройти этот путь... Кто помогал тебе?

– Откуда ты знаешь... Ты что, по-нашему понимаешь? – изумился Сергей

– Теперь понимаю. Пока ты спал я вошел в твой ум, и ты научил меня говорить по своему, показал тот мир, откуда к нам пришел. Мы не знаем твоего мира, но слышали о нем и о таких же мирах от старых ведунов. Они видели...

Все, что сказал Белый было чересчур невероятно... Но и само пребывание Сергея неведомо где – тоже было совершенно невозможным... Однако ж он сидел здесь, в землянке, вместо того чтобы на полянке слушать сальные анекдоты сотрудников или шарить по кустам в поисках грибов. Он уже понимал, что снова начались приключения, вроде тех, что переживал в Ойе. И как и в прошлый раз, все случилось очень быстро и неожиданно...

– Кто вы, где я сейчас нахожусь, что за мир, в котором вы живете?

– Ты торопишься...-усмехнулся Белый. – Я хоть и вижу, что ты человек не злой, и худа нам не желаешь, но должен быть осторожным. Может ты ловкий ведун и все, что я увидел в твоём уме, специально для меня придумал... Говорят, у князя есть такие люди. Он их с черных

болот себе на службу набирает. Скоро придет Звента и скажет нам про тебя все. От нее не спрячешься, даже если самый ловкий на свете... Поешь пока... – Белый протянул Сергею кусок печеного мяса, поставил на чурбак, заменявший стол, долбленную деревянную чашку с каким-то остро пахнущим напитком.

Голода Сергей не чувствовал, но все-таки пожевал мяса. Оно было жестким, резиновым, но чувство внутренней пустоты и слабости прошло. А когда пригубил напиток из чашки, то ощутил, как по всему телу побежал веселый огонь. Приторно сладкий, пряный и пенистый, напиток освежал и бодрил...

Белый уловил мысли Сергея и сказал:

– Это весенние меды на сорока травах настоянные. Мы только больным даем, да еще вот таким неведомым гостям, чтобы быстрее привыкали...

Потом Белый коснулся лба Сергея сухими пальцами, и у того приятно зазвенело в голове, глаза начали слипаться. Сквозь дрему он услышал бесплотный голос мыслей:

– Спи пока стреноженный, спи пока ухожженный...

Кровь струится, спит водица,

Спи и ты покой-травую охмуренный и уложенный...

Больше он ничего не помнил...

Проснулся он под вечер. В землянке было уже сумрачно, и Сергей с трудом понял, где находится. Пока вспоминал свои дневные приключения, дверь приотворилась, и в землянку протиснулся Белый.

– Ну, что, гостенек! Звента приехала, придет сейчас на разговор. Если ты князев ведун, то лучше сразу сознавайся. Она тебя поймает – прячь – не прячь. И тогда уже не взыщи...

– А если нет?

– А гостем и будешь... А потом, глядишь, и к нам прибудешь, коли захочешь... А пока я тя спеленаю, чтобы беды какой не вышло...

Сергей подумал, что сейчас Белый его свяжет, однако вышло по-другому. Тот коснулся подушечками пальцев какой-то точки на шее. Ноги и руки перестали слушаться. Как бы извиняясь, Белый сказал:

– Вот посмотрит она на тебя и отпустит. А ежели что не то вызывает, тогда тебе же лучше спеленатым быть, ничто и не почувствуешь...

Знакомство

Когда Белый вышел, Сергей попробовал заставить ноги и руки слушаться. Вроде бы все получалось, и в то же время движения приходилось выполнять с таким напряжением, будто на каждой руке висело по тяжелой гире. А ноги – те вообще не реагировали на мысленные приказы. Он сосредоточился, как учил их сэнсей, сконцентрировал волю, направил ее, лучом из солнечного сплетения на правую руку, но почувствовал, что волевой импульс натывается на какую-то стенку внутри сознания. Он попытался обойти ее, но куда бы ни направлял мысленные потоки, везде на его пути вырастала стена запрета...

– Не трудись, молодец, не одолеть тебе... Тебя спеленали большой лесной силой, ее человеку не переломить!

Сергей повернул голову и в потемках увидел силуэт женщины в сером прямоугольнике дверного проема. Голос был нежный и звучный, он переливался звенящим ручейком, и веяло от него свежестью и чистотой.

– Сейчас брат придет и огонь запалит, тогда и посмотришь на меня, – словно отвечая на мысленный вопрос Сергея сказала женщина. – Ты не думай, я не старуха... Но и лет мне немало... Наши годы мы прячем, бо ведунa люди сразу знати не должны!

Женщина прошла к чурбаку, на котором недавно сидел Белый. Опустилась медленно. Сергей обратил внимание, что она движется плавно, словно и не существует для нее резких движений. И когда она села, волна свежести прошла от нее к Сергею и потом прокатилась обратно. Женщина сказала:

– Вон ты откуда, молодец! Эх же тебя к нам завело! Твой-то мир далек отсюда, ох далек! И как же ты к нам попал?

– Да я и сам не знаю! Шел по лесу и вдруг вот на твоих людей нарвался... Я ничего и не делал, ей Богу!

– Ты какого Бога помянул? У нас так не говорят... Сколь ты с нами пробудешь никто не ведает, да только не зря ты сюда попал. Видать Сила тебя к нам забросила, а ей и наши Боги перечить не смеют. Ты не бойся меня, молодец! Я тебя вижу и знаю, что ты не наш, и что не ведун даже, но что-то за тобой такое, что и мне непонятно. Знаю только, что ты посланец Силы: той, Великой, из которой все мы с нашими Богами вышли. Вот и дивлюсь, почему Сила тебя сюда забросила, а ничего не дала. Ведь ты даже биться толком не можешь. Наши мне сказывали, как ты с ними на кулачки пошел. У нас так мужики с ребятишками в шутку схватываются...

Дверь скрипнула и из темноты в землянку шагнул Белый. В руках он нес маленький светильник. Поставил его на чурбак, заменяющий стол и только тут Сергей смог разглядеть свою собеседницу. Он и впрямь ждал увидеть иссушенную годами и колдовством крючконосую старуху. Но сейчас, в мечущемся свете лучины он разглядел молодую женщину. Наверное, красивее он никого в жизни не видел. Ее красота была не в чертах лица, а в том непередаваемом женском, что притягивает к себе мужчин сильнее, чем огонек ночных мотыльков. Она внимательно смотрела на Сергея, и глаза ее сияли удивительным светом.

– Смотри, молодец! Смотри и запоминай, что видишь. Знать придется тебе с нами жить. Все пригодится. А одно я тебе скажу, – повернулась она к Белому. – Не князев это подосланный, но и не наш. Издалека он, да попал к нам не по своей воле и для чего – не знает. И готов он к силе и к пониманию. Так что начинай учить, он к нам попал не зря, и потому в нужный день свою службу сослужит... Сними с него пелены...

Белый согласно кивнул и снова коснулся точки у Сергея под затылком. И сразу стало легко и свободно, будто целый день тащил тяжелый рюкзак, а теперь его скинул.

Звента также плавно поднялась, мягким движением коснулась щеки Сергея и вышла в темноту. А он остался с Белым наедине.

Почитайте своим

– По сердцу ты ей пришелся, – сказал Белый. – Вишь как обласкала! Даже погладила. Ну а то, что учить тебя велела, так это и вовсе дивно. Никого и никогда мы не учили своим хитростям. Все прятали – она так велела. А тут сама приказала...

– Ты объясни мне, что у вас здесь творится? Какого князя вы так боитесь?

– Дак Володимера! Киевского! Он наших Богов рушит, да в нового велит веровать.... Только кто же силком к вере-то приобщается... А наш князь, здешний, он Володимеру в рот заглядывает. Что тот повелит, наш уж тут как тут – исполнять готов.

– Так значит я в России?

– Наша земля всегда Росью называлась. Только сейчас не разберешь толком, где и кто. По нашим дорогам и степняки ходят свободно и франки ездят со своими крестами... От дедовских укладов мало что сохранилось. Только лесные роды старый обычай чтут. Князь бы и рад про нас забыть, да как забудешь, когда в нас вся сила его. Ведуны мы, и раньше, когда князю служили, его землю помогали оборонять. А теперь он другим кланяется и про нас забыл. А у тех и силы нет толком, и знают мало что...

– Так вы что, от христианства скрываетесь?

– Как ты сказал? Христианство? Верно, вроде так они новую веру называли. А ты что про нее знаешь? Сказывай...

За разговорами просидели до света. Когда из крохотного окошка в землянку начал пробиваться тусклый рассвет, Белый встал и сказал:

– Много дивного ты мне поведал, брат. Если все, что сказал – правда, то твоего Бога надо принимать и любить. Только как же нам со своими-то быть? Да и тебя ведь к нам Сила забросила, а не твой Бог! Ты сам-то как считаешь?

Ответить Сергей не успел. Дверь приотворилась, и на пороге появилась Звента.

– Пойдемте, молодцы! Подружились уже? Это славно! Мы тебя Приходом звать станем, – обратилась она к Сергею. Раз пришел к нам из далекого мира, так и будь Приход. А ты, Святобор, стань ему названным братом, да научи всему. Чую, нужно это всем нам...

Когда вышли на поляну, Сергей внимательно посмотрел на женщину. Она выглядела еще краше, чем показалась в свете лучины. Столько в ней было женской нежности, манящей и волнующей, столько глубокой силы и мощи, что Сергей, никогда раньше на женщин и внимания не обращавший, тут не мог оторвать взгляд от Звенты. А она, казалось, и не замечала его восхищенных глаз. Спокойно шла по полянке и улыбалась своим мыслям. И здоровенные мужики, что подходили от шатров к середине поляны, кланялись ей...

Когда все собрались, Звента заговорила. И хоть негромко произносила она слова, но слышно было отчетливо, как будто в ухе звучал ее голос:

Родичи! Скоро к нам будет гонец от князя. Нужно встретить, да проводить его по добру. Нам с князем делить нечего. Он в городище сидит, а мы у себя хозяева. Биться с ним не след. Только хуже сделаем. Дождемся гонца, там и решим, а пока слушайте... Вот вам наш новый родич – Приход! Вчера его привели дозорные. Он издалека к нам пришел и будет с нами жить, наши умения узнавать, помогать нам. Потом, когда нас поймет – и свое заветное расскажет. А пока, родичи, почитайте его за своего, да помните – неспроста он к нам пожаловал... И будет служить службу великую... Вот только час назначенный придет...

Сергей вдруг остро почувствовал, как окружавшее его привычное ощущение самостоятельности, отдельности от окружающих, отчужденности – исчезает. Он словно перестал быть самим собой, а стал частью большого и сильного существа, в котором объединились все, стоявшие на поляне, и еще много людей, живущих вдалеке отсюда. Каждая частичка этого единого организма чувствовала и осознавала себя, жила своей жизнью, но одновременно была всеми вместе. Боль ли у кого-то случилась или горе какое – все делилось на всех и выходило каждому по чуть-чуть. И тогда любые несчастья переживались просто. А если счастье или радость приходили к людям, то усиливались они и тоже разливались на всех. И никто не прятал своих заветных мыслей, никто не стремился обособиться, чтобы скрыть какие-то черные думы.

Это необычное состояние общности с родом вошло в Сергея внезапно. Люди вокруг просто приняли его, открыли ему себя и то сокровенное, что объединяло всех. И тогда он почувствовал, что у них нет и не может быть никаких коварных замыслов, обид или неприязни к кому-то из сородичей. Все тайное сразу же становится явным для всего рода, и не укрыть камня за пазухой... Потому ни у кого даже в потаенных уголках сознания не было ни зависти, ни злобы. Сергей ощущал ровное доброжелательное отношение к себе. Оно изливалось на него ото всех, оно было как воздух, которым дышали... И на фоне всеобщей приязни из дальних уголков его психики вдруг полезла такая чернота мыслей, что он даже ужаснулся. Он предположить не мог о таких залежах грязи в себе... Стало стыдно за то, что свои черные мысли и переживания он сейчас проявляет для всех, не может спрятать их, избавить своих новых родичей от этой пакости...

Звента подошла к нему:

– Не мучайся, молодец! Не прячь свое потаенное. Ты его совестишься, и тем нам помогаешь избавить тебя от грязи. Не прячь, дай выплеснуться, пусть навь изнутри уйдет... У нас

со всеми пришлыми так бывает. Не пугайся. Главное, что ты не хочешь на родичей свою чернь изливать. Значит первое испытание ты прошел. Есть в тебе сила для любви, есть... А на меня не смотри так... Ты мне люб, да только я не твоя и не чья-то... Сила меня породила, к Ней и уйду в свой срок. А у нас девок много, найдешь себе такую, что мила будет больше всего на свете. А коли не выберешь сейчас, найдешь потом. Подрстет и для тебя суженая...

Порча

Князев гонец прибыл только через семь дней. Всю эту неделю Сергей прожил в землянке вместе со Святобором. Тот учил Сергея тайным знаниям... Не было медитаций, молитв, не было и глубокой внутренней концентрации и сосредоточения. Все, что считалось неотъемлемой частью изучения тайных наук отсутствовало в этом странном ученичестве. Сергей (или, как его теперь звали, Приход) ходил вместе со всеми на охоту, собирал какие-то коренья, травы, грибы, ягоды и никто его ничему не учил. Он стал частичкой общего поля рода и все знания, накопленные поколениями родичей, просто вошли в него и стали естественными. Но открывались они по готовности. Он учился быть готовым. Понял он и то, как бьются мужчины рода с врагами, почему так легко одолели его в той короткой схватке. Он бился с ними, как отдельный воин, сам по себе, а за каждым из родичей была сила леса, поля, земли, неба, всего, что окружало их. Звери, рыскавшие в округе, давали ловкость и силу, птицы дарили легкость и стремительность, вековые деревья наполняли мощью, а Земля и Небо окутывали мужчин облаками силы. Словом, даже самый сильный и умелый боец, вступая в схватку с любым членом рода, не имел шансов на победу, ибо он сражался со всем, что его окружало. Родичи принимали это спокойно и естественно, как само собой разумеющееся. Они никогда не использовали свою силу для того, чтобы достичь чего-то лично для себя. Все интуитивно понимали, что стоит только раз воспользоваться силой для темного, недоброго, и род вытолкнет тебя из своего благодатного поля, оставит наедине с миром, и мир тут же воспользуется слабостью и раздавит отступника.

Кто-то был воином и берег покой родичей, кто-то охотился и собирал припасы, а кто-то, как Святобор, жил в Силе и постигал ее глубины, приносил свои открытия роду и пополнял копилку коллективного знания. Каждый выполнял отведенные ему функции и был всегда счастлив, радостен и доволен. Так продолжалось до тех пор, пока не пришли на Рось франки да ромеи со своим новым Богом, крестами и чужими, непонятными обычаями. Племена лесных людей ушли в чащобы, и никто не смог бы проникнуть к ним, но нашлось племя с черных болот, которое стало служить князю. Они показали тайные тропы, научили княжих дружинников отводить мороки, отворять тайные запоры на тропах и проникать в деревни лесных людей. Но даже предательство не смогло одолеть силы строптивых родов. Князя посылали дружины на усмирение, но воины, проплутав по чащам, находили только пустые стоянки, да остывшие кострища. Родичи уходили, как вода уходит сквозь пальцы. И похоже не было силы, которая могла бы согнуть этих людей, покорить их новым установлениям. Тогда князь понял, что одолеть роды и племена не сможет и повелел договариваться с ними...

Княжий посланец приехал один. Еще на дальней лесной дороге тайные дозорные Звенты встретили его и послали весть в лагерь. Гонец скакал без остановок, и впереди него птицы и звери несли восточку Звенте.

Она пригласила Святобора и Прихода к себе в землянку на сидение... Когда оба вошли в крохотную каморку, Приход вздрогнул от неожиданности. Звента сидела на топчане обнаженной, с закрытыми глазами и казалась точеной статуей. Кожа ее лучилась нежно-золотистым светом, а вокруг головы перетекали голубоватые сполохи. Святобор остановил Прихода на пороге и мысленно произнес:

– Она слушает лес, не мешай ей. Стой тихо,пусти ее в очи, гляди не отрываясь, пока не станешь с ней одно...

Приход понял, что нужно делать, а вот Сергей в нем взбунтовался. Он видел перед собой нагую женщину такой красоты и нежности, что не мог просто так отвести от нее взгляд... Для Прихода, впитавшего в себя тайную силу и знание рода, нагота Звенты была естественна и понятна. Она скинула одежды, чтобы всем телом слушать лес вокруг, ловить малейшие колебания в его поле. А Сергей видел прежде всего женщину и что-то темное, жадное и дрожащее поднималось в нем...

Звента резко подняла руку и не открывая глаз сказала словами:

– Приход, остынь... гость в тебе пусть уснет...

И Сергей пропал. Он был еще где-то на задворках сознания, но Приход уже запер его в невидимой клетке внутри себя и снова стал избранным ведунами родичем, одним из племени... И снова в уме у него зазвучал голос Звенты. Голоса других в уме всегда были бесплотны, а тайный голос Звенты переливался лесными колокольчиками, звенел как ручеек.

– Князе шлет нам гонца с добрым предложением: чтобы мы допустили до нас франкского посланника, который расскажет нам о новом Боге. Звать его Тициус, и он наделен властью, и боле того, в нем я чувствую отголосок Силы. Мы можем уклониться от встречи, но в другой раз к нам придет посланник жестокий и глупый, в нем нет искры... Станьте со мной одно и слушайте гонца...

Звента сотворила в воздухе какой-то знак и Приход со Святобором вошли мыслями в ровное колышущееся поле леса. Всадник на дороге, ведущей к лагерю, виден был, как движущийся сгусток, за которым остаются небольшие завихрения.

– Вот он, видите? А теперь слушайте его умом...

Сначала появилось знакомая напряженная тишина, а потом зашелестели мысли гонца. Среди множества бытовых и житейских соображений угадывалась преграда, словно засека поперек дороги. Себя и Святобора Приход ощущал как яркие точки, а Звента выглядела маленькой кометой. И они двигались следом за ней. Вот комета наткнулась на засеку в голове гонца и легко сдвинула ее в сторону. Открылось темное пространство, в котором мысли лежали как на полочках. Но эти мысли молчали. Их можно было почувствовать, увидеть, но нельзя было услышать...

Комета Звента окатила спящие мысли радужным светом, и они помалу начали оживать. Приход так и не понял, что конкретно хотел сказать гонец, но чувство у него возникло доброе, хорошее. Ясно, что у посланника не было худой вести, но и что-то конкретное понять было очень трудно...

Они вынырнули из облака Звенты. Она все также безучастно сидела на топчане и только ожившие руки выдавали, что и она возвращается... Когда женщина, наконец, открыла глаза, Святобор с Приходом успели приготовить напиток на сорока травах и весенних медах. Тот, которым потчевали Сергея в первый день. Звента взяла ковш и выпила несколько глотков. Приход увидел, как по ее золотистому телу потекли голубые огоньки, колючими искорками вспыхивавшие то на пальцах, то в волосах. Она медленно встала и накинула свободное платье, потом повернулась к мужчинам:

– Что слышали, что видели, что распознать сумели?

– Похоже, с добром он к нам, а вот потаенное в нем услышать не смог. Кто-то запечатал молчанием...

– И я тож, сколь ни старался, но ничо не слышал. То ли спят мысли-то, то ли у него ум огорожен...

– То не загородка... Это его Князевы ведуны так запечатали. Это они умеют. Видели, чай, как мысли-то в нем разложены, будто у хорошей хозяйки в подклети. Это их знак... Они прежде чем запечатать ум, всегда его по полкам раскладывают...

– У нас, там, в моем мире это называется систематизированная психика, – неожиданно произнес Приход. Это снова в нем проснулся Сергей и попытался заявить о себе...

– Как не назови, а суть одна. Укрыли тайное ведуны. И мы пока не сумели понять, что там спрятано... Вот приедет, тогда и поглядим. Вблизи-то оно сподручнее будет.

Гонец добрался только к вечеру. Он доехал до стены кустов и долго топтался перед нею, не сообразив, как попасть внутрь... А потом воззвал громко и с вызовом:

– Али тут Звентины мужики чаются? Отзовись!

Кусты раздвинулись, и перед гонцом появился один из сторожей. Они давно уже разглядывали посланника, но пока не решались объявиться перед ним. Всадник соскочил с лошади и коротко поклонился:

– К Звенте вашей от князя нашего посыл у меня. Проведи, друже...

Сторож кивнул и пропустил гонца вперед...

В землянке сидели тесно. Сама Звента, Святобор, Приход, атаман, двое стариков, которые накануне приехали в лагерь из селения. Гонец вошел и поклонился:

– От князя нашего поклон вам привез и добрый посыл. Шлет он вам через меня весть, только я не ведаю какую. Когда уезжал, князюшка меня напутствовал: “Коли живой доберешься, то Звента мой посыл поймет. А не доедешь, так он в тебе и пропадет неведомым.” Так молвил князь, а вам – я чаю – все понятно...

Звента молча слушала гонца и клонила голову. Что-то странное почудилось Приходу в ее посадке, немощ сквозила в неловком повороте головы, в том, как она привалилась к плечу Святобора.

– Говори, гонец, говори... Я все слышу, только понять не могу, кто же так тебя запечатал ото всех?

– Дак ведуны князевы! Сам-то он посыл составил, а ведуны его запечатали и мне, пока спал, в голову и засунули.

Гонец то ли придурился, то ли на самом деле был прост, как осиновое полено. Приход попытался было умом послушать шепот его мыслей, но наткнулся на упругую стенку и получил щелчок. Как надоедливую кошку хозяин легонько шлепает меж ушей, так и его сейчас осадили, мол, не лезь не свое дело...

Звента исподлобья посмотрела на гонца и сказала:

– Сядь, испей с нами браги, да медов, а там и посыл князя откроется...

– Не можно мне... Строго настрого князь наказывал, чтобы я до того, как ты посыл прочитаешь, капли хмельного не принимал... Ведуны его все знают, и от них не укроешь чего я поперву делал, а чего потом...

– Святобор, останься за дверью! А вы, молодцы, пока подите на волю, да ждите, что я вам скажу. Далеко не отлучайтесь...

Из землянки вышли старики, Приход и атаман. Он был последним, и проходя мимо гонца, задержался на миг.

– Ох не нравится мне этот вестник... Что-то в нем такое есть, чего не надо бы к нам в лагерь допускать... Чую, что неладно мы сделали... Да разве ж со Звентой поспоришь!

Ждали долго. Истомились. Наконец в двери показался Святобор, за ним гонец, а потом на порог ступила Звента. Приход ахнул, увидев, как она изменилась. Куда что делось... Серое лицо, потухший взгляд, во всем облике пустота и усталость... Однако она улыбнулась гонцу и сказала атаману:

– Посланника накормите, да хмельного побольше дайте. Он охоч до браги, пусть пьет в свое удовольствие, не мешайте. Дайте ему сколь запросит...

Звента повернулась, чтобы уйти в землянку и вдруг пошатнулась, припала на миг к косяку и медленно сползла по нему. Приход словно окаменел – он не мог даже пошевелиться.

Святобор – тот сразу кинулся к женщине и, подхватив ее на руки, осторожно унес в землянку. Приход ожил и кинулся за ним. Следом поспешал атаман...

Звента лежала на топчане, дышала трудно, с надсадой и хрипами. Глаза ее блуждали без цели, видно было, что она не может остановиться, сосредоточиться... В уме Прихода зазвучал переливчатый голосок ее мыслей:

– То не хворь, брат! Это ведуны князевы вместе с посланием порчу спрятали. На мысли наговаривали, на трех утренних зорях росу собирали, и лихостей-траву в нее кидали. Потом гонцу дали выпить, чтобы он вместе с запечатанным посланием ее мне передал. Сама не одолею, больно сильны они в злобе своей... Помогай, брат!

Приход посмотрел на Святобора и понял, что он тоже все слышал. А через них слышали все в роду, и дальние родичи, что прятались сейчас от князя в чащах, и ближние, что стояли вокруг землянки. Приход видел, что гонца уже свалили и спеленали большой лесной силой, как когда-то пеленал его Святобор. Атаман собрался топить гонца в болоте...

Приход со Святобором встали один в ногах, другой в головах Звенты. Оба соединили силу мыслей в кольцо и через него обратились к Лесу, Земле, Небу, Силе, из которой соткан мир... Они просили облегчения для Звенты. Приход чувствовал, как сквозь кольцо их мыслей потоком течет свежесть, промывает тело Звенты, проникает в ее ум, растворяет черноту порчи... Поток пульсировал в такт биениям трех сердец. И наконец потек медленно, плавно и скоро иссяк. Звента лежала на топчане без движения, но цвет жизни уже появлялся на лице, тяжелое дыхание стихло, рука бессильно соскользнула с тела, но это была расслабленность жизни, а не смертный покой... Приход оглянулся и увидел, на пороге землянки стариков. Они прозрачными глазами смотрели на Звенту и скорбно покачивали головами:

– Сейчас помогли, а дале как? Отпустило ее на время, да всю-то порчу не изгнали... Надо ее к девкам везти, иначе зачахнет. Здесь мужики все, а ей надо юниц для чистоты... Ехать придется, ехать, иначе пропадет...

Исцеление

Собирались недолго. Звента вроде бы пришла в себя, и сама взялась за подготовку к отъезду. Приход сначала думал, что тронутся в путь малой группой, отвезут в селение Звенту, но вышло по-другому. Звента о чем-то переговорила с атаманом, и вскоре по лагерю забегали люди – собирались все. Быстро разобрали шатры, сгребли весь мусор, сложили его в кучу и запалили большой костер. Мужики встали в круг и завели хоровод. Сергей бы удивился, а Приход знал, что сейчас в огне костра сгорают все следы пребывания людей на поляне. Не должно оставаться ничего, что помогло бы ведунам князя прочесть мысли и чувства людей рода, и через это знание пробраться в их внутренний мир, насладиться морок, напустить в головы тумана. Весело и шумно горел костер, а круг мужчин размеренно покачивался вперед-назад, то сжимаясь, то раздвигаясь в единой пульсации. И костер то вспыхивал с новой силой, то наоборот – затухал и тлел углями. Приход вместе со всеми стоял в круге и остро чувствовал, как огонь костра вытягивает из него лишнее, больше ему не нужное, то, что может помешать в дальнем переходе. Это было похоже на избавление от внутренней грязи, и Приход знал, что так в огонь уходит послед, который может осесть на земле, травах, листьях и предметах, которых касался руками. Все, что окружает человека в жизни, обязательно несет на себе память о нем. Князевы ведуны умели читать эту память и могли наводить через нее порчу на людей. Все в роде знали об этом их умении и потому предостерегали себя и сородичей от лишних проблем.

Костер становился все меньше и меньше. Трава, нечистоты, мусор – все уже сгорело в огне и превратилось в пепел, очистилось и распалось. Сейчас догорали, вспыхивали языками пламени на угольях мысли и чувства, намерения и желания... В походе не должно быть отдельных людей. Каждый становился частичкой единого организма, который стремился к

цели. И только достигнув ее, распался на личности, носящие свои имена. Сейчас, вокруг костра завершалось слияние лагеря в монолитную походную колонну. Вот только Приходу никак не удавалось стать одним со всеми. Он чувствовал слияние, ощущал плотность многоликого походного зверя, но сам оставался в стороне. Зверь похода не принимал его в себя...

Звента позвала его жестом, и когда Приход подошел сказала:

– Не кручинься, молодец, это я тебя в поход не впускаю. Они стали как один, а нам с тобой говорить надобно. Пока идем, много нужно сказать. Потому ты и остался в стороне. Если что – ты не пропадешь... Запомни только, когда Сила позовет тебя обратно, ты уйди от всех в лес, на самую глухую поляну. Не надо, чтобы кто-то видел, как ты уходишь от нас. Родичи тебя забудут, я так сделаю, а пока ты с нами и ты наш...

– Да я вроде и забыл уж обо всем! Наверное, Сила меня сюда забросила, чтобы я с вами оставался, так надо...

– Нет, ты гость, хоть и стал нам своим. Ты гость, который нам поможет. Я это знаю... А когда выполнишь назначенное – Сила тебя обратно уведет. Но главное, знать будешь наше ведовство. И тем службу сослужишь...

– Так в чем я должен помочь?

– То не ведаю. То тайна Силы, от меня сокрытая. Раз ты здесь, значит поможешь, в день неведомый, в час назначенный...

Шли быстро. Настолько стремительно двигались по лесам, что Приход едва поспевал за колонной. Если бы не умение сливаться с лесом, черпать его силу, давно уже обессилел бы и пал где-нибудь под кустом. А так держался, успевал отдавать лесу усталость и наполнять себя новой силой...

Однако, к концу дня он втянулся в стремительный полубег-полушаг похода и слился с людьми, соединенными движением. Ночь принесла прохладу, и движение ускорилося. Не было жажды или голода, десятки мужчин шли, как один человек. Звента двигалась в центре колонны, окруженная со всех сторон воинами. Они готовы были в любой момент повернуться спинами наружу, создать вокруг нее кольцо мощи и тогда Звента просто исчезла бы из этого мира. Провалилась в таинственную щель времени... Приход знал об этом, и все в походе тоже знали, что делать, когда появится неожиданная опасность...

Но обошлось. К утру они дошли до родного леса, так и не встретив никого на пути. Звента просмотрела все дорожки к дому и выбрала самую спокойную. На месте старого лагеря оставили мертвецки пьяного гонца и его кобылку. Да еще пара молодцов сторожила его, чтобы не порвали звери. Они потом придут, не торопясь, зайдут в князевы владения, попросят, послушают, увидят нужное и вернутся в род. Когда Звента немного пришла в себя, она сама сходила к пьяному гонцу и вложила ему в хмельную голову сказку о том, что ей плохо, что порча достигла цели, и Звента лежит при последнем издыхании. Пусть ведуны князя читают это и хоть на время успокоятся...

В тот час, когда первые солнечные лучи дымными лезвиями света пробиваются между деревьями, и птицы начинают славить Ярило, поход вошел в селение рода. Его встречали озабоченные старики. Поход по инерции пробежал еще до площадки в центре селения и там распался. Словно невидимые постромки, державшие всех в единой узде, лопнули и каждый снова зажил своей жизнью. Мужчины оглядывались, выискивая среди встречавших своих жен, парни осанились и ловили взгляды девок. Люди вернулись домой и сбросили с себя тяжкую ношу путешествия. Площадка пустела. Расходились по домам и семьям мужчины и парни. Остались только Звента, Святобор, Приход и старики. Так и должно было произойти. Поход выполнил свою задачу, и люди снова стали людьми, они знали, что Звента в надежных руках, и старики сделают нужное. А топтаться на площадке, – только мешать им...

Седой, длинноволосый старик заговорил первым:

– Звента, горлица наша! В село не ходи, много на тебя наслано, останься здесь, возле Богов наших. Им сейчас твою болезнь понять надобно и силу для победы над ней приготовить. Гостя нашего, нового родича мы берем с собой. Пусть его девки попарят, да в семи водах ополоснут. Тогда и он сможет с нами в круг стать. А Святобор пусть с тобой останется. Ему сейчас нужно рядом быть, бо мороки, да порчи бесноваться станут, и тогда он тебя удержит. Сама, чать, знаешь...

Звента согласно кивала головой, а потом отправилась к дальнему краю площадки, где за небольшой каменной загородкой стояли деревянные идолы... Святобор пошел следом. Приход смотрел им вслед, пока не почувствовал, что кто-то тянет его за одежду. Обернувшись, он увидел девчонку, скорее даже девушку-подростка. Она смотрела на него ясными голубыми глазами.

– Ты Приход? – спросила она. – Пойдем к нам, там для ты баню топят...

Приход молча пошел за девочкой и скоро, попетляв между деревьями, оказался возле избушки, крытой толстыми плахами. Сквозь отверстие в крыше поднимался дым...

– Скидывай одежду и входи... Там тебя уж ждут...

Приход потянул рубаху через голову, но в нем вдруг вскинулся Сергей. Раздеваться вот так, запросто перед девчушкой! Что-то темное за клубилось в голове, но тут же и погасло. Словно васильковые глаза девушки разогнали муть гнилых мыслей. Он быстро скинул свою одежду и шагнул в избушку. Внутри было темно и щипало глаза от дыма. Сквозь небольшое оконце едва пробивался свет, и в плотном полумраке он увидел троих девушек в длинных белых рубахах. Они держали в руках веники из прутьев и трав и спокойно смотрели на Прихода, словно ждали его действий. И он понял, что ему нужно делать. Молча сел на лавку, вдохнул глубоко и закрыл глаза. Одна из девушек поднесла ему ковшик терпкого напитка. Он выпил и ощутил, как сладко зазвенела и закружилась голова. Потом лег животом на лавку и ткнулся лицом в букет душистых трав. Звон в голове усилился, и он провалился в теплую, приятную темноту.

Когда Приход снова пришел в себя, все тело, казалось, поет от внутренней чистоты и силы. Девушки снова поднесли ему ковш с напитком. Он медленно выпил горьковатый настой и ощутил, как внутри разгорается огонь силы и уверенности. Все также молча он встал и поклонился девушкам. Те сдержанно поклонились в ответ. Когда он вышел из баньки, старой его одежды – штормовки, джинсов не было. Вместо них лежали полотняные штаны и такая же рубаха. Вот только ботинки остались прежними. То ли они показались родичам предметами тайной силы нового человека, то ли по другим причинам их оставили Приходу...

Нужно было спасти Звенту, и весь род собрался, чтобы объединенной силой победить злую напасть, одолеть чары и помочь своей верховной ведунье вырваться из тягостных пут... Перед каменной оградкой, отделявшей капище от площади, полукругом стояли старики. Каждый держал тонкий прутик. Веточки в руках стариков шевелились словно живые и время от времени то разворачивались веером в разные стороны, то наоборот – соединялись концами. Когда все собрались на площади, давешний седой длинноволосый старец повернулся лицом к капищу идолов и заговорил на странном, непонятном языке. Он нараспев читал то ли молитву, то ли священный гимн... Приход никак не мог уловить смысл произнесенного. Это было непонятно. Ведь все знания рода теперь были доступны и ему. Он сосредоточился, но чувства молчали, молчала интуиция. Не было ни единого проблеска мысли. Он встряхнулся и взглянул на других. Люди вокруг стояли как безмолвные истуканы. Они, казалось, были в глубоком трансе. Приход поглядел на длинноволосого старика: чем дольше он пел свой непонятный гимн, тем глубже отрешались от окружающего родичи. Прихода удерживало в реальности, наверное, то, что он лишь наполовину был членом племени, а наполовину оставался гостем... Он лишь частью своего сознания был вместе со всеми... А спавший в нем до поры Сергей, сейчас проснулся и с интересом наблюдал за происходящим.

Прутики в руках стариков затрепетали и начали раскачиваться в едином ритме. И вместе с ними качались люди. Они стояли, бездумно глядя в пространство перед собой. Большие белые куклы, лишённые воли и сознания, подчинённые единой цели и ей отдававшие свои душевные силы. То, что раньше восхищало Прихода и радовало продуманной, гармоничной рациональностью, сейчас показалось Сергею диковатым. Он вдруг понял, что стоит вместе с целым племенем биороботов, подчинённых единой программе. Это было жутко... В полной тишине звенел голос старца, да тихо шуршал песок под ногами качающихся людей.

Но пение оборвалось также резко, как и началось... Люди приходили в себя, и Сергей не видел на их лицах унылости или подавленности. Наоборот, в глазах людей рода пламенела сила, огонь ясный и светлый струился из глаз... Нет, не все было ясно Сергею и пока Приход сосуществовал с ним в одном теле, не будет между ними полного согласия. Все равно один станет перечить другому и бороться с ним...

А действие продолжалось. Вперед вышли девушки с охапками трав и цветов. Они складывали их в одну кучу и скоро посередине площадки поднялся небольшой зелёный холм из травы... Двое стариков вошли за ограду, в капище и вывели оттуда Звенту в простой белой рубахе до пят... Они помогли ей взойти на травяной холм и уложили на самой макушке. Девочка, которая водила Прихода в баню, подошла к Звенте и надела ей на голову венок, искусно сплетённый из мелких голубых цветов. Молодые девушки, совсем ещё подростки встали вокруг, запели ритуальную песню и пошли хороводом посолонь... Следом девушки постарше встали кругом пошире первого и пошли хороводом в другую сторону. Потом завели свой хоровод молодые женщины. Последним кругом ходили крепкие женки... Мужики стояли поодаль и с любопытством смотрели на все. Им не позволялось участвовать в этом обряде. Только женская сила могла очистить Звенту от насланной порчи. Приход смотрел на происходящее действо и ясно понимал его цель и знал смысл тайных действий. Первый круг – юницы – двигался все быстрее, и скоро уже девочки стремительно скакали вокруг цветочного ложа Звенты. Девушки постарше в стремительном хороводе неслись им навстречу. Третий круг вертелся в том же направлении, что и первый. Хороводы женщин крутились навстречу друг другу, будто жерновами перетирая между собой невидимые зерна.

Старики возле идолов замахали своими прутиками, и над Звентой повис чёрный, клубящийся шар. Он противно звенел и ныл, зубной болью проникая в череп. Приход присмотрелся к нему и с удивлением понял, что это лесные комары, неведомой силой согнанные в клубок, висят сейчас над Звентой. Когда нудящий звук усилился и достиг предела человеческого восприятия. Комариный шар медленно опустился к телу Звенты и завис над ним. Комары растеклись широкой полосой, облепили ведунью и потом стремительно взмыли вверх, снова собрались в шар. Внутри серой шевелящейся массы насекомых разгорался огонек. Он трепыхался, пытался прорваться сквозь зудящий комариный строй, но затухал, снова вспыхивал в другом месте и также быстро угасал. Сосед толкнул Прихода локтем и прошептал:

– Вишь ты, никогда не видел, как порчу, комары уносят. Слышать доводилось, а вижу впервой.

Приход не успел ответить. Комариная туча вдруг начала оплывать, таять на глазах и неожиданно пролилась на землю чёрными маслянистыми каплями. Девчонки из первого круга с визгом разбежались, а там, где упали темные капли, земля вспучилась и зашипела.

– Ну, ты смотри, сколько яду в нее напустили! – удивился сосед

– В кого?

– Знамо! В Звенту! Ты бы выдержал что ли такое? Это только ей по силам. Другой бы окошел давно...

Старики торжественно ломали свои пруты и складывали их возле травяной кучи. Потом тот самый длинноволосый седой старец высек искру и запалил сухую лучину. Он достал из поясной торбы серый порошок и сыпанул им на свежесорванную траву. Потом поднес горя-

щую лучину, и трава вспыхнула. Сначала поднялись клубы белого дыма, а следом взвились языки прозрачного огня. Двое стариков взошли на кучу травы и взяли Звенту за руки. Помогли ей встать и медленно, осторожно, поддерживая ее, вошли в бесшумное пламя. Сергей внутри ахнул, а Приход твердо знал, что ни самой Звенте, ни старикам эта огненная купель ничем не грозит. Их окружило, словно облаком, заветное слово, и огню сквозь него не пробиться. Скоро все трое невредимыми вышли из костра, и пошли вокруг огня. Они обходили костер раз за разом, раскручивая спираль, и скоро вышли на периметр центральной площади. Обогнув всю ее, остановились у столба, на котором висел позеленевший от времени медный колокол. Звента с силой ударила по нему медным пестиком, и густой вибрирующий звук потек над селением. Она еще несколько раз стукнула в медный бок и Приход ощутил, как с каждым новым ударом волны вибрации проходят сквозь него. Они перетряхивали тело изнутри... Ему казалось, что вместе с вибрирующим звуком меди, дрожит каждая клеточка.

Потом Звента медленно прошла среди мужчин до Прихода. Она остановилась перед ним, взяла за руку и громко крикнула:

– Родичи! Вот он, Приход! Тот, кто покажет нам Силу и поможет понять ее! Ведомо мне, что он помирит нас с князем и ... – она оборвала крик. Потом снова крикнула:

– Примем его. Он наш, он спас меня ...

Принятый родом

С того дня дела пошли на поправку. Звента поселилась на краю деревни в маленьком домишке, сложенном из толстых сосновых бревен. Каждое утро на зорьке она уходила в лес и возвращалась, когда весь род занимался обыденными делами. Занятия были однообразные, но это никого не тяготило. Родичи шли по своим делам с радостью. Приход тоже переживал тихое счастье. Оказывается, можно вот так спокойно и счастливо жить в обыденности, наслаждаясь простым трудом, и чистыми отношениями, радуясь тому, что лес вокруг тебя живой и понимает людей, а люди понимают его. Сергей, время от времени поднимавший голову в Приходе, вдруг осознал, что истинное состояние мира – это счастье, живущее в колыхании травинки и журчании воды, в первом крике утренней птицы и нежном шелесте листвы. Он особенно остро переживал счастье гармонии отношений между людьми и природой, которая в его мире была, похоже, утеряна безвозвратно...

И оказалось, что счастье это можно переживать каждодневно, постоянно и не испытывать пресыщения. Оно каждую секунду иное, нежели раньше, не приедается, не давит однообразием. И Приход, подчиняясь мысленному желанию Сергея, часами бродил по кущам и полянам, забирался в лесные чащи и валялся на солнечных лужайках... Со стороны посмотреть, так просто бездельничал парень, а на деле, происходило в его душе что-то огромное, колоссальная работа вершилась в сердце Прихода-Сергея, и он с каждым днем становился чуточку другим. Он начинал чувствовать землю и лес, небо и облака, воздух и ветер, как живых существ, как своих помощников и товарищей в жизни. Вспомнились давно прочитанные слова из какого-то священного текста: «...И тогда камни придорожные будут служить вам...» (*“Апокрифы древних христиан” “Евангелие от Фомы”*). Он не связывал их с конкретным автором. Он понял, что служение неживой природы человеку в том, что человек становится органичной частью мира и точно знает, где когда и какую службу могут сослужить ему любые камешки и вехи...

Никто в роду не заставлял его работать, никто не попрекал бездельем. Смотрели доброжелательно и ласково, словно спрашивая: что тебе, Приход? Нужна наша помощь – мы готовы!

Это-то и тяготило. Молодой, здоровый мужик, мог многое делать, но не знал за что взяться. И никто ему не указывал, не заставлял и даже не предлагал работу. Хочешь ходить – ходи... Род сильный и крепкий – прокормит одного... Унылые мысли посещали Прихода во время прогулок по окрестным лесам. И это внутреннее уныние становилось для него тем

более невыносимым, что Звента, казалось, вообще забыла о его существовании, а остальные родичи были заняты своими делами и не обращали особого внимания на него. Правда, время от времени он чувствовал пристальное внимание к себе. Кто-то неотрывно наблюдал за ним, но кто и для чего – он не знал. Как и все члены рода он был открыт для всех, и любой родич мог узнать что пожелает... Однако это чувство доброжелательного, но пристального внимания оставалось и начинало беспокоить Прихода. Его словно бы держали на незримом поводке. Где бы ни находился – всегда был под приглядом...

Однажды, во время прогулки по лесу, Приход оказался свидетелем необычного... С точки зрения Сергея, все, что он увидел, выходило за рамки моральных и психологических норм его времени. А вот для Прихода это было естественно и просто, как и все другие проявления человеческой жизнедеятельности. И Сергей понял, что через Прихода перед ним открывают одну за другой страницы большой книги жизни пращуров, из которой можно бесконечно черпать мудрость и, преломляя ее через свое понимание, проецировать на современность.

А случилось вот что: он шел по обочине небольшой поляны и вдруг услышал стоны. Приход насторожился, подумал: может послышалось. Но нет, стон повторился и был он мучительно сладостным, а не страдающим... Приход осторожно пошел сквозь кусты на звуки и когда раздвинул ветви, увидел, как на плотном травяном ковре трепещут в страстном слиянии парень и девушка. Одежды они разбросали вокруг и сейчас, забыв обо всем на свете, отдавались друг другу с такой неизбывной страстью, что сила их эмоций разливалась вокруг, подобно клокочущему морю...

Первая реакция Сергея – это жадный, скользкий интерес... Но Приход уже научился подавлять физиологические вспышки своего внутреннего брата. Он давно усвоил, что в племени царят другие, гораздо более откровенные и в то же время чистые и нравственные отношения между мужчинами и женщинами. В них не было недоговоренности и пакостного любопытства, не было скользких намеков... Если люди любили друг друга, то это почиталось за счастье и не скрывалось от других. И половой интерес был избирательным. Желание и возбуждение возникали по отношению к человеку, которому хочешь доставить радость и счастье. Не было в роду привычной для времени Сергея реакции мужчины на женщину: дотянуться, одолеть и обладать ею...

Но то, что увидел сейчас Приход и вместе с ним Сергей, просто потрясло его. Он хотел было как-то вмешаться, предупредить молодых об опасности, о том, что они забылись и могут стать добычей зверей... И только собрался он шагнуть из кустов на поляну, как ощутил, что руки и ноги не слушаются его. Это было похоже на пелены большой лесной силы, которой его связал Святобор в первый день знакомства. Приход оглянулся и увидел, что в нескольких шагах от него стоят охотники. Один молча прижал палец к губам и глазами показал Приходу: «Молчи!».

Поначалу ему показалось, что охотники просто наблюдают за эротическим зрелищем, но тут же он ощутил волну силы, струящуюся от них к молодым. Приход ослабил внутренний контроль и настроился на эту волну. То, что он почувствовал, потрясло Сергея. Охотники стояли невидимые за стеной кустов и, собрав воедино свои силы, генерировали мощный поток энергии, направленный на пару. Охотники помогали молодым, старались сделать так, чтобы пара на поляне получила как можно больше силы, и чтобы любовное единение их было переполнено счастьем и наслаждением. А еще все охотники молились за этих двоих... Они просили богов дать им силу и крепость, чтобы зачатый в любви плод потом родился здоровым и крепким, и вырос сильным воином или красивой женщиной... Парень с девушкой сейчас соединяли в себе не только свои личные возможности, но и часть общей силы племени. От охотников к молодым исходило невидимое поручение рода: зачать, выносить и родить здоровое, сильное потомство..., и оно заключало в себе силу общего поля племени, его надежду и радость...

На поляне раздался хриплый стон страстного счастья, потом бурное дыхание стало затихать, и молодые замерли в объятиях друг друга. Охотники и Приход бесшумно растворились в зелени леса и отправились каждый восвояси. Они не обсуждали виденного, но шли удовлетворенные: они исполнили то, что должны были исполнить. В будущем ребенке, зачатом сегодня, будет частичка их силы, а значит и силы всего рода.

Ящерка на угольях

В деревню Приход вернулся после полудня. На околице ребятишки играли с ручным медвежонком. Над крышами плавал сизоватый дымок, да где-то горланил петух. Хотя деревня казалась пустой и необитаемой, но Приход чувствовал напряжение жизни во всем. Под видимым глазу безлюдьем, кипела скрытая жизнь. Женщины готовились встречать мужчин с охоты и с пашни. Старики сидели с мальцами, занимались посильными домашними делами... А на площади перед капищем происходило что-то важное. Приход понял это, едва шагнул за околицу. Он услышал зов: старики, звали его к себе...

На площади ведуны слушали седого длинноволосого. Он говорил:

– Я слушал лес... Он поведал мне, что от князя к нам снова гонец скачет... Князевы ведуны дорогу сюда не знают, а гонца послали на так, чтобы по лесу поплутал, авось наткнется... Этот гонец едет, чтобы передать нам слово франка Тициуса. Тот хочет встречи со Звентой и со стариками. Станет о своем боге рассказывать... Вот и решить нам надобно: привечать будем гонца, али морок на него напустим, да к лешим в болото отправим, пусть его покружат...

Звента стояла чуть в сторонке, опустив голову. У Прихода мучительно сладко заныло сердце: ох и хороша же была она сейчас... Настолько свежа, чиста и притягательна, что он едва удержал себя от желания подойти, приклонить ее голову к своему плечу, обхватить рукой стан и прижать гибкое, сильное тело к себе... Звента, похоже, почувствовала этот порыв, подобралась, стала строже, прозрачно-голубые глаза полыхнули холодным пламенем. Старики обернулись к ней

– Что скажешь, Звента? Мы свое отжили, тебе племя водить, тебе и решать... Будем гонца встречать, али уведем от роду подальше?

– Встретим! Только не здесь... Сюда ему незачем соваться. Князевы ведуны сей заповедный лес не знают, пусть остается неведомым... А мы встретим гонца на дальней луговине. Пусть думает, что мы вместе с зубрами живем... Там и поговорим, пусть Тициус следом за ним приходит на луговину, мы его там же послушаем.

Приход почувствовал, как со стороны капища повеяло ветерком. Он оглянулся на деревянных идолов, и на мгновение ему показалось, что их бесстрастные лица потеплели...

Встречать князева гонца отправились небольшим отрядом. Звента, двое стариков, Святобор, Приход, с десятков воинов. Снова построились в “поход” и стремительным маршем побежали к дальней луговине. А путь был неблизкий – верст тридцать надо было отмахать по лесам и чащобам. Даже для опытных охотников такой переход был трудным. Однако, прошли все расстояние на удивление быстро и добрались до луговины еще засветло. Звента со стариками осталась на опушке березовой рощицы, что белела возле входа, запертого двумя зелеными от лишайников и времени валунами. А воины растворились в высокой траве. Приход пошел вместе с ними, но почти сразу потерял из виду. Они словно сгнули в зеленом травяном море. Трава волнами перекачивалась под ветром, а людей не было видно. Он чувствовал, что воины где-то рядом, но разглядеть не мог. Они заняли выгодные позиции, чтобы в случае вероломства княжих слуг, избавить Звенту и стариков от неожиданной опасности...

Время шло, деревья затихли, птицы перестали петь, пришел закатный час, когда все в лесу замирает: дневные обитатели уже успокоились, а ночные еще не вышли на охоту... Ста-

рики собрали хворост и разложили костер под березками. Небольшое пламя почти без дыма из-за высоких трав и не видно было. Они сварили какое-то снадобье из трав, и теперь черпали ковшом густое, пахнущее сеном питье. Приход с удовольствием выпил и почувствовал, как вместе с горячим напитком по телу разливается свежесть, притомленные ноги будто получили новый заряд силы, спина разогнулась, усталость исчезла. Следом за ним к ковшу приложились все. Воины один за другим выныривали из зелени кустов и трав, пили свою порцию и вновь исчезали в вечерних сумерках.

Ночь неслышно опустила на луговину темные покрывала, окружила костерок, запела комариную песню над ухом... Приход начал было отмахиваться от назойливых кровопийц, но один из стариков взял горящую ветку, обвел вокруг него огнем и комариный стон прекратился. Словно и не было их здесь никогда. Сидели молча, смотрели в огонь, только изредка шевелились, подкидывая сучки на раскаленные уголья. По одному из теплой темноты выныривали воины, подбирались к костру. Старики что-то говорили им шепотом и те снова исчезали в потемках... Но скоро и это движение прекратилось. Приход пребывал в странном оцепенении. Не хотелось шевелиться, думать, лень было расправить затекшие руки и ноги. Он неотрывно смотрел в огонь, и в причудливых язычках пламени чудились ему дивные картины. То фантастический дворец возникал на угольях, то огненно-фиолетовый сполох рождал прекрасное лицо, которое тут же превращалось в жуткую рожу и пропадало. Он на мгновение закрыл глаза, а когда вновь взглянул в огонь, то увидел ящерицу. Симпатичная, огненно-красная, словно раскаленная, она, подергивая хвостиком, внимательно смотрела на Прихода. Ящерица сидела в самом сердце костра на сияющих раскаленным фиолетовым светом углях. Бочок ей лизал язык пламени, а под ногами переливался дрожащий белый жар. Приход тупо смотрел на ящерицу. Мысли скользили тягуче, неспешно... Он спрашивал себя: почему эта ящерица сидит в огне? И сам же отвечал: а ей так нравится... Не было удивления или страха, а только странная заторможенность и тупое внимание...

Звента неслышно подошла сзади, наклонилась к нему и тоже увидела ящерицу. Она вздрогнула и поспешно отступила назад. Что-то сказала старикам и те беспокойно завопились. Приход ничего этого уже не видел. Ящерица приковала его взгляд и заставила смотреть только на себя.

Старики со Звентой сгрудились позади Прихода и тоже разглядывали странное огненное создание. Наконец Седоголовый выдал:

– Знак нам! Не к добру это. Таких огневых ящериц люди видят, когда беда подкрадывается...

– Должно быть, упреждают нас, что с княжим гонцом встречаться не надо...

Оживление вокруг костра никак не повлияло на Прихода. Он по-прежнему оцепенело смотрел на огонь, на раскаленный бок рептилии, на сияющий внутренним жаром крохотный глазок. Он манил, обнимал Прихода собою и втягивал в жаркие глубины. И вдруг ящерица начала стремительно расти, крохотные ножки ее превратились в огромные слоновьи ноги-тумбы, жадная пасть раскрылась, и на Прихода пахнуло запахом паленой шерсти. Длинный язык обхватил его и потянул в пасть. А он даже не сопротивлялся. Там, во чреве огненного существа его ждал покой, отдохновение от жизни, он сам тянулся к концу, сам...

Видение задрожало, как марево над горячей пашней и исчезло. Приход ощутил на голове чьи-то прохладные ладони. Он скосил глаза и увидел рядом с собой Звенту. Та стояла, наложив руки ему на голову и что-то шептала негромко. Он разобрал только...

*Навь родила,
навь пустила,
в навь уйди обратно, сила...*

И навалилась расслабление. Он все понимал, но не мог показать, что все слышит. Он мешком свалился на траву. Звента и старики склонились к нему. Открытые глаза видели лица

людей, и одновременно зрили, как сквозь них протекают полосы страшного и тихого лилового тумана. Он знал, что этот туман – самое опасное, что есть в лесу, но не мог ни пошевелиться, ни предупредить... Он хотел глазами показать, что все видит, но глаза не слушались. Он чувствовал тело и не мог ничего с ним сделать. Мучительное состояние беспомощности навалилось на него. Приход осознал, что стал большой куклой, из которой убрали что-то очень важное. И это еще больше обостряло мучения... Потом пришел страх. Знакомый, всеохватывающий, который Сергею доводилось уже переживать в прежней жизни. И страх спас его от внутренней паники. Страх, хоть и был подавляющим, тяжелым – оказался знакомым. Однажды он справился с глубинным ужасом, и теперь появился лучик надежды, что одолеет внутреннего врага.

Приход затерялся где-то в зыбких туманах сознания и остался один на один со страхом в черноте внутренних пространств. Страх окружал его, был внутри и снаружи, в нем и в пространстве. Но ощущения надежды, что помогло ему в прошлый раз не было. Он чувствовал пронизанную ужасом тишину вокруг и не мог найти в ней даже зацепку, чтобы остановить стремительное падение в бездну ужаса...

Звента стояла на коленях перед Приходом и в ней не было той величественной силы, что так поразила Сергея при первой встрече. Она была простой женщиной, оглушенной бедой, случившейся с близким человеком. Старики окружили Прихода и пытались помочь ему. Но тщетно... Все их усилия словно наткнулись на холодную скользкую стену.

Они видели ящерку в костре, потом Приход вдруг странно задергался, будто сопротивлялся какой-то силе, и на миг им показалось, что ящерка стала огромной и проглотила Прихода. Звента подбежала к нему, сотворила защитный знак и начала прогонять черноту нави, что выплеснулась из угольев на их родича. И он, вначале напряженный, как каменный, ослаб, оплыл и бесчувственным телом упал на траву. Старики думали, что Приход погиб, но Звента прислушалась к его мыслям и сказала:

– Он живой, только где-то очень далеко отсюда. Еле слышно его. Он зовет нас, он ищет помощи, но где он – я не ведаю. Я не ведаю, что с ним! Навь выплюнула к нам эту силу, но не хочет забирать ее. Я не могу прогнать зло, которое вошло в него...

Он не умрет, я знаю, но и жить не будет. Мы смогли отбить у нави только его тело, где он сам – не знаю... И Звента тихо заплакала, как маленькая девочка, обиженная несправедливо. Она опустила голову на колени, уткнулась лицом в подол своего платья и замерла так... Старики молча стояли вокруг. Они впервые столкнулись с силой, которой не могли ничего противопоставить. Им, многомудрым и опытным, владеющим силой леса и правдой Земли-матери, пришлось столкнуться с рожденным в нави мороком, о котором они ничего не знали... Горестно стояли старики, склонив седые головы. Их умения и опыт были бессильны. Они не могли помочь дочери богов -Звенте в ее горе...

Утро сереньким рассветом прокралось между деревьями. Знобким ветерком тронуло листву, разбудило первых птиц и на плечах подняло из-за горизонта солнышко. Сначала люди увидели только дымные лучи, пробивающиеся сквозь ночную темень, но скоро оно само показалось над лесными макушками... Вместе с солнцем в лес пришло тепло. Золотые лучи облили листву и стволы, ветренными тенями пробежались под березками и сверкающими пятнами упали на лицо Прихода. Он даже не шевельнулся... Ни старики, ни Звента так и не смогли вернуть его к жизни...

Солнце поднялось уже высоко, когда измученные родичи отступились от Прихода. Они сделали все, что могли и умели. Зло, укравшее Прихода, оказалось сильнее и он лежал под березками: живой и неживой. Большая кукла лежала в тени деревьев, а где был сам Приход? Никто не ведал того...

Урок вежливости

Посланец князя выехал на луговину к полудню. На дальних подступах его перехватили воины рода и отвели к старикам. Гонец думал увидеть каких-то особенных людей, о которых в городище ходили разные слухи. А перед ним стояли согнутые годами и печалью старики. Сказочная Звента, которой боялись ведуны с черных болот, оказалась простоволосой молодойкой в иззелененном травой сарафане, простоволосая, чумакая от сажи костра. Подъехав поближе, гонец даже не счел нужным спешиться. Жалкая кучка оборванцев не стоила того, чтобы кланяться им.

– Это вы старики Рода? – спросил он бесцеремонно. – Ну и ну! Я-то думал, что увижу витязей, а тут... – Гонец даже сплюнул досадливо. Однако приказ князя был крепок: повидаваться со стариками и Звентой, уговорить их на встречу с Тициусом, пообещать разных благ, только чтобы согласились креститься в новую веру.

– И чего князь в вас нашел важного? – гонец даже не пытался скрыть свои мысли, а просто рассуждал вслух, как будто рядом никого и не было. – По мне так живите в своем лесу, никому вы не нужны, такие-то...

Он не был злым человеком и не собирался обижать посланников рода. Ему не нужно было и их унижение. Он просто хотел понять замысел князя. А поскольку жизнь при господине была совсем другой, чем на воле, гонец настолько пропитался ядом интриг, чувством собственной значимости, как князева помощника, то и допустить не мог, что действительно важные для его господина люди могут выглядеть так неказисто. Он хотел бы найти таинственный блеск в глазах, осанистость и недоступность, отстраненность и загадочность... Вот к таким людям он ехал, а на деле... Гонец помнил придворных ведунов, и думал, что те, кого боялись и уважали на княжеском подворье, должны выглядеть хотя бы также...

Старики и Звента слушали гонца вполуха. Им было не до него. Более всего заботило их то, что Приход, украденный навью, не поддавался их усилиям. Он по-прежнему оставался бесчувственной куклой, хотя обрывки его мыслей, показывали, что дух рвется в поисках выхода из внутреннего тупика. Мало того, что судьба родича была всегда важна для всего рода, старики столкнулись с новым проявлением враждебных человеку сил и не смогли разобраться в них. Это очень тревожило их. Ведь, не ровен час, навь снова и снова станет нападать на людей рода и утаскивать их в свои страшные глубины. Чем помочь людям?!

Гонец увидел, что его не слушают, не выказывают должного почтения и возмутился. Ему, княжескому посланнику, который столько проскакал для встречи с этими оборванцами, не оказывали должного внимания. Посланного в лесной лагерь хотя бы напоили допьяна, а ему даже слова приветного не сказали... Замутилось в голове у служивого, и сердце зашло в гнев:

– Ах вы, голь перекатная, даже говорить со мной не желаете зарычал посланец, – а ну, которая тут Звента, выходи сюда. Мне тебе особо сказать надо, да побыстрее шевелись-то, некогда мне тут с вами...

Договорить он не успел. Какая-то сила швырнула его из седла на землю и придавила к пахучим травам. Гонец попытался поднять голову, но его впечатали в землю, и он мог шевелить только глазами. А рядом мгновенно оказались двое, встали на колени рядом с ним и начали втыкать в землю колышки вокруг распластанного тела. Гонцу показалось, что с каждым новым колышком, тело его прорастает в землю корнями. Поначалу гонец хорохорился, но скоро понял, что с ним не шутят. Такого не знали на княжьем подворье, даже не слыхивали о подобном...

Звента подошла к распластанному на земле княжескому слуге. Наклонилась над ним и пристально посмотрела тому в глаза. Гонец почувствовал, как сквозь его ум протекают какие-

то волны, и он теряет последние остатки воли и разума. Он физически ощутил, как кожа превращается в кору, тело становится деревянной колодой... Он попытался удержать ускользающий разум, но не смог сопротивляться холодному пламени, струившемуся из глаз чумазой молодайки. Язык не слушался и вместо слов из горла вырвался только жалобный и беспомощный хрип...

Старики молча смотрели, как гонец превращается в гнилую колоду. Ноги его уже потеряли форму, а руки покрылись узлами, как ствол больного дерева... На лице были испуг и непонимание... А Звента сорвала травинку и коснулась ею лба и на коже начал появляться рисунок коры дерева. Гонец погибал...

Седоголовый тронул Звенту за рукав: – Дочка, не гоже разум гневом мутить... Он-то – глупый, так не отыгрывайся на нем... Дури в нем много, не учен еще! Оставь его, дочка, бо он, уйдя в древо тебе облегчения не даст...

Звента кусала губы и молча смотрела, как гонец корчился в траве, потом махнула рукой:

– Отпустите его... И снова коснулась травинкой тела... Воины быстро выдергали колышки из земли и гонец вздохнул с мучительным облегчением. Рисунок коры с кожи пропал, ноги и руки снова стали обретать прежние формы... Через некоторое время он уже смог сесть, а потом и встал на четвереньки. Стоя на карачках, он смотрел снизу на старика, и в глазах его читался такой ужас, что родичам стало не по себе. Не должно было Звенте так обходиться с посланцем. Не гоже людям рода силу свою употреблять на такие дела, иначе чем они будут отличаться от колдунов, исходящих злобой в своих чащобных берлогах...

Звента снова подошла к гонцу и протянула ему берестяной ковшик с травяным настоем.

– Испей, легче будет. Да не бойся ты, коли хотела, то давно уже извела бы со свету. Тебя поучила, как со старыми людьми говорить, да им уважение оказывать...

Гонец выпил и сел на траву. Видно было, что силы стремительно возвращаются к нему. Он осмелел и заговорил, но тоном другим, заискивающим и просящим:

– Князюшка наш, просит вас: Стариков, и тебя, Звента, приехать к городищу. Там вас ждет франк Тициус, который послан к нам. Кто послал, зачем – не ведаю, только знаю, что он хотел с тобой, Звента более всего увидаться. Речи вел по-нашему, без толмача, тебя сестрой звал... И вас, Старики, он видеть желал, бо сказать ему надо важное... Там, возле городища он домик поставил, называет его «храм» и в том домишке своему Богу молится. Мы туда не ходим, бо хоть и приняли новую веру, да понять не можем чего там делать-то. Я заглядывал, думал там Бога увижу, а там пусто, только в углу поставец, да на нем крест.

– А чего хочет твой Тициус?

– Не знаю, дева... Говорит, что с тобой ему надобно увидаться, да тебе весть передать...

– От кого весть?

– Не спрашивай, то мне неведомо. Все что знаю, все сказал, одно могу добавить, князь наш сулит дары богатые, коли вы к нам придете. Видать хочет дружбы с вами...

– Дак мы и не воюем...

– Ему другой мир нужен, чтобы полюбовно было между вами, а не так, каждый сам по себе.

Звента повернулась к старикам.

– Вижу, нет в нем злобы и умысла, но что там князь затевает... Гляньте, отцы, мне сейчас не до того...

В гостях у франка

Весь день отряд провел на луговине, и только к вечеру решились идти. И не спорили вроде, и не искали подвоха, однако что-то держало всех. Внутри словно ледяная рука сжимала сердце и толкала обратно. Каждый, вспоминая родной лес, чувствовал тепло и мягкость, а от

дум о предстоящем походе, холодело на сердце... Неласков казался предстоящий поход... И только Звента сидела молча, в разговорах не участвовала. Она устроилась в головах у Прихода и медленно покачивалась вперед-назад, словно басурман на молитве. А между ней и лежащим Приходом дрожал воздух, как над разогретой землей.

– Поняла я, что с ним случилось, – Звента кивнула в сторону Прихода. – Теперь нам нельзя не идти, иначе пропадет он. Страх в сердце все чувствуют? Это идет от той силы, что его утатила. Она хочет нас здесь удержать, обратно отправить. Очень навь противится тому, чтобы мы с этим франком встречались. А посему идти надо. Чую, что там Прихода спасти сможем...

Путь к городищу, против ожидания, занял немного времени. Преодолев в себе тягучий страх и нежелание идти, родичи словно перешагнули невидимую преграду, и путь пошел быстро и легко. И даже носилки с Приходом никого не тяготили. Казалось, что на березовых ветвях, сложенных крест-накрест лежит не здоровенный мужчина, а хрупкий отрок, не нагулявший еще ни силы, ни веса. Словом, все чувствовали внутренний подъем и помощь, будто кто-то внимательно следил за родичами и в нужный момент подставлял могучее плечо, поддерживал, подталкивал...

В просветах между деревьями показались строения. Маленькие избенки окраинной слободы, но от них до городища было рукой подать... Когда отряд добрался до высоких деревянных стен детинца, гонец обернулся и сказал:

Вон там храм Тициуса, и он ждет вас в нем. К князю пойдете после, когда встретитесь с ним. Так решили...

Путники направились к небольшому деревянному строению, стоявшему на опушке березовой рощицы... Странная это была изба. Не похожая на другие. Вроде бы и сложена, как все дома лесных жителей, из толстых бревен, да только по-особенному. Крышу венчала маковка с крестом, да и сама крыша была сделана как на княжеском тереме – шатром. Узорные столбы поддерживали причудливое крыльцо, а перед ним стоял вкопанный в землю огромный деревянный крест...

Звента решительно направилась к храму, и отряд последовал за ней. Прихода на носилках несли впереди. У самого крыльца родичи остановились и стали внимательно рассматривать необычное строение.

Дверь отворилась и на порог вышел высокий бородатый человек в длинном черном одеянии. Он приветливо смотрел на родичей ясными, как у младенца, глазами.

– Ты и есть Тициус? – первой оборвала молчание Звента

– О, да. Я есть Тициус и хотел видеть тебя, дева, в этом храме... Слова он произносил нараспев, со странным акцентом. – Я пришел сюда издалека, очень... Я хотел видеть тебя и еще того воина, который появился у вас недавно...

– Откуда знаешь про него? – прервал франка Святобор. – Он у нас, но о том никто из князевых людей не ведал...

– Я не человек князя, – мягко улыбнулся Тициус. – Я послан к вам, чтобы донести весть до тех, кому она нужна. Они передадут ее дальше. Пославший меня сказал мне, что я должен передать священное слово деве по имени Звента и молодому воину, который пришел в племя недавно...

– Кто же послал тебя к нам с тайной вестью?

Тициус молча улыбался и не отвечал... Потом он обратился к Звенте:

– Если ты соизволишь войти в храм, то я смогу ответить тебе, рассказать о цели своего появления. Но коли ты не станешь говорить со мной, значит я должен буду передать весть тому, кто готов и хочет ее слышать... А среди вас такого пока нет... Войдешь, дева?

Звента помедлила, потом решительно шагнула к крыльцу. Взойдя на него, она обернулась к старикам и проговорила негромко:

– Слушайте меня умом и если что-то не так – уходите сразу, да так, чтобы за вами морок шел и путал преследователей... А я сама справлюсь с бедами...

Спасение от нави

Она шагнула в полумрак храма, и дверь за ней мягко притворилась. Старики сосредоточились, напрягся и Святобор, пытаясь поймать мысли Звенты. Но вместо них была плотная мягкая тишина, словно Звента сама упрятала свои мысли глубоко и не хотела, чтобы их читали... Старики забеспокоились. Прятать мысли умели многие, а вот силком захватывать их, не выпускать из чужой головы могли единицы. Потому и засуетились родичи, решили, что Звента попала в лапы ведунам князя. Они собрали отряд в плотное кольцо, носилки с Приходом оказались в центре. Воины знали, как сделать чтобы Приход исчез и его, беспомощного не схватили слуги князя. А старики доставали из своих кошелей порошок из толченой кости древних зверей. Этот порошок помогал насыпать такой морок на многочисленных противников, что те переставали понимать куда бегут и за кем охотятся... Отряд был готов к немедленному уходу. И в этот момент двери храма, открылись и на пороге появилась Звента. На стариков и Святобора обрушился поток ее мыслей. Но были они не тревожными, а сумбурно радостными... Чему радовалась Звента никто не понял, но все почувствовали счастье в ее душе. Она улыбнулась своим спутникам и громко сказала:

– Этот франк тот, кого я давно жду. Он поможет нам, ему можно верить...

А старики слушали не столько ее голос, сколько мысли и старались разобрать – правдива она или же говорит под давлением чужой воли... И выходило, что не было над ней никакого насилия, а говорила она от сердца и хотела, чтобы весь отряд вошел в храм и что-то там увидел. Старики двинулись было к крыльцу, но Звента остановила их:

– Вначале занесите Прихода. Он первым должен услышать и понять то, что увидела я...

Старики не перечили. Носилки с бесчувственным телом внесли в храм и поставили в центре небольшой комнатки. Воины, что входили внутрь, оглядывались с любопытством. А в храме ничего не было: голые стены, в красном углу висело несколько картин на досках. На всех был изображен лик какого-то человека. Под картинами стоял небольшой стол, а на нем крест – вот и все убранство храма. Воинам понравилась суровая простота. А франк Тициус прошел вперед и велел носилки с телом Прихода поставить в центре комнаты. Сам подошел к столу и начал что-то шептать, время от времени производя странные жесты руками: будто отмахивался от невидимого...

Отряд стоял позади франка и с интересом наблюдал за его действиями. Пока ничего не происходило, хотя люди и ждали каких-то необычных явлений. Но вдруг словно ветерок пробежал в пустой комнате, огоньки свечей перед крестом, заколебались, прилегли на бок, потом снова выпрямились. И каждый почувствовал в себе чье-то присутствие. Оно не было чужеродным. Казалось, скинута пелена с сердца и вот открывается дивная картина: внутри свет мягкий, нежный и очень сильный... Свет, который живет, чувствует, любит тебя... Ощущение внутреннего сияния принесло невыразимое блаженство. Невозможно было описать его. И еще родилось чувство живого мира вокруг. Каждый из родичей знал, что мир живой, лес и поле, воздух и земля наполнены жизнью, они чувствуют мир людей. Но то, что почувствовали они сейчас, было непривычно. Они увидели, что даже сам воздух стал единым живым и добрым, любящим их... Все пережили любовь и доброту, ощутили, что окружающий их мир полон любви, знает, чувствует, и понимает всех сущих в нем. И еще родичи почувствовали Силу. Таковую великую и всеобъемлющую, что ее невозможно было равнять с мощью леса, поля или даже всех богов, вместе взятых. Эта Сила была в каждом сполохе внутреннего света, но она не подавляла, а поила собой, поддерживала и рождала уверенность и стойкость...

Франк внимательно смотрел на воинов и стариков, потом перевел взгляд на Звенту и произнес:

– Если вы хотите помочь вашему воину, то просите... Просите у Силы помощи, просите словами и мыслями, просите сердцем и старайтесь, чтобы ваша просьба была искренней...

А ты, дева, уже видела многое из того, что является великим таинством Божественного проявления. Готова ли ты принять каноны, которые я принес вам вместе с тайным словом?

Звента молчала, опустив голову. Она боялась даже шелохнуться, ибо ее чувства были все еще в тонком и запредельном мире, которого коснулась краешком сознания. А потом вошла в него, как любимая дочь. Ей было дано стать частицей этого мира... И она все еще пребывала в нем. Наконец оцепенение прошло и Звента вскинула голову.

– То, что я пережила, это и есть твой Бог, франк?

– Дева, не можно называть малую часть Великого этим именем. Ты лишь коснулась Отца Небесного, но даже этого хватило тебе, чтобы многое понять! Ваши Боги состарились и хотят покоя, а вместо них приходит тот, кто породил все, и их самих тоже...

– Это Сила?

– Да, Сила Великого Света Яви, Сила, противостоящая всем напастям и бедам на земле, Сила, в которой каждый найдет покой, опору и надежду... Но в нее надо верить и жить ею, тогда сила станет для каждого надежным проводником... Для нее нет невозможного, но она сама не творит чудеса. У нас говорят: “Когда Бог хочет помочь кому-то, он посылает к нему нужных людей!” Вы привыкли добиваться всего сами, уповая только на себя, свои умения и малую помощь ваших старых богов. Наш Бог принял ваши беды на себя и простил вам все ваши прежние заблуждения. Но он ждет, чтобы вы открыли свои сердца ему навстречу, чтобы дали возможность ему проникнуть в ваши души и наполнить их своим светом.

– Франк! Ты складно говоришь нам, но вот на полу лежит наш воин. Его похитила навь, а здесь оставила только тело. Где он, что с ним? Прошу тебя, франк, ответь, попроси своего Бога, чтобы он вернул Прихода в тело.

Тициус улыбнулся и снова отвернулся к алтарю с крестом. Долго он что-то шептал, кланялся и когда повернулся к родичам, лицо его было сосредоточенно торжественным. Он встал на колени перед лежащим на полу Приходом, поднес к его губам металлический крест, несколько раз обмахнул тело рукой, а затем запел негромко мелодичную песнь... Постепенно песнь становилась мощнее, хотя франк даже голоса не возвышал, и скоро уже все помещение храма вибрировало необычными переливами звуков, которые, казалось родичам, вспыхивали сполохами света. Звента обратила ум к лежащему на полу Приходу и ощутила, как ее втягивает в какое-то пространство. Она разделилась: тело стояло в храме, а ее внутренняя таинственная сущность плыла в волнах могучего и трепетного Света.

Она увидела Прихода, барахтающегося в клубке черных щупалец. Увидела, что щупальцы эти корнями уходят в темноту. Но темноту со всех сторон окружал свет! Тьма грозно колыхалась, но не могла захватить новых просторов. Свет сжимал ее и удерживал в каких-то границах. Потом она увидела два потока, которые струились рядом, а иногда переплетались, как пряди волос в девичьей косе. И чем дальше двигалась Звента вдоль потоков, тем большие было переплетений. И в одном узелке радужных струй, она увидела Прихода, живого, неведимого. Он радостно улыбался ей и манил к себе. Звента вошла в водоворот кипящих струй и услышала знакомый голос:

– Смотри: струя потемней – это наша вера, наша жизненная сила, наши боги. А струя светлая – это новая вера и новая жизнь... А теперь почувствуй, в чем их разница...

Звента окунулась в один поток: это был привычный поток их жизненной силы. В нем колыхалась мощь земли и лесов, мощь, которой они могли управлять и творить с ее помощью чудеса, биться с врагами, врачевать немощных и созидать новую жизнь.

А второй поток был тонким и нежным и нес в себе нечто непонятное, невыразимое. Он оплодотворял собою силу первого потока, наполнял его новым содержанием, рождал в недрах земной силы духовный всплеск тонкого огня знания, жажды созидания и творчества. В слиянии двух потоков она увидела рождение новой жизни, наполненной любовью и добром, страстью и спокойствием, стремлением и неподвижностью...

Приход протягивал к ней руки и манил за собой, а сам все улетал в непостижимые глубины струящегося Света. Звента тянулась вслед ему, но Свет сдерживал ее. В голове зазвучал бесплотный голос:

– Остерегись, то наваждение. Тебя уведут от жизни. Ты не должна сейчас уходить от своего мира, он ждет твоего слова. А этот человек, хоть и показывает правду, но лжет. Он через правду увлекает тебя в свою кривду, ибо он нелюдь, он пришел к тебе из нави. Остерегись!

Звента встряхнулась и Приход в потоках Света начал рассыпаться, как песок. Скоро он исчез, а перед ее взором снова возникли щупальца черноты, в переплетении которых барахтался Приход. Он был настоящим, это Звента поняла, едва увидела родича. Она вспомнила слова Тициуса: «просите мыслью, сердцем, просите искренне...» И она взмолилась, обращаясь к Свету:

– Прошу тебя, великая Сила! Верни нам воина и родича, он нужен нам, но навь погубит его, а потом и всех нас... Верни, ибо мы оказались бессильны перед силой ночи... Помогите нам одолеть ее, мы просим тебя всем родом, просим и хотим преклонить головы перед тобой. Дай нам только понять тебя...

Когда Звента очнулась, в стенах храма было тихо. Тициус завершил свое пение, воины отряда стояли в сторонке, и как замороженные глядели на Звенту. Старики тоже удивленно смотрели на нее...

– Где ты была, дочка? То, что ты сейчас пела, нам не ведомо, на каком языке ты говорила и с кем? Скажи нам, Звента!

Франк Тициус заговорил первым:

– Вы слышали речь не этой девы, но ее устами вещал Отец наш, которого вы зовете Волей. Вы слышали все, что он говорил вам, а то, что не поняли – не беда. Она потом вам все расскажет. Пока дайте ей отдохнуть.

Звента слушала и не понимала. Она помнила только свою просьбу к Свету, а дальше был провал... Старики помогли ей выйти из храма под сень березовой рощи и рассказали, что вначале она стояла, как окаменевшая, потом начала двигаться и петь странные слова, а потом заговорила на незнакомом языке густым, низким, чистым голосом. Никто из стариков и воинов, и даже сам Тициус не знали этого языка и не поняли ни одного слова. Звента как ни старалась не могла вспомнить происходившего с ней... В ее памяти остались ощущения прикосновения к чему-то великому и непостижимому, но они были похожи на дальние зарницы перед грозой, когда где-то полыхает небо, а звуков грозы не слышно. Она помнила свои переживания, но смысла их понять не могла...

Воины развели маленький костер, старики готовили еду. Весь отряд укрылся от посторонних глаз за березами и отгородился от слуг князя стеной лесного заговора. Хоть рядом с путниками пройди – а не заметишь. Отводит глаз такой заговор, лесным шумом скрадывает слух, ноги поворачивает в другую сторону. Когда путники прячутся за лесным заговором, то только медведь может найти их. Остальные не видят и не слышат никого...

Странные дела происходили сегодня. Они поняли, что Бог франка силен, что он совсем другой, нежели старые племенные боги. Их хоть и почитали, но особенно не слушали и жили по своей правде. Да и дожидаться слова от старых богов было трудно. По рассказам стариков, когда-то деревянные идолы вещали слова истины, прорицали, подсказывали... Но это было так давно, что даже самые старые знали только рассказы об этом, но живого слова идолов не слышал никто.

На крыльце храма появился Тициус. Он смотрел в сторону отряда, но не видел его. Он громко крикнул и Звента услышала свое имя. Она вышла из-за стены лесного заговора и появилась перед франком. Тот поманил ее рукой и вошел в храм. Звента последовала за ним. Внутри, в самом центре комнаты стояли носилки. Приход все также безучастно лежал на них, подобный огромной живой кукле. Но в лице появилась осмысленность, возникло ощущение жизни в теле.

– Дева, тебе надлежит вернуть воина из его темного странствия. Встань на колени рядом с ним. Поклонись кресту и проси сердцем, проси...

Звента исполнила все, как сказал ей франк и в тот момент, когда она склонилась над Приходом, на них опустилась пелена забвения. Она вновь увидела себя в бесконечном океане живого и любящего Света. И снова в щупальцах темноты бился Приход, только движения его становились все более смазанными и нерешительными. Силы покидали его. И снова она обратилась к Свету, к Воле с просьбой, освободить Прихода. И сила вошла в нее. Она стала подобна мечу, разящему тьму. Она видела, как под ее ударами корчились разорванные клочья тьмы... Она отрывала от Прихода прилипшие черные щупальца, отсекала от него темные липкие нити, тянувшие его вглубь тьмы... Ей удалось вырвать родича, освободить его. Но на руках ее лежал бесплотный, невесомый ребенок. Она не чувствовала тяжести, только бессилие, исходившее от того, что раньше было Приходом... И в голове снова зазвучал давешний голос:

– Ты ждешь, что примешь на руки тело? А его нет... Ты же бестелесна. Ваши тела остались там, откуда вы оба вошли в этот мир. Ты ищешь привычного в неожиданном и потому не видишь многое, что надобно понять... Забудь про тела, оглянись и слушай себя, свои чувства и мысли...

Она осмотрелась и увидела нечто живое, но не имеющее конкретных очертаний. Его не было в привычном понимании, но оно было, и Звента перед ним казалась муравьем перед огромным деревом. Разница в том, что дерево не видит муравья, а сейчас Звенту не просто видели, ее понимали, даже малейшие движения ее сознания были понятны... Она собралась с духом и спросила:

– Ты кто?

– Я – это ты, это твой родич Приход, все вы... Я в каждом, но ни в ком отдельно. Я – основа. Ты часть Меня, но Я – Целое !

– Ты – Воля?

– Называй меня как угодно, но любое название отразит лишь часть, а я – Целое! Не думай более о названиях. Вдохни жизнь в твоего родича. Он нужен тебе, нужен мне... Его предназначение еще не выполнено!

И тогда Звента приникла к Приходу. Она отдавала ему свое сердце, всю себя, не ожидая взамен ничего. То было упоительное состояние слияния двоих в единое целое. Не физический контакт, а духовное единение, в окружении любящего Света – что могло быть более великолепным, чем это неожиданное состояние...

Частица силы

Раннее утро вместе с птичьим гомоном проникло на поляну, где ночевали родичи. Старик поднялись еще затемно и приготовили отвар богатырь-травы, чтобы в дальнейшем переходе отряд не уставал. Воины поднялись быстро. Вся поклажа была приготовлена с вечера, и потому сборы заняли мало времени. Тронулись, когда солнце еще только показало из-за горизонта первые лучи.

Как и всегда во время похода отряд слился в единый организм, и каждый стал частицей общего движения. Приход тоже попытался встроиться в движение, но словно что-то произошло внутри после его странного путешествия по бездонным глубинам нави. Он то ли не мог

войти в общее движение, то ли родичи не впускали его... Но бежать ему пришлось самостоятельно. Поначалу трудно было приноровиться к спорому и ровному шагу отряда, но скоро Приход подгадал ритм и побежал вместе со всеми, не чувствуя тягот пути. А скоро отряд словно распахнулся перед ним и втянул в себя. И тогда Приход вновь ощутил восторг единения со всеми, когда перестаешь быть самим собой и становишься частью могучего организма...

Бежали без остановки почти до границ родного леса. Когда подошли к его опушке, старики дали знать – привал. И сразу распалось чувство единения, люди побежали вразнобой, утирали пот. На небольшой полянке остановились. Старики развели костерок и снова варили богатырь-траву. Звента отошла от всех и устроилась на валежине. Она вообще вела себя странно после того, как вытащила Прихода из липкого плена нави. Даже во время движения Приход ощущал ее отдельность, хотя она бежала впереди отряда, но все-таки была в своих мыслях и переживаниях. Тело двигалось со всеми, а думы ее гуляли где-то далеко...

Приход подошел к ней и молча присел рядом. Молчала и она. Он только чувствовал, какая в ней идет борьба. Мнилось ему, что дева рвется на две части. Что-то тянет ее в разные стороны, и она от этого страдает.

– Сестренка, что с тобой? Ведь идем домой, радоваться надо...

– Есть ли радость в том, что возвращаюсь домой, а сама не могу понять – где он, дом-то мой? Тот франк мне многое открыл. Да и не он, а то, что в его храме живет... Сила передо мной распахнулась и пустила меня поглядеть, как там все... И тебя ведь я спасла с ее помощью. Не одолеть мне было нави. Я перед ней, как муравей перед столетним дубом. А вот Воля открылась, и когда увидела ее, вдруг словно прозрела: там дом мой и там мне надобно быть, а здесь сколько быть и что делать – не ведаю...

– Ты, должно, запуталась совсем. Родичи-то тебя ждут с известием, на тебя будут глядеть, что им поведаешь про нового Бога.

– Поведаю... Пусть сами испробуют его, тогда и решают. Я вот несу им кусочек Воли... Смотри...

Звента распахнула на груди рубаху и сняла с шеи шнурок с берестяным туеском. Осторожно приподняла крышку и протянула Приходу. Тот бережно взял туесок, заглянул внутрь, но ничего там не увидел.

– Так он же пустой!

– Вот и я так думала, когда мне Тициус его давал. Ты внимательно смотри, да к голове приложи...

Приход прижал туесок ко лбу и прислушался к своим ощущениям. И вдруг, все вокруг померкло, появилась похожая на трубу дорога, и он стремительно двигался к сверкавшему вдалеке Свету. А потом он плыл в пространстве. Не было верха и низа, не было направления, а все заполнял, нежный, золотой, переливающийся Свет. Он был живым и Приход чувствовал, что и сам соткан из живого Света.

– Где я, – мысленно спросил он, спросил и услышал бесплотный голос:

– Ты там, где и должен быть, только сейчас твои глаза повернуты внутрь тебя и ты видишь свою истинную сущность.

– Но разве я не человек?

– Ты, как и все люди, заблуждаешься, но живешь этим заблуждением, потому чувствуешь себя только человеком. А ты человек только чуточку, а больше всего – ты – это Я

Не задавай больше вопросов, тебе все скоро станет ясным, готовься, ты исполнил то, что должно было исполнить здесь... Твой путь – обратно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.